

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОЛИТЭКС

POLITEKX

Научный журнал. Издаётся с 2005 года

2023. Том 19, № 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Учредитель:

Санкт-Петербургский государственный университет

Редакционный совет:

Н. А. Баранов (д-р полит. наук, профессор, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС)

Е. Ю. Вятр (д-р полит. наук, профессор Варшавского ун-та)

П. Дуткевич (д-р наук, профессор Карлтонского ун-та)

С. Г. Еремеев (д-р эконом. наук, профессор, депутат Законодательного собрания Ленинградской области)

М. В. Ильин (д-р полит. наук, профессор, ординарный профессор Национального исследовательского ун-та «Высшая школа экономики», рук. Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН)

А. П. Клемешев (д-р полит. наук, профессор, президент Балтийского федер. ун-та им. И. Канта)

В. И. Пантин (д-р филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН)

С. П. Поцелуев (д-р полит. наук, профессор, профессор Южного федер. ун-та)

И. В. Радиков (д-р полит. наук, профессор, и. о. зав. кафедрой Санкт-Петербургского гос. ун-та)

Р. Саква (профессор Кентского ун-та, член Королевского института международных отношений)

Е. Б. Шестопап (д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой Московского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова)

А. Ю. Шутов (д-р ист. наук, профессор, декан факультета политологии Московского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова)

Редакционная коллегия:

А. В. Курочкин (д-р полит. наук, профессор, и. о. декана факультета политологии Санкт-Петербургского гос. ун-та) — главный редактор

О. В. Попова (д-р полит. наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского гос. ун-та) — заместитель главного редактора

Т. В. Агарин (д-р наук, дир. Центра изучения этнических конфликтов Королевского ун-та Белфаста)

В. А. Ачкасов (д-р полит. наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского гос. ун-та)

Р. Беккер (профессор Торуньского ун-та)

Г. И. Грибанова (д-р социол. наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского гос. ун-та)

В. А. Гуторов (д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского гос. ун-та)

А. Н. Данилов (д-р социол. наук, профессор, чл.-кор. НАН Беларуси, зав. кафедрой Белорусского гос. ун-та)

И. В. Мирошниченко (д-р полит. наук, доцент, зав. кафедрой Кубанского гос. ун-та)

Н. М. Мухарямов (д-р полит. наук, профессор, зав. кафедрой Казанского гос. энергетического ун-та)

Г. Ю. Никипорец-Такигава (канд. филос. наук, доцент, зав. кафедрой, декан гуманитарного факультета Российского гос. соц. ун-та, профессор Кембриджского ун-та)

О. Д. Сафонова (канд. полит. наук, доцент Санкт-Петербургского гос. ун-та)

Л. В. Сморгунев (д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского гос. ун-та)

Г. Соотла (профессор Таллинского ун-та)

И. Н. Тарасов (д-р наук, профессор, профессор Балтийского федер. ун-та им. И. Канта)

А. П. Цыганков (PhD, профессор Калифорнийского ун-та)

Ю. П. Шабаетов (д-р ист. наук, профессор, зав. сектором Коми научного центра УрО РАН)

А. А. Ширинянц (д-р полит. наук, профессор, зав. кафедрой Московского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова)

Д. А. Будко (канд. полит. наук, доцент Санкт-Петербургского гос. ун-та) — ответственный секретарь редколлегии

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-82468 от 30 декабря 2021 г. (Роскомнадзор)

Адрес журнала в интернете — <https://politex.spbu.ru/>

Политические институты, процессы и технологии

Соколов А. В., Фролов А. А., Исаева Е. А., Гребенко Е. Д.
Студенческие объединения и сообщества: форматы и результаты
деятельности (на примере университетов консорциума
«Верхняя Волга — территория инноваций»)..... 524

Курочкин А. В., Морозова С. С., Емельянов С. В. Российская система
гражданского образования в условиях цифровых трансформаций
и новых геополитических вызовов 539

Игнатъева О. А., Хомяков Д. О. Дискурс-анализ стратегий обоснования
политики технологического суверенитета России..... 548

Черничкин Д. А., Кривенко А. И. Медиаобраз России в казахстанских
телеграм-каналах 565

Этнополитические процессы

Авксентьев В. А. Политизированная этничность как институциональное
препятствие укреплению общероссийской идентичности на Северном
Кавказе 587

Зазнаев О. И. Формы правления и этнические конфликты: проблема
взаимосвязи и ее решение в политической науке 600

Полунов А. Ю. Содержательные аспекты общероссийской
гражданской идентичности: проблемы и перспективы развития 610

Полякова Н. В. Стратегия польщизны в этноконфессиональном
контексте: социокультурные и политические аспекты (на примере
Белоруссии)..... 619

Шабаетов Ю. П. Демографическая «катастрофа» российских
финно-угров: социальная и политическая мотивированность дрейфа
идентичностей 634

Размышляя над прочитанным

Гришин Н. В. Политика идентичности в городских агломерациях:
обзор современной научной литературы 648

Corrigendum 663

Contents 665

УДК 323.22/.28

**СТУДЕНЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И СООБЩЕСТВА:
ФОРМАТЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(на примере университетов консорциума
«Верхняя Волга — территория инноваций»)***

А. В. Соколов

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова,
Российская Федерация, 150003, Ярославль, ул. Советская, 14

А. А. Фролов

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова,
Российская Федерация, 150003, Ярославль, ул. Советская, 14

Е. А. Исаева

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова,
Российская Федерация, 150003, Ярославль, ул. Советская, 14

Е. Д. Гребенко

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова,
Российская Федерация, 150003, Ярославль, ул. Советская, 14

В статье раскрыты особенности функционирования студенческих объединений и организаций в контексте современной социально-политической реальности. Цель исследования — выявление восприятия студенческих общественных объединений, их форматов и результатов деятельности. Эмпирической основой исследования стали данные, полученные в ходе серии фокус-групповых интервью и интервью экспертов. Основной площадкой исследования являются вузы консорциума «Верхняя Волга — территория инноваций». В теоретической части статьи раскрыты основные ценностно-ориентационные установки современной молодежи и студенчества, их отношение к гражданственности, власти и социальной структуре современного общества. В самом же исследовании была раскрыта как действительная ситуация в самих молодежных и студенческих объединениях, так и особенности их взаимодействия со студенчеством и учебным заведением как структуры в целом. В ходе исследования удалось установить, что осведомленность и вовлеченность студенчества в деятельность молодежных объединений остается на низком уровне. В свою очередь, транслируемые темы и форматы работы этих организаций не в полной мере отражают запросы и предпочтения современного студенчества, что формирует определенную дистан-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР ЯрГУ по проекту № FENZ-2022-0001 «Потенциал молодежных общественных организаций для консолидации российского студенчества в интересах развития страны».

цию между активным и неактивным студенчеством. Результаты исследования позволяют говорить о том, что коммуникация со студенчеством через университетские объединения и организации может быть затруднительной и неэффективной.

Ключевые слова: студенчество, университет, интернет, общественное объединение, мотивация.

ВВЕДЕНИЕ

Студенческая молодежь является одной из самых важных социальных групп, от которой зависит развитие государства как в краткосрочный, так и в долгосрочный период. Студенты обладают высокой перспективой влияния на формирование политического курса страны, повестки и новых трендов. Это зависит от их активности и включенности в разную деятельность, участия в общественных движениях и организациях. Важную роль в этом играют молодежные и студенческие организации и объединения, которые призваны консолидировать группы молодых людей для достижения интересов посредством коллективных действий.

Молодежь как социальная группа не монолитна и представляет собой множество групп, разделенных между собой по своим ценностно-ориентационным установкам и социальному положению. Студенческая молодежь в значительной степени утилитарна. При этом современное российское студенчество способно солидаризироваться и консолидироваться на основе самоуправления в студенческих организациях и объединениях.

На сегодняшний день можно выделить две основные группы студенчества, которые характеризуют степень вовлечения во внеучебную деятельность: первая — активное студенчество, вовлеченное в деятельность студенческих организаций и объединений и другие формы внеучебной деятельности; вторая — неактивное студенчество, характеризующееся низкой степенью вовлечения или вовсе полным неучастием в деятельности студенческих организаций и объединений или каких-либо формах внеучебной активности. Учитывая пассивность молодежи, можно говорить, что представителей второй группы гораздо больше.

Выстраивание коммуникации с молодыми людьми через молодежные и студенческие организации может позволить органам власти формулировать коллективные решения с активной частью студенчества и молодежи в целом, что, в свою очередь, позволяет вовлечь молодежь в социально-политические процессы современного российского общества для развития страны.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Проведенные за последнее время в РФ исследования демонстрируют индифферентное отношение молодежи к политике [Гудков и др., 2020], невовлеченность в конструктивное политическое участие [Попова, Лагутин, 2019]. О. А. Сычев предлагает не ограничивать попытки объяснения феномена политической пассивности молодежи только социально-политическими причинами, среди которых указывает правовой нигилизм, недоверие к власти, проблемы социальной адаптации, а обратиться к психологическим факторам политиче-

ской активности-пассивности, что, по его мнению, позволит полнее описать механизмы поведения молодых избирателей [Сычев, Протасова, Власов, 2020]. Среди подобных психологических факторов важное место ученый отводит ценностям. По данным А. Н. Татарко [Татарко, 2017], люди демонстрируют электоральную пассивность в том случае, если их личные ценности не конгруэнтны ценностям, которые выражают политические партии или политические деятели. Из проведенных исследований известно, что возрастные особенности обнаруживаются не только в ценностях, но и в сфере морали, при этом лица старшего возраста придают большее значение спланивающим моральным основаниям, в первую очередь уважению [Koleva et al., 2012].

Исследования показывают, что у российской молодежи развито патерналистское отношение к власти. О. В. Попова отмечает, что при значимости личной независимости и ориентации на либеральные идеи молодежь имеет явную склонность к патерналистскому отношению к государству, ожидая социальной защиты и помощи, различных гарантий от этого института [Попова, 2021]. В исследовании Т. В. Евгеньевой, А. В. Селезневой и Д. Е. Антонова также выявлены высокие показатели патерналистских ориентаций молодежи, при этом отмечается, что в сознании студенческой молодежи представления о современном Российском государстве являются неоднозначными, молодежь склонна к неустойчивым и негативным суждениям [Евгеньева, Селезнева, Антонов, 2021].

В рамках исследования гражданственности в социополитических ориентациях молодежи А. К. Викулова, Т. В. Плотникова, Л. Л. Штофер и другие ученые [Vikulov et al., 2019] приходят к выводу, что у российской молодежи доминируют два основных отношения к гражданственности: либеральное и патерналистское. В либеральном аспекте молодые люди рассматривают гражданство как осознание своих гражданских прав и обязанностей, своего рода рациональное и активное поведение, соответствующее демократической политической системе. Патерналистские установки молодежи проявляются в лояльности к государству. Патерналисты считают государство политическим институтом, который несет полную ответственность за настоящее и будущее молодежи. Государство также должно создать благоприятную институциональную среду для гражданской социализации и самореализации молодежи. Авторы делают акцент на эклектичном характере гражданственности российской молодежи, свидетельствующем о существовании факторов, препятствующих развитию активной и ответственной гражданской позиции как способности молодежи к самоорганизации и решению социально значимых проблем. Основными из этих факторов являются устойчивые этатистско-патриотические традиции политической культуры и институтов российского гражданского общества. Следовательно, молодежная политика должна быть стимулирующей и направляющей силой.

Современное молодое поколение формировалось в условиях слома старой и формирования новой системы ценностей. Поэтому у современной молодежи не сложилось единой системы ценностей, ценности у разных групп молодежи разнородны, отсутствуют четкие представления о системе государственных ин-

ституты и гражданского общества. Это необходимо учитывать при разработке государственной политики, направленной на развитие и поддержку гражданских инициатив молодежи, в частности через молодежные организации.

Сегодня состояние российских молодежных организаций гражданского общества довольно противоречиво. Эти организации рассматриваются как форма участия граждан в общественной жизни. Они обеспечивают демократизацию политической системы, открывают пространство для рассмотрения актуальных социальных проблем. Решение этих проблем должно обеспечить воспроизводство консенсуса между обществом и властью. Но ментальная программа социального поведения устойчиво воспроизводится, государство сохраняет любую гражданскую инициативу под полным контролем [Lubsky et al., 2019]. Мы видим, что в региональном пространстве политические молодежные организации представлены отдельными немногочисленными объединениями или молодежными структурами политических партий. Пытаясь контролировать общественную инициативу, государство часто стремится «приручить» независимые общественные объединения, создавая определенные правила, регулирующие их взаимоотношения. Это приводит к тому, что гражданские инициативы начинают интегрироваться в вертикаль власти, созданную политическими лидерами страны. В регионах также реализуется эта общенациональная тенденция государственного контроля в сфере гражданских организаций с созданием региональных отделений федеральных организаций.

Ученые делают выводы, что обучающиеся более активно вовлекаются в политический процесс и в разные институции гражданского общества, если учебный процесс включает предметы по гражданской активности и дискуссионные формы работы [Pasek et al., 2008]. Также такой формат образовательной среды способствует развитию у молодежи социальной активности, гражданской ответственности [Lenzi et al., 2014], участию в общественных объединениях [Lenzi et al., 2012], голосованию [Campbell, 2008].

По мнению исследователей [Vikulov et al., 2019], развитие гражданской позиции молодежи — это хорошо управляемый процесс, связанный с государственной молодежной политикой, которая является стимулирующей и направляющей силой в решении проблем формирования личности правового типа, характеризующейся политически и социально активной гражданской позицией. Эффективное использование потенциала гражданской активности молодежи в модернизации российского общества возможно, если будут сформированы адекватные государственные и общественные системы социализации. В данной статье будет рассмотрена институциональная среда студенческих сообществ на примере четырех вузов консорциума университетов «Верхняя Волга — территория инноваций» (Череповецкий государственный университет; Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; Костромской государственный университет; Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых), который был инициирован Ярославским государственным университетом им. П. Г. Демидова в рамках программы «Приоритет 2030».

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью исследования является выявление отношения к студенческим сообществам, их деятельности и ее результатам. Был проведен опрос экспертов и фокус-групповые исследования.

Объектом исследования выступили студенческие общественные объединения. Предметом — восприятие характера и результатов деятельности студенческих общественных объединений.

Исследование базируется на двух массивах данных.

1. Результаты опроса экспертов, в котором приняли участие 17 респондентов из семи субъектов Российской Федерации: четыре эксперта из Вологодской области; по три — из Костромской, Ярославской и Владимирской областей; два — из города Москва; по одному — из Краснодарского и Алтайского краев. Основной массив экспертов (13) пришелся на регионы, представленные вузами консорциума «Верхняя Волга — территория инноваций».

Общее направление профессиональной работы экспертов совпадает с практической реализацией деятельности в сфере молодежной политики и студенческого самоуправления, а также исследовательской деятельностью, затрагивающей проблематику современного российского студенчества и молодежи. В итоге в экспертном опросе участвовали:

— 10 представителей и работников подразделений вузов по молодежной политике и воспитательной работе;

— 4 представителя вузов, осуществляющих исследовательскую деятельность в поле проблематики, связанной с современным российским студенчеством и молодежью в целом;

— 3 представителя студенческих организаций вузов, включая руководителей.

2. Результаты 12 фокус-групповых интервью студенческой молодежи: по три в каждом из университетов, указанных выше. По сформированным гайдам были опрошены следующие группы студенчества: руководители молодежных объединений, активисты студенческих объединений и не участвующие в деятельности сообществ студенты.

ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ О СТУДЕНЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ И ОБЪЕДИНЕНИЯХ

Все исследуемые группы студенчества смогли перечислить внутриуниверситетские студенческие объединения и организации. При этом руководители студенческих объединений и их активисты называли большее количество объединений, чем невовлеченные студенты. Существенно меньше известны среди студентов муниципальные, региональные и федеральные организации студенчества и молодежи. Так, более осведомлены о деятельности последних руководители студенческих организаций вузов. Это объясняется их вовлеченностью в координацию деятельности организаций различного уровня, а также участием в реализации совместных проектов и мероприятий, в том числе крупных — на уровне города или области. Наиболее известными региональными и федеральными организациями для участников являются: Российский

союз молодежи (в основном региональные отделения), Росмолодежь (из-за грантовой деятельности и совместных проектов), молодежные правительства и парламенты регионов (некоторые активисты состоят в них), различные молодежные организации при политических партиях (в основном «Молодая гвардия Единой России»).

Практически все представители студенческих и молодежных объединений состоят в нескольких (в среднем двух-трех) организациях, в основном внутри-университетских. Лишь некоторые — в региональных студенческих и молодежных организациях.

Взаимодействие с организациями вне вуза может осуществляться в рамках реализации городских и региональных проектов (в основном в рамках разовых мероприятий). Некоторыми участниками фокус-групп отмечено, что молодежные организации вне вуза ориентированы на школьников, а потому сотрудничество с ними минимально. Исследование позволяет говорить, что наблюдается только ситуативная включенность студентов в мероприятия и активности других молодежных объединений, в том числе внутри самого вуза. При этом главным форматом взаимодействия с другими организациями, помимо основной (в которой состоит респондент), является оказание личной помощи (в том числе в качестве волонтера) в реализации мероприятий или проектов. Некоторые руководители студенческих организаций называли главным форматом взаимодействия с федеральными и региональными организациями направление волонтеров из числа активного студенчества для участия в совместных мероприятиях.

ИНФОРМИРОВАНИЕ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЪЕДИНЕНИЙ

Основными каналами информирования о деятельности студенческих организаций и объединений являются социальные сети и «сарафанное радио».

Чаще всего студенческие объединения используют социальную сеть «ВКонтакте» и мессенджер «Telegram». При этом распространена система дублирования контента для разных платформ. Руководители студенческих организаций в основном не видят проблем с распространением контента. Представители студенческого актива положительно оценивают внутреннюю коммуникацию (активистов) посредством социальных сетей, но при этом признают существование проблем в коммуникации со студенчеством в целом. Представители неактивного студенчества также указывают, что существует определенный перегруз информации, в том числе и для новичков (первокурсников), по этой причине им сложно определиться с выбором — куда пойти и в чем участвовать. О переизбытке информации говорят и представители актива; так, иногда важная информация о значимых мероприятиях теряется в общей массе информационного контента.

«Сарафанное радио» признается многими участниками основным каналом получения информации о деятельности студенческих объединений. Так, руководители говорят, что часто передают необходимую информацию для студентов

через кураторов-активистов на факультете (институте) или непосредственно в студенческих группах. Активисты сами получают необходимую информацию через друзей в сообществе или напрямую от руководителей студенческих организаций. До студентов, не вовлеченных в актив, информацию зачастую доводят их друзья из объединений или же другие студенты, которые узнали о деятельности объединений любым из вышеперечисленных способов.

Для организации работы студенческих объединений создаются рабочие чаты/сообщества, в которых ведется обсуждение ключевых служебных вопросов. Именно эти чаты/сообщества обычно указываются в качестве контактов. Однако для менее формализованного общения создаются «чаты-болталки», где возможен более широкий спектр тематик для обсуждения.

МОТИВАЦИЯ УЧАСТИЯ В СТУДЕНЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ И ОБЪЕДИНЕНИЯХ

В целом представители студенческого актива воспринимают участие в студенческих организациях как возможность для саморазвития и приобретения полезных навыков и умений для дальнейшей профессиональной деятельности. Некоторые — как возможность саморекламы и шанс показать себя или возможность получения параллельной «профессии», помимо учебной специальности. Также одной из основных причин участия оказывается сама возможность находиться в сообществе активистов. Материальная поддержка (в основном стипендии) не называется явно в качестве мотива для вступления в организацию, но в ответах некоторых представителей студенческого актива прослеживается желание материального вознаграждения за участие во внеучебной деятельности университета. Большинство участников отметили, что получение стипендий за волонтерство или участие в деятельности студенческих объединений затруднительно (высокая конкуренция в конкурсе получения; невозможность получения стипендии для студентов, обучающихся на платной основе). Эксперты считают, что мотивационные установки студентов совпадают с предлагаемыми возможностями самореализации со стороны студенческих сообществ. Главным образом отмечаются преимущества, которые позволяют студентам развиваться в параллельной учебе деятельности, на что существует определенный запрос со стороны активного студенчества.

Среди недостатков экспертами отмечается общая закрытость сообществ активистов студенческих объединений, которая не позволяет включать максимально широкие слои студенчества в «ядро актива». Здесь важно отметить, что на стипендию могут претендовать те, кто набирает наибольшее количество промежуточных поощрений, участвует в наиболее статусных мероприятиях, однако для участия в них приглашаются наиболее активные и уже зарекомендовавшие себя. Поэтому невовлеченные или слабо вовлеченные оказываются «уязвимыми» уже на начальном подготовительном этапе (их просто не приглашают). Тем самым круг замыкается: активные и вовлеченные участвуют, будучи приглашаемыми, менее активные участвуют реже, так как их реже приглашают, они имеют меньше доступа к соответствующей информации.

Наиболее предпочтительных тематик в работе студенческих объединений не выявлено. Так, руководители и активисты студенческих сообществ интересуются тематикой выбранного ими направления работы, собственно, и форматы вовлечения они подстраивают под содержание мероприятий и форм деятельности. При этом руководители тематических направлений отмечают, что пытаются использовать различные форматы взаимодействия со студенчеством, внедряя новые программы и концепции работы. У представителей неактивного студенчества существует запрос на узкоспециализированные тематики и форматы внеучебной самостоятельности. Так, многие не вовлеченные в студенческий актив учащиеся хотят заниматься каким-либо конкретным видом спорта, который не представлен в университетских кружках и сообществах. Однако неактивные студенты утверждают, что готовы участвовать в мероприятиях, которые переключаются с их сферой личных интересов.

ТЕМАТИКА ТРАНСЛИРУЕМЫХ ПОВЕСТОК СТУДЕНЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ

Студенческие сообщества главным образом транслируют на аудиторию информацию о текущей деятельности организаций или тематику, соответствующую сфере их деятельности. Это же подтверждают и результаты интервью экспертов. Практически все эксперты уверены в том, что внутри студенческих организаций участники обсуждают в основном тематику, связанную с непосредственной деятельностью объединения (текущая деятельность). Сообщества студенческих организаций в социальных сетях подвергаются постоянной модерации, просматриваются комментарии и публикуемая информация. Политическая повестка не транслируется студенческими организациями (по крайней мере, в социальных сетях) и считается представителями студенческого актива нежелательной для публичного обсуждения, поскольку студенты могут иметь различные политические взгляды, а в условиях сложной политической обстановки в мире обсуждение политики может способствовать дискредитации деятельности объединений в глазах студенчества.

Внутри самих студенческих сообществ активисты и руководители обсуждают в основном вопросы, связанные с деятельностью самой студенческой организации. Некоторые участники утверждают, что некоторые вопросы социально-политического характера все же затрагиваются, но массовых обсуждений политики участники не допускают (поскольку на нее существует негласный запрет). При этом участники говорят, что обсуждают политическую повестку с друзьями и близкими, а также в чатах для малых групп. Отмечается, что внутри организаций существуют общие чаты, которые используются только в рабочих целях.

Важной особенностью информации, размещаемой в чатах/сообществах для широкой аудитории, является ее отчетный формат (информация о проведенных мероприятиях). В результате она слабо выполняет функцию вовлечения, так как потенциальный участник даже при наличии интереса к мероприятию узнает о нем лишь постфактум и потому не может влиться в соответствующее студенческое объединение через событийную активность.

Ряд экспертов считает, что некоторые информационные повестки могут спускаться руководством вуза или других организаций, но большинство тем для обсуждения участники студенческих организаций и объединений формируют сами.

Создаваемая информационная инфраструктура воспринимается всеми участниками как «рабочая», предусмотренная для поддержания функционирования студенческих объединений. Поэтому действуют неписанные правила по ограничению непрофильного контента. Это касается и политически окрашенной информации. Политические вопросы стараются не обсуждать, в том числе и потому, что это может спровоцировать конфликт среди студентов, имеющих разные взгляды.

ОСНОВНЫЕ СЛОЖНОСТИ И НЕДОСТАТКИ В РАБОТЕ СТУДЕНЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЪЕДИНЕНИЙ

Главная сложность в деятельности студенческих объединений, по мнению их руководителей, — это финансирование, а также поиск и привлечение материальных ресурсов. Для многих основной проблемой является и привлечение новых кадров для замещения или занятия должностей в студенческом объединении. Отмечается также, что участники студенческих сообществ сильно загружены текущей деятельностью, по причине чего возникают трудности в реализации всех запланированных мероприятий и активностей.

Представители студенческих организаций также отмечают общую нехватку активных студентов, которые могли бы им помочь в проведении мероприятий. Некоторые отмечают субъективность в отборе студентов в актив. Так, предпочтение отдается тем, кто имеет умения и навыки, необходимые студенческим объединениям для реализации актуальных планов. Отмечается и формализм при проведении некоторых тематических мероприятий, что вызывает некоторое отторжение у остального студенчества (мероприятие ради мероприятия). Существование определенного формализма в осуществлении мероприятий отмечают и эксперты. По их мнению, студенческие сообщества просто проводят мероприятия ради разовой активности, не несущей в себе какого-либо дальнейшего потенциала в развитии. Это, в свою очередь, создает у остального студенчества ощущение, что студенческие объединения организуют мероприятия для себя или только для отчетности, для достижения заданных показателей (например, в проектной деятельности).

Студенты-активисты говорят, что сменяемость кадров внутри студенческих организаций происходит медленно, из-за чего возникает иерархичность в структуре объединения, которая вызывает у них недовольство (например, на крупные региональные и федеральные форумы отправляют только руководство или «ядро» студенческого актива).

Многие представители студенческих сообществ отметили, что существуют непонимание и отсутствие поддержки со стороны руководства университета. Из-за этого студенты боятся брать на себя ответственность в управлении и организации в рамках студенческой активности.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ МОЛОДЕЖНЫХ И СТУДЕНЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Представители студенческих организаций и объединений видят различные их достижения и результаты работы. Так, к результатам они относят само формирование группы активного студенчества, которое берет на себя полномочия организации внеучебной деятельности для студентов. На основе этого формируется и общая преемственность традиций студенческой самостоятельности в каждом отдельно взятом вузе. Реализация проектов и проведение мероприятий, по их мнению, формирует у представителей студенческого актива опыт и профессиональные навыки, которые они могут использовать уже в своей трудовой деятельности. Активные студенты считают, что своей деятельностью и участием в мероприятиях регионального и федерального уровня поднимают престиж университета. Необходимо отметить, что представители студенческих сообществ весьма заинтересованы в достижениях и наградах, присваиваемых их сообществам, воспринимают их и как личный вклад в общую деятельность.

Важным результатом активисты и особенно руководители называют получаемые в ходе внеучебной деятельности яркие эмоции («именно эти эмоции буду вспоминать много лет спустя, а не учебу за партой»), а также круг общения и друзей. Эксперты главными результатами работы студенческих и молодежных объединений также видят реализованные мероприятия и проекты, направленные не только на студенческую молодежь, но и на другие группы населения (социально ориентированные проекты). Более абстрактными признаются достижения, связанные с увеличением престижа вузов, которые представляют объединения, и развитие современного российского студенчества и молодежи в целом.

Неактивные участники видят лишь поверхностные достижения студенческих объединений или вовсе не знают о результатах их деятельности, поэтому им сложно выделить какие-либо конкретные ее результаты. Как правило, они узнают лишь о разовых мероприятиях актива из социальных сетей, от друзей и от студенческого актива. Они наблюдают за мероприятиями университета в ленте новостей, но эта информация не запоминается (отмечена стандартная текущая отчетность в рамках ведения социальных сетей студенческих сообществ).

Оценивая уровень влияния студенческих объединений на мировоззрение всего студенчества, большинство участников отметили, что студенческие организации могут оказывать влияние на формирование ценностно-ориентационных установок современной молодежи. Несмотря на это, неактивные студенты отмечают, что подобное влияние оказывается только на студентов вовлеченных и интересующихся деятельностью студенческих сообществ, а большая часть студенчества остается вне этого влияния.

ВЫВОДЫ

Молодежные объединения и молодежные некоммерческие организации регионов почти не известны студенческой молодежи, нет осязаемого вовлечения студентов в их работу. Фокус-группы показали, что студенты, причем как активные, так и неактивные, не могут назвать региональные молодежные не-

коммерческие организации и тем более не вовлечены в их работу. Это связано в значительной степени с неэффективностью информирования и неразвитостью каналов коммуникации организаций с обучающимися. Также важно, что молодежные объединения региона не заходят на территорию вузов, не сотрудничают со студентами, массово не вовлекают молодежь в свою работу. Можно сказать, что студенческие организации сосредоточены в основном на локальной (университетской) деятельности, взаимодействие с региональными и федеральными организациями сведено к минимуму.

Студенческий актив — достаточно иерархичная структура. Существуют сложности с вхождением, прохождением отбора в студенческие сообщества. Вовлечение активистов в студенческие организации происходит в основном на первом курсе, в рамках ежегодных презентаций работы своих. Если студент не вовлекается на первом курсе, то шансы дальнейшего его задействования практически минимальны. Это связано с отсутствием интереса к студенческим сообществам у не входящих в их состав (или тем, что место внеучебной деятельности может занять работа), отсутствием информации о мероприятиях для старшекурсников (не работают механизмы личных приглашений / презентации сообществ; студенты не успевают фильтровать поток информации из разных университетских сообществ или просто не знают об их существовании). При этом среди студенческих сообществ прослеживается «борьба за кадры». Также можно сделать вывод о том, что, как правило, в вузе действует одна основная организация, вокруг которой выстраивается деятельность других объединений (профком студентов, объединенный совет обучающихся и др.), при этом в среднем активные студенты состоят в двух-трех сообществах внутри университетов.

Существующие направления и формы деятельности студенческих организаций не в полной мере соответствуют запросам современной молодежи. Вместе с тем у самих студентов отсутствует интерес к созданию новых сообществ, и они не проявляют такой инициативы. Сейчас прослеживается тенденция к созданию скорее узких тематических объединений, нежели широкоформатных структур, также проявляется интерес к форматам участия, которые строятся на новых интерактивных формах с эффектом геймификации (квизы, квесты и т. д.). Запрос на подобные объединения присутствует у представителей как неактивного, так и активного студенчества. В связи с этим целесообразно стимулировать разнообразие тематик и форматов работы внутри университета, чтобы иметь возможность охватить максимально широкое количество обучающихся. Сейчас активисты для достижения разовых целей (закрыть показатели по численности, обеспечить массовость мероприятия и т. п.) часто привлекают своих друзей/одногруппников, но их участие носит спорадический характер, они не вовлекаются в деятельность сообществ на постоянной основе.

Информированность о существующих возможностях внеучебной активности внутри университета достаточно высока. Основными каналами распространения информации о студенческих сообществах являются группы в социальных сетях, в основном это социальная сеть «ВКонтакте» и мессенджер Telegram.

Инициаторы деятельности (руководители и активисты) не видят сложностей с распространением информации, при этом неактивные студенты нередко обозначают отсутствие информации как проблему. Само информирование зачастую носит формальный характер, направлено на сообщение о проведенных мероприятиях, что не позволяет студентам, потенциально заинтересованным в такой деятельности, но еще не вовлеченным в нее, присоединиться на начальных этапах. Активу студенческих сообществ следует информировать скорее в начале подготовки каких-либо мероприятий и проектов с приглашением новых участников; постоянно проводить вовлекающие мероприятия для студентов 2–4-го курсов, чтобы вовлечь ранее не вовлеченных.

Создаваемая внутри университета экосистема информационных ресурсов воспринимается как рабочая и деловая, не предназначенная для обсуждения личных позиций, мнений (в том числе и по политическим вопросам). Поэтому в них доминирует деловая информация, сообщения о деятельности сообщества или вуза в целом. Студенческие сообщества в основном не готовы открыто обсуждать (как в положительном, так и в негативном ключе) политическую повестку. Если возникает потребность пообщаться на личные темы, в том числе обсудить политические взгляды, то студенты переходят в личные сообщения либо групповые чаты по интересам с близкими, друзьями. Навязывание политических тематик сверху (от вуза) или снизу (от лидеров сообществ) воспринимается в негативно-нейтральной форме, данные инициативы остаются, как правило, максимально незамеченными/проигнорированными со стороны студентов. Поэтому потенциальная возможность внедрения политической или социальной повестки может вызвать массовое отторжение как у неактивного, так и у активного студенчества.

Для студенческой молодежи важна субъектность, поэтому они стремятся инициировать и реализовывать свои проекты, а не спускаемые сверху. Стимулом участия во внеучебной активности студенты имеют возможность получить от этой деятельности то, чего им не хватает, в соответствии с их ситуацией и запросами (самореализация, компенсация нехватки внимания, адаптация на новой территории жизни, включение в новые социальные группы и т. д.). Результаты деятельности студенческих сообществ можно разделить на два типа: досуговые и «победные». Досуговые сводятся к совместному времяпровождению, организации разных мероприятий. К «победным» можно отнести участие и занятие призовых мест на разных межрегиональных и всероссийских соревнованиях, получение признания на межвузовском уровне. Делая общий вывод, можно сказать, что управление студенческой молодежью через созданные объединения в настоящем их виде практически невозможно. Исследование показало, что студенческие объединения достаточно хрупкие, максимально идеологически самостоятельные, аполитичные. Формирование повестки возможно лишь исподволь, через инновационные формы увлекательной деятельности, которые без навязывания и поучения могут рефреном транслировать те или иные смыслы.

Литература

Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К., Рысева А. «ПОКОЛЕНИЕ Z»: Молодежь времени путинского правления // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2020. № 1–2 (130). С. 21–121.

Евгеньева Т. В., Селезнёва А. В., Антонов Д. Е. Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11, № 2. С. 63–71. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-2-63-71>

Попова О. В. Идеологические ценности современной российской молодежи: по итогам эмпирического исследования // Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные ответы сборник научных трудов XXXVII Международного харьковского форума: в 2 т. Т. 2. Симферополь: АРИАЛ, 2021. С. 134–140.

Попова О. В., Лагутин О. В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21, № 4. С. 599–619. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619>

Сычев О. А., Протасова И. Н., Власов М. С. Моральные основания и намерение участвовать в голосовании на выборах президента России // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 2. С. 38–53. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110203>

Татарко А. Н. Взаимосвязь базовых человеческих ценностей и электорального поведения // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8, № 1. С. 17–37. <https://doi.org/10.17759/sps.2017080102>

Campbell D. E. Voice in the classroom: How an open classroom climate fosters political engagement among adolescents // Political Behavior. 2008. № 30. P. 437–454. <https://doi.org/10.1007/s11109-008-9063-z>

Koleva S. P., Graham J., Iyer R., Ditto P. H., Haidt J. Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes // Journal of Research in Personality. 2012. Vol. 46 (2). P. 184–194. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2012.01.006>

Lenzi M., Vieno A., Perkins D. D., Santinello M., Elgar F. J., Morgan A., Mazzardis S. Family affluence, school and neighborhood contexts and adolescents' civic engagement: A cross-national study // American Journal of Community Psychology. 2012. Vol. 50, iss. 1–2. P. 197–210. <https://doi.org/10.1007/s10464-012-9489-7>

Lenzi M., Vieno A., Sharkey J., Mayworm A., Scaahi L., Pastore M., Santinello M. How school can teach civic engagement besides civic education: The role of democratic school climate // American Journal of Community Psychology. 2014. Vol. 54, iss. 3–4. P. 251–261. <https://doi.org/10.1007/s10464-014-9669-8>

Lubsky A. V., Shevchenko O. M., Volkov Y. G., Bineeva N. K., Vagina V. O. Citizenship in Multicultural Communities in the South of Russia // Journal of History Culture and Art Research. 2019. Vol. 8, no. 4. P. 291–299. <https://doi.org/10.7596/taksad.v8i4.2380>

Pasek J., Feldman L., Romer D., Jamieson K. H. Schools as incubators of democratic participation: Building long-term political efficacy with civic education // Applied Development Science. 2008. Vol. 12, iss. 1. P. 26–37. <https://doi.org/10.1080/10888690801910526>

Vikulov A. K., Plotnikova T. V., Shtofer L. L., Shevchenko L. V., Spektor L. A. Citizenship in the structure of socio-political orientations of Russian youth: Place and role in statehood strengthening // Humanities and Social Sciences Reviews. 2019. Vol. 7, no. 5. P. 744–749. <https://doi.org/10.18510/hssr.2019.7592>

Соколов Александр Владимирович — д-р полит. наук, доц.; alex8119@mail.ru

Фролов Александр Альбертович — канд. полит. наук; a.a.froloff@gmail.com

Исаева Елена Александровна — канд. юрид. наук, доц.; elenia2000@mail.ru

Гребенко Егор Дмитриевич — ассистент; grebenkoegor76@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 6 февраля 2023 г.;

рекомендована к печати: 8 сентября 2023 г.

Для цитирования: *Соколов А. В., Фролов А. А., Исаева Е. А., Гребенко Е. Д.* Студенческие объединения и сообщества: форматы и результаты деятельности (на примере университетов консорциума «Верхняя Волга — территория инноваций») // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19, № 4. С. 524–538. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.401>

STUDENT ASSOCIATIONS AND COMMUNITIES: FORMATS AND RESULTS OF ACTIVITIES (ON THE EXAMPLE CONSORTIUM OF UNIVERSITIES “UPPER VOLGA — THE TERRITORY OF INNOVATION”)*

Alexandr V. Sokolov

Demidov Yaroslavl State University,
14, Sovetskaya ul., Yaroslavl, 150003, Russian Federation; alex8119@mail.ru

Alexandr A. Frolov

Demidov Yaroslavl State University,
14, Sovetskaya ul., Yaroslavl, 150003, Russian Federation; a.a.froloff@gmail.com

Elena A. Isaeva

Demidov Yaroslavl State University,
14, Sovetskaya ul., Yaroslavl, 150003, Russian Federation; elenia2000@mail.ru

Egor D. Grebenko

Demidov Yaroslavl State University,
14, Sovetskaya ul., Yaroslavl, 150003, Russian Federation; grebenkoegor76@gmail.com

The article reveals the features of the functioning of student associations and organizations in the context of modern socio-political reality. The purpose of the study is to identify the perception of students of public associations, their formats and the results of their activities. The empirical basis of the study is the data obtained during a series of focus group interviews and expert interviews. The main research platform is the consortium of universities “Upper Volga — the territory of innovation”. The main value-orientation attitudes of modern youth and students, their attitudes to citizenship, power and the social structure of modern society are revealed in the theoretical part of the paper. In the study itself, the actual situation was revealed both in the youth and student associations themselves, and the specifics of their interaction with students and the educational institution as a whole. Thus, in the course of the study, it was found that the awareness and involvement of students in the activities of youth associations remains at a low level. In turn, the broadcast topics and formats of the work of these organizations do not fully reflect the needs and preferences of modern students, which forms a certain distance between active and inactive students. The results of the study suggest that communication with students through university associations and organizations can be difficult and ineffective.

Keywords: students, university, Internet, public association, motivation.

* The study was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation within the framework of the state task for the research of YarSU under the project no. FENZ-2022-0001 “The potential of youth public organizations for the consolidation of Russian students in the interests of the country’s development”.

References

Campbell D. E. Voice in the classroom: How an open classroom climate fosters political engagement among adolescents. *Political Behavior*, 2008, no. 30, pp. 437–454. <https://doi.org/10.1007/s11109-008-9063-z>

Gudkov L., Zorkaya N., Kochergina E., Pipia K., Ryseva A. “GENERATION Z”: The Youth of the time of Putin’s rule. *Vestnik obshchestvennogo mneniia. Dannye. Analiz. Diskussii*, 2020, no. 1–2 (130), pp. 21–121. (In Russian)

Evgenieva T. V., Selezneva A. V., Antonov D. E. Political culture of Russian student youth: Value, figurative-symbolic and behavioral aspects. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 63–71. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-2-63-71> (In Russian)

Koleva S. P., Graham J., Iyer R., Ditto P. H., Haidt J. Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes. *Journal of Research in Personality*, 2012, vol. 46 (2), pp. 184–194. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2012.01.006>

Lenzi M., Vieno A., Perkins D. D., Santinello M., Elgar F. J., Morgan A., Mazzardis S. Family affluence, school and neighborhood contexts and adolescents’ civic engagement: A cross-national study. *American Journal of Community Psychology*, 2012, vol. 50, iss. 1–2, pp. 197–210. <https://doi.org/10.1007/s10464-012-9489-7>

Lenzi M., Vieno A., Sharkey J., Mayworm A., Scaahi L., Pastore M., Santinello M. How school can teach civic engagement besides civic education: The role of democratic school climate. *American Journal of Community Psychology*, 2014, vol. 54, iss. 3–4, pp. 251–261. <https://doi.org/10.1007/s10464-014-9669-8>

Lubsky A. V., Shevchenko O. M., Volkov Y. G., Bineeva N. K., Vagina V. O. Citizenship in Multicultural Communities in the South of Russia. *Journal of History Culture and Art Research*, 2019, vol. 8, no. 4, pp. 291–299. <https://doi.org/10.7596/taksad.v8i4.2380>

Pasek J., Feldman L., Romer D., Jamieson K. H. Schools as incubators of democratic participation: Building long-term political efficacy with civic education. *Applied Development Science*, 2008, vol. 12, iss. 1, pp. 26–37. <https://doi.org/10.1080/10888690801910526>

Popova O. V. Ideological values of modern Russian youth: Based on the results of an empirical study. *Political space and social time: global challenges and civilizational responses, a collection of scientific works of the XXXVII International Harak Forum*, in 2 vols, vol. 2. Simferopol, 2021, pp. 134–140. (In Russian)

Popova O. V., Lagutin O. V. Political sentiments of youth: Loyalty or protest? *RUDN Journal of Political Science*, 2019, vol. 21, no. 4, pp. 599–619. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619> (In Russian)

Sychev O. A., Protasova I. N., Vlasov M. S. Moral grounds and intention to vote in the presidential elections of Russia. *Social Psychology and Society*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 38–53. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110203> (In Russian)

Tatarko A. N. Interrelation of basic human values and electoral behavior. *Social Psychology and Society*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 17–37. <https://doi.org/10.17759/sps.2017080102> (In Russian)

Vikulov A. K., Plotnikova T. V., Shtofer L. L., Shevchenko L. V., Spektor L. A. Citizenship in the structure of socio-political orientations of Russian youth: Place and role in statehood strengthening. *Humanities and Social Sciences reviews*, 2019, vol. 7, no. 5, pp. 744–749. <https://doi.org/10.18510/hssr.2019.7592>

Received: February 6, 2023

Accepted: September 8, 2023

For citation: Sokolov A. V., Frolov A. A., Isaeva E. A., Grebenko E. D. Student associations and communities: Formats and results of activities (on the example consortium of universities “Upper Volga — the territory of innovation”). *Political Expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 524–538. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.401> (In Russian)

РОССИЙСКАЯ СИСТЕМА ГРАЖДАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ*

А. В. Курочкин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

С. С. Морозова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

С. В. Емельянов

Национальный драматический театр России (Александринский театр),
Российская Федерация, 191023, Санкт-Петербург, пл. Островского, 6

Текущая цифровая революция уже сегодня привела к значительной трансформации содержания, методов, форм и интенсивности гражданского участия в общественно-политической жизни практически всех государств мира. Современные информационно-коммуникационные технологии повлияли на формы и механизмы осуществления публичной политики в целом, трансформировали процесс политической коммуникации, создав новое виртуальное измерение публичной сферы. Очевидно, что произошедшие изменения требуют от граждан освоения новых компетенций, которые позволят им эффективно взаимодействовать как друг с другом, так и с институтами государственной власти в рамках новой социальной и политической реальности. Следовательно, проблема формирования новой гражданской компетентности является одной из ключевых в контексте текущего процесса цифровизации политики и управления. Актуальность исследуемой проблематики определяется, с одной стороны, чрезвычайным ускорением темпов развития и трансформации всех сфер жизни общества, что, в свою очередь, диктует необходимость создания инструментов, позволяющих ускорить и упростить процесс адаптации как каждого конкретного индивида, так и социально-политических институтов к быстро изменяющейся реальности, а с другой стороны, задачей сохранения и укрепления существующей политической системы Российской Федерации и основ конституционного строя, которая приобретает особое значение в контексте непрекращающихся информационных войн, распространения фейков, в том числе и о деятельности органов государственной власти и государственных структур, глобальных проблем (таких как турбулентность в мировой политике, пандемия COVID-19, терроризм, изменение климата, нехватка природных ресурсов) и локальных (безработица, сепаратизм, бедность населения), а также ряда других опасностей и угроз, с которыми продолжают сталкиваться современные государства. Статья направлена на формирование концептуальных оснований оптимизации системы российского гражданского образования в условиях новых вызовов и рисков. Авторы уделяют особое внимание теоретическому

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-78-10049 «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности»).

осмыслению понятия «гражданское образование», выявлению его особенностей и функциональных характеристик. На основании компаративного подхода авторы проводят анализ научной литературы, затрагивающей проблематику гражданского участия, образования, форм и методов его совершенствования в современных условиях. В заключение авторы обращаются к конкретным примерам и формулируют рекомендации по успешному формированию концептуальной модели оптимизации российской системы гражданского образования.

Ключевые слова: гражданское образование, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, life-long learning, гражданская компетентность, цифровые навыки, гражданские ценности.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях текущих геополитических вызовов и рисков, трансформации политики и управления под влиянием процесса цифровизации исключительную актуальность приобретает решение проблемы формирования новой гражданской компетентности, которое предполагает, с одной стороны, выявление и глубокий анализ особенностей, проблем и рисков, возникающих во взаимодействии государства, граждан и гражданских ассоциаций, а с другой — реализацию целевых установок на повышение уровня доверия к власти, определяющего степень ее легитимности. Отсюда возникает необходимость разработки оригинальной концептуальной модели оптимизации системы российского гражданского образования. Ключевая задача построения данной модели — определить, каким образом новая система гражданского образования сможет оказывать влияние на формирование доверия к новым структурам публичной власти, повышение гражданской активности при одновременном соблюдении условий укрепления существующей политической системы Российской Федерации и основ конституционного строя, сохранения конфиденциальности персональных данных граждан, прозрачности деятельности государственных институтов, а также реализации принципов подотчетности и эффективности работы административных органов на всех уровнях системы единой публичной власти.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА

Необходимость создания системы инструментов гражданского образования, позволяющих ускорить и упростить процесс адаптации как каждого конкретного индивида, так и социально-политических институтов в целом к быстро изменяющейся реальности определяется прежде всего задачей сохранения устойчивости политической системы Российской Федерации и укрепления основ конституционного строя, которая приобретает особое значение в контексте крайне обострившихся за последний год информационных войн, распространения в ходе этих войн заведомо ложной информации о деятельности органов государственной власти и вооруженных сил РФ, растущего в геометрической прогрессии числа попыток манипуляций общественным мнением.

Для того чтобы сформулировать основные принципы новой модели гражданского образования, уточним содержание понятия «гражданское образование» и то, каким образом оно меняется под воздействием процессов циф-

ровизации. Большинство наличествующих на сегодняшний день определений раскрывают его содержание посредством перечисления выполняемых им функций: «Гражданское образование — это различные направления деятельности и формирующая окружающая среда, способствующие становлению гражданственности через:

- развитие демократических гражданских качеств;
- выработку осознанной гражданской позиции;
- сохранение баланса свободной личной инициативы и ответственности перед обществом;
- стремление к активным действиям по решению существующих проблем» [Современные вызовы и риски...].

«Под гражданским образованием понимается процесс передачи обучающимся специальных знаний, развития у них умений и навыков, служащих цели усвоения ими позитивного социального опыта и развития базовых социальных компетентностей. Это есть комплексная система организации различных видов педагогической деятельности, стержнем которой является правовое, политическое и нравственное образование и воспитание, реализуемые как через образовательный процесс, так и посредством демократической, правовой организации школьной среды» [Чухин, 2015, с. 120].

Также встречаются определения гражданского образования, подчеркивающие его системный характер и общественно-политическое значение: «Гражданское образование проявляет себя в социокультурной реальности как система правовых и политических информационных доминант. Оно является основой для консолидации общества, сохранения единого социокультурного пространства страны. Гражданское образование нацелено на создание условий для успешной социализации молодежи в обществе, ее адаптации на рынке труда, освоения базовых социальных способностей, воспитания гражданского сознания» [Григорьева, Яцукова, 2020, с. 38].

Формально-правовое определение понятия «гражданское образование», включающее в себя целевые и функциональные характеристики, мы можем обнаружить в Проекте государственной программы «Гражданское образование населения Российской Федерации на 2005–2008 гг.»: «Гражданское образование — это общественно-государственная, социально-ориентированная система непрерывного обучения и воспитания, направленная на формирование компетентности, на демократическое формирование культуры, гражданской удовлетворение потребностей в социализации в интересах личности, гражданского общества и правового государства» [Проект государственной программы...].

Анализ научной литературы, затрагивающей проблематику гражданского участия, образования, форм и методов его совершенствования в современных условиях, показывает, что этот вопрос рассматривается преимущественно сквозь призму либо политико-философского, либо социализаторского подхода.

Так, концептуальные основы гражданского участия, соотношения публичного и частного в поле политики нашли свое отражение в классических работах Дж. Дьюи [Дьюи, 2002], Р. Козеллека [Koselleck, 1973], Х. Арендт [Арендт, 2000] и Ю. Хабермаса [Habermas, 1985].

Оригинальная концепция гражданской компетенции представлена в работах классика политической науки Роберта Даля [Даль]. Она также нашла отражение и развитие в работах целого ряда российских исследователей процессов политической социализации и гражданского активизма: М. В. Емельяновой и М. А. Боровой [Емельянова, Боровая, 2017], И. Н. Трофимовой [Трофимова, 2015], Т. Е. Шепелевой [Шепелева, 2016] и др., акцентировавших внимание на особенностях формирования гражданской компетенции на различных этапах политической социализации, с учетом специфики социальных групп.

Анализ связи различных форм, методов гражданского образования и повышения уровня гражданского участия подробно рассмотрены в работах А. Ю. Сунгурова [Сунгуров], П. А. Баранова [Баранов, 2006], а также Н. И. Элиасберг [Элиасберг, 2011].

Влияние цифровизации на процессы гражданского образования и активизма нашло отражение в работах отечественных политологов: Р. В. Пырмы [Пырма, 2021], Е. В. Бродовской и соавторов [Бродовская и др., 2020], С. В. Володенкова и С. Н. Федорченко [Володенков, Федорченко, 2021] и др.

Рассмотренные теоретические основания формирования и развития гражданского образования позволяют сделать вывод о сложности и многомерности данного процесса, который, опираясь на идеологический и ценностный аспекты понятия «гражданское образование», можно отнести к одному из важнейших факторов обеспечения национальной безопасности. Поэтому оптимизация системы российского гражданского образования должна происходить постепенно и системно, как в рамках образовательной сферы, так и на уровне решения общенациональных задач.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Даже краткий анализ существующего массива научной литературы по различным аспектам гражданского образования показывает недостаточность проработки вопроса о том, как именно должна меняться система гражданского образования в новых условиях цифровизации и обострения внешнеполитических вызовов.

Для формирования концептуальных оснований новой модели гражданского образования в этих условиях представляется необходимым решить ряд исследовательских задач:

- 1) определить новые теоретико-методологические основания публичной политики в условиях цифровых трансформаций политических коммуникаций;
- 2) выявить качественные изменения механизмов выработки и реализации публичной политики в процессе цифровизации;
- 3) определить новое содержание, функции и место цифрового гражданского образования в системе публичной политики;
- 4) раскрыть особенности цифрового гражданского образования как ключевой культурно-просветительской компоненты публичной политики;

5) проанализировать потенциал цифровых технологий гражданского образования как превенции экстремизму, национализму и другим политическим вызовам и рискам. Решение подобной системы задач требует проведения отдельного междисциплинарного исследования на общенациональном уровне.

Необходимо также закрепление в правовом поле ряда универсальных требований к методическому инструментарию и порядку реализации образовательных траекторий. Прежде всего следует законодательно обеспечить непрерывный характер гражданского образования, что в целом соответствует концепции обучения в течение всей жизни (life-long learning) и позволяет производить необходимые содержательные и компетентностные корректировки, учитывающие последние достижения научно-технологического развития. В данном ключе особую значимость приобретает координационная функция государства в обеспечении организации процесса непрерывного обучения и создания системы межведомственного и межрегионального взаимодействия субъектов образовательного процесса.

Наконец, необходима серьезная ревизия того содержания, которое закладывалось в образование в конце 1990-х — начале 2000-х годов, когда собственно и формировались основы различных образовательных стандартов и программ в социогуманитарной сфере. Речь идет не только о технологическом устаревании и необходимости развития новых цифровых компетенций, но и об их идеологическом содержании.

Один из ярких примеров эффективного инструмента формирования новой гражданской компетентности в современной России — общенациональный проект «ДНК России», который направлен на вовлечение академического сообщества в учебно-методическое и научно-исследовательское сопровождение государственной политики в области просвещения, высшего образования и молодежной политики. Ключевыми задачами данного проекта на текущем этапе являются разработка и внедрение в учебные программы вузов дисциплины «Основы российской государственности» с целью формирования у обучающихся начальных курсов общегражданских компетенций и системы ценностей, соответствующих изложенным в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» фундаментальным ценностным основаниям российской государственности.

В качестве важных методических и содержательных задач в рамках проекта «ДНК России», которые предстоит решить обществоведам в ближайшее время, можно выделить следующие:

- определение оптимального соотношения федеральной и региональной компонент, особенно в части содержания героико-патриотического воспитания;
- четкое определение содержательной связи и отличий от курса «История России»;
- эффективная институционализация курса «Основы российской государственности»;
- практическая направленность курса, а не фундаментальность и теоретизация.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Либерально-демократический идеологический базис, искусственно привнесенный на российскую почву, привел к эклектичному и внутренне противоречивому смысловому наполнению образовательных программ, в лучшем случае представлявших собой сокращенный до инструментальных положений курс обществознания. Отсутствие и даже запрет основ национальной идеологии сводили все методические наработки в данной сфере к нулю, поскольку лишали гражданское образование самого главного — содержательного смысла, объединяющего систему гражданских ценностей, гражданскую идентичность и гражданские компетенции.

Основываясь на результатах проведенного исследования, следует заключить, что основная задача выработки новой модели гражданского образования должна быть сосредоточена не только в плоскости решения методических и организационных проблем, расширения использования современных цифровых технологий, но и в сфере определения объединяющей нацию системы ценностей и имплементации ее в основание образовательных программ и стандартов. В России ключевые шаги в этом направлении были уже сделаны в 2020–2022 г., когда были приняты поправки к действующей Конституции РФ, уточнившие основы российской государственности и подписан указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Однако сегодня требуется более активная работа по внедрению этих положений в качестве фундаментальных оснований новой программы гражданского образования и выстраивания содержания именно вокруг закрепленной в праве системы гражданских ценностей (безусловно, с возможностью их уточнения и дополнения). Неотъемлемым условием реализации данной задачи является значительная государственная поддержка во взаимодействии со всеми субъектами системы образования и инвестиционными фондами, включая организацию, координацию и нормативно-правовое обеспечение образовательного процесса. При этом важно учитывать неравномерность и необходимость выравнивания уровня социально-экономического и цифрового развития регионов России.

В качестве дальнейших перспектив исследований в данной области возможно углубленное изучение международных проектов, направленных на развитие гражданского образования, учитывающих его современные тенденции, меры и возможности успешной имплементации, в том числе в российской практике.

Литература

- Арендт Х. *Vita Activa!*, или О деятельности жизни / пер. с англ. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
- Баранов П. А. Феномен гражданского образования: феномен и перспективы. СПб.: Союз, 2006. 167 с. URL: <https://www.ifar.ru/library/book074.pdf> (дата обращения: 03.05.2023).
- Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Синяков А. В., Азаров А. А. Построение модели влияния современных цифровых коммуникаций на профессиональные компетенции российской молодежи // Информационное общество. 2020. № 4–5. С. 33–43. URL: <http://infosoc.iis.ru/article/view/115> (дата обращения: 03.05.2023).

Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровизация современного пространства общественно-политических коммуникаций: научные концепции, модели и сценарии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 175–193.

Григорьева Н. А., Яцукова И. Л. Гражданское образование в России: история и современность: учебное пособие. М.: Мир науки, 2020. URL: <https://izd-mn.com/PDF/04MNNPU20.pdf?ysclid=1h7sj8b8o0460605072> (дата обращения: 03.05.2023).

Даль Р. А. Проблемы гражданской компетентности // Антологии. Пределы власти. URL: <http://old.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-3.htm> (дата обращения: 03.05.2023).

Дьюи Дж. Общество и его проблемы / пер. с англ. И. И. Мюрберг, А. Б. Толстова, Е. Н. Кошиловой. М.: Идея-Пресс, 2002. 160 с.

Емельянова М. В., Боровая М. А. Сущность и содержание гражданской компетентности старшеклассников. Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2017. № 3–2 (95). С. 181–187

Проект государственной программы «Гражданское образование населения Российской Федерации на 2005–2008 годы». URL: <http://www.civilg8.ru/4530.php> (дата обращения: 03.05.2023).

Пырма Р. В. «Погружение» граждан в цифровую среду коммуникаций // Власть. 2021. Т. 29, № 1. С. 69–76.

Современные вызовы и риски развития гражданского образования в России. URL: <https://infourok.ru/sovremennye-vyzovy-i-riski-razvitiya-grazhdanskogo-obrazovaniya-v-rossii-4946686.html> (дата обращения: 03.05.2023).

Сунгуров А. Ю. Гражданское образование и правовое просвещение: модели регионального развития // Электронная библиотека Гражданское общество в России. 14 с. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_gr_obrazovanie.pdf (дата обращения: 03.05.2023).

Трофимова И. Н. Гражданская компетенция: государственная политика или возможности для гражданина // Электронная библиотека. Гражданское общество в России. 2015. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Trofimova_2015.pdf (дата обращения: 03.05.2023).

Чухин С. Г. Сущность, функции и содержание гражданского образования // Омский научный вестник. 2015. № 1 (135). С. 119–122.

Шепелева Т. Е. Соотношение терминов «гражданская компетенция», «гражданская компетентность» с понятием «гражданственность» // Мир науки. 2016. Т. 4, № 2. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/61PDMN216.pdf> (дата обращения: 03.05.2023).

Элиасберг Н. И. Роль обществоведческих учебных курсов в формировании гражданских свойств личности выпускника // Школьное социальное образование: гуманитарный подход / под науч. ред. О. Н. Журавлевой. СПб.: АППО, 2011. С. 109–118.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. 3. Auflage. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985. 605 S.

Koselleck R. Kritik und Krise — Eine Studie zur Pathogenese der Bürgerlichen Welt. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1973. 247 s.

Курочкин Александр Вячеславович — д-р. полит. наук, проф.; alexkur@bk.ru

Морозова Светлана Сергеевна — канд. полит. наук, доц.; s.s.morozova@spbu.ru

Емельянов Сергей Витальевич — theatre@alexandrinsky.ru

Статья поступила в редакцию: 8 мая 2023 г.;

рекомендована к печати: 8 сентября 2023 г.

Для цитирования: Курочкин А. В., Морозова С. С., Емельянов С. В. Российская система гражданского образования в условиях цифровых трансформаций и новых геополитических вызовов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19, № 4. С. 539–547. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.402>

THE RUSSIAN SYSTEM OF CIVIL EDUCATION IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATIONS AND NEW GEOPOLITICAL CHALLENGES*

Aleksandr V. Kurochkin

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; alexkur@bk.ru

Svetlana S. Morozova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
s.s.morozova@spbu.ru

Sergey V. Emelyanov

National Drama Theatre of Russia (Alexandrinsky Theatre),
6, pl. Ostrovskogo, St. Petersburg, 191023, Russian Federation; theatre@alexandrinsky.ru

The current digital revolution has already led to a significant transformation of the content, methods, forms and intensity of civic participation in the socio-political life of almost all states of the world. Modern information and communication technologies have influenced the forms and mechanisms for the implementation of public policy in general, have transformed the process of political communication, creating a new virtual dimension of the public sphere. Obviously, the changes that have taken place require citizens to master new competencies that will allow them to effectively interact both with each other and with government institutions within the framework of a new social and political reality. Therefore, the problem of forming a new, civic competence is one of the key ones in the context of the current process of digitalization of politics and management. The relevance of the issues under study is determined, on the one hand, by the extraordinary acceleration of the pace of development and transformation of all spheres of society, which, in turn, dictates the need to create tools to speed up and simplify the process of adaptation, both for each specific individual and socially political institutions, to a rapidly changing reality, and on the other hand, the task of preserving and strengthening the existing political system of the Russian Federation and the foundations of the constitutional order, which is of particular importance in the context of ongoing information wars, the spread of fakes, including the activities of state authorities and state structures, global problems (such as turbulence in world politics, the COVID-19 pandemic, terrorism, climate change, lack of natural resources) and local (unemployment, separatism, poverty), as well as a number of other dangers and threats that continue to face modern states. This article is aimed at forming the conceptual foundations for optimizing the system of Russian civic education in the face of new challenges and risks. The authors pay special attention to the theoretical understanding of the «civic education» concept, identifying its features and functional characteristics. Based on a comparative approach, the authors analyze the scientific literature that touches upon the issues of civic participation, education, forms and methods of its improvement in modern conditions. In conclusion, the authors turn to concrete examples and formulate recommendations for the successful formation of a conceptual model for optimizing the Russian system of civic education.

Keywords: civic education, digitalization, information and communication technologies, life-long learning, civic competence, digital skills, civic values.

References

Arendt H. *Vita Activa!, or On the activity of life*, trans. from English. St. Petersburg: Aleteiia Publ., 2000. 437 p. (In Russian)

* The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 22-78-10049 “The State and the citizen in the new digital reality”).

Baranov P.A. *Phenomenon of civic education: phenomenon and prospects*. St. Petersburg: Soizuz Publ., 2006. 167 p. URL: <https://www.ifap.ru/library/book074.pdf> (accessed: 05.03.2023). (In Russian)

Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Sinyakov A.V., Azarov A.A. Building a model of the influence of modern digital communications on the professional competencies of Russian youth. *Information Society*, 2000, no. 4–5, pp. 33–43. Available at: <http://infosoc.iis.ru/article/view/115> (accessed: 05.03.2023). (In Russian)

Chukhin S. G. Essence, functions and content of civic education. *Omsk Scientific Bulletin*, 2015, no. 1 (135), pp. 119–122. (In Russian)

Dal R. A. Problems of civil competence. *Anthologies. The limits of power*. Available at: <http://old.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-3.htm> (accessed: 05.03.2023). (In Russian)

Dewey J. *Society and its problems*, transl. from Eng. by I. I. Myurberg, A. B. Tolstov, E. N. Kosilova. Moscow: Ideia-Press, 2002. 160 p. (In Russian)

Draft State Program “Civil Education of the Population of the Russian Federation for 2005–2008”. Available at: <http://www.civilg8.ru/4530.php> (accessed: 05.03.2023). (In Russian)

Eliasberg N.I. The role of social science training courses in the formation of civic qualities of a graduate’s personality. *School social education: a humanitarian approach*, scientific. ed. by O. N. Zhuravleva. St. Petersburg: APPO Publ., 2011, pp. 109–118. (In Russian)

Emelyanova M.V., Borovaya M.A. Essence and content of high school students’ civil competence. *Bulletin of the Yakovlev Chuvash State Pedagogical University*, 2017, no. 3–2 (95), pp. 181–187. (In Russian)

Grigoryeva N.A., Yatsukova, I.L. *Civil education in Russia: history and modernity. Textbook*. Moscow: Mir nauki Publ., 2020. Online edition. Available at: <https://izd-mn.com/PDF/04MNNPU20.pdf?ysclid=ih7sj8b8o0460605072> (accessed: 05.03.2023). (In Russian)

Habermas J. *Theory of Communicative Actions*. 3rd ed. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985. 605 p.

Koselleck R. *Kritik und Krise — Eine Studie zur Pathogenese der Burgerlichen Welt*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1973. 247 p.

Modern challenges and risks of the development of civic education in Russia. Available at: <https://infourok.ru/sovremennye-vyzovy-i-riski-razvitiya-grazhdanskogo-obrazovaniya-v-rossii-4946686.html> (accessed: 05.03.2023). (In Russian)

Pyrma R.V. “Immersion” of citizens in the digital environment of communications. *Vlast’*, 2021, vol. 29, no. 1, pp. 69–76. (In Russian)

Shepeleva T.E. Correlation of the terms “civil competence”, “civic competence” with the concept of “citizenship”. *Scientific open access journal “World of Science”*, 2016, vol. 4, no. 2. Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/61PDMN216.pdf> (accessed: 05.03.2023). (In Russian)

Sungurov A.Yu. Civil education and legal education: models of regional development. *Electronic Library Civil Society in Russia*. 14 p. Available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_gr_obrazovanie.pdf (accessed: 05.03.2023). (In Russian)

Trofimova I.N. Civil competence: state policy or opportunities for a citizen. *Electronic Library. Civil Society in Russia*, 2015, pp. 91–112. Available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Trofimova_2015.pdf (accessed: 05.03.2023). (In Russian)

Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Digitalization of the modern space of social and political communications: scientific concepts, models and scenarios. *Bulletin of the Tomsk State University Philosophy. Sociology. Political science*, 2021, no. 60, pp. 175–193. (In Russian)

Received: May 5, 2023

Accepted: September 8, 2023

For citation: Kurochkin A. V., Morozova S. S., Emelyanov S. V. The Russian system of civil education in the conditions of digital transformations and new geopolitical challenges. *Political Expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 539–547. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.402> (In Russian)

ДИСКУРС-АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ ОБОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ*

О. А. Игнатьева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Российская Федерация, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25/14

Д. О. Хомяков

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Российская Федерация, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25/14

Формирование политики технологического суверенитета является одним из актуальнейших и ведущих трендов в российской публичной политике 2022 г. Свое начало она берет в дискурсивных практиках и постепенно реализуется в социальной реальности в виде конкретных мер по выстраиванию технологического и промышленного суверенитета в отдельных отраслях промышленности. Политика технологического суверенитета имеет неразрывную связь с сохранением национального суверенитета, поэтому определение гегемонистского содержания данного концепта в российском политическом дискурсе невозможно переоценить. Сегодня в дискурсивном поле сложилось три основных стратегии обоснования политики технологического суверенитета: цивилизационная, экономическая и технократическая. Так, цивилизационный характер определяется нами, если речь идет о политике технологического суверенитета, в основе которой лежит идея национальной безопасности и национального суверенитета, экономический — если преобладает идея о том, что технологии позволяют обладать экономическим преимуществом и развивать экономику, технократический — если преобладает дискурс самодостаточности и безопасности конкретной отрасли промышленности, часто обоснованный примерами политики импортозамещения с 2014 г. Целью данной работы является выявление основных стратегий обоснования политики технологического суверенитета России посредством анализа дискурсов влиятельных политиков и технократов. Исследование проведено с использованием методики критического дискурс-анализа Н. Фэркло. В ходе анализа речи политиков и экспертов были классифицированы в соответствии со стратегиями обоснования политики технологического суверенитета с учетом должности спикера, концептов обоснования и речевых тропов.

Ключевые слова: технологический суверенитет, технологическая независимость, импортозамещение, политический дискурс, экономический дискурс, технократический дискурс, дискурсивные практики, доказательная политика, стратегия обоснования.

* Выполнено в рамках гранта «Доказательная политика технологического суверенитета и доверие: исследование публичных стратегий обоснования», полученного в результате конкурса проектов научных исследований в сфере общественно-политических наук, проведенном Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

ВВЕДЕНИЕ

Понятие технологического суверенитета возникло задолго до введения обширных санкций против России ввиду начала специальной военной операции в 2022 г. В разных уголках мира этот концепт имел и имеет разную коннотацию: от поддержания конкурентного состояния до выхода из периферийной, колониальной зависимости. В случае с Россией ввиду беспрецедентного санкционного давления со стороны ведущих стран мира в 2022 г. произошел стихийный переход от политики импортозамещения к политике технологического суверенитета. Санкционное давление на Россию становилось все сильнее и сильнее, переходя от финансовой, торговой, транспортной к технологической блокаде, делая таким образом идею выживания (в том числе технологического) в неблагоприятных условиях ведущей в политической повестке дня.

Политика технологического суверенитета не является чем-то новым и эксклюзивным в мировой практике. Например, страны ЕС уже дано озаботились данной политикой, пытаясь преодолеть монополистические тенденции IT-корпораций [Elder, 2022]. Одной из проблемной зон является управление сетями 5G, которыми в значительной мере на европейском рынке владеет китайский Huawei. Для решения этой проблемы ЕС занимается развитием своих технологий и диверсификацией цепочек поставок компонентов, делая ставку на Южную Корею и США. В Индии также проводится политика технологического суверенитета, основанная на сочетании неолиберальной экономической политики и идеологии индийского национализма [Чакрабартти, 2021]. В политике технологического суверенитета акцент на цифровой инфраструктуре и сервисах для преодоления опасности «цифровой колонизации». Еще одним важным международным кейсом является опыт проведения политики технологического суверенитета в Иране — стране, которая, обладая меньшими ресурсами и возможностями, чем Россия, долгое время находилась под санкциями [Технологический суверенитет: чему Россия может научиться у Ирана]. За сорок лет изоляции Иран добился значительных успехов в газотурбинной промышленности, автопроме и военных технологиях (в частности, в производстве БПЛА). Качество производимой техники в Иране достигло столь высокого уровня, что она стала привлекательной для других стран, в том числе для России. Ориентируясь на опыт других государств в области внедрения политики технологического суверенитета, Россия может объективно оценить свой потенциал и возможности, определив стратегически важные направления развития промышленности, и способы для реализации политики технологического суверенитета.

Термин «технологический суверенитет» вошел в политический и технократический дискурс в России в мае 2022 г., когда заместитель председателя Совета безопасности РФ Д. А. Медведев предложил заменить «немного унизительный», по его мнению, термин «импортозамещение» на термин «технологический суверенитет» или «технологическая независимость» [Медведев хочет...]. С тех пор термин основательно вошел в дискурс российских политиков, экономистов и экспертов разного уровня, однако так и не приобрел гегемонистского значения [Laclau, Mouffe, 1985]. Целью данной работы явля-

ется выявление основных стратегий обоснования политики технологического суверенитета России посредством анализа дискурсов влиятельных политиков и технократов.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве базового метода исследования в данной статье был выбран метод дискурс-анализа речей политиков и экспертов в соответствующих отраслях промышленности. Однако поскольку универсальной методики дискурс-анализа до сих пор не принято, было рассмотрено несколько вариантов проведения дискурс-анализа. Глубокий интерес к анализу дискурса был проявлен французскими учеными-постмодернистами, такими как Ж. Делёз, Ж. Деррида, М. Фуко, которые обращались к деконструкции текста. Но более последовательную разработку анализа дискурса предложили Э. Лаклау и Ш. Муфф, которые ввели понятия цепочек интертекстуальности, интердискурсивности и гегемонистского значения дискурса [Laclau, Mouffe, 1985]. Однако они скорее работали над теорией дискурса, так и не предложив полноценной методологии анализа [Филлипс, Йоргенсон, 2008].

Сегодня дискурс-анализ представлен разными методиками, выбор из которых обусловлен целью научного исследования дискурса. В частности, приступая к данному исследованию, мы рассмотрели варианты структурного, конверсационного и критического дискурс-анализа. Вариант структурного дискурс-анализа У. Лабова и Дж. Валецки предполагает референциальную и оценочную составляющую нарратива [Labov, Waletzky, 1997], что является важным, но методика не подходит для дискурс-анализа речи политика, поскольку акцентируется на нарративном изложении материала. Был также рассмотрен один из вариантов конверсационного анализа, предложенный М. Л. Макаровым в работе «Транскрипция устного дискурса» [Макаров, 2003], но данный подход ориентирован только на грамматический и семантический анализ диалоговой речи и оставляет без внимания интердискурсивные цепочки и социальный контекст.

Таким образом, выбор был сделан в пользу критического дискурс-анализа, который изучает то, как власть реализуется через язык [Fairclough, 2003]. Однако и в данном направлении дискурс-анализа выбор был не столь очевиден, поскольку оно также представлено разными методиками. Например, голландский лингвист Т. Ван Дейк предлагает начинать исследование дискурса с характеристик личности говорящего и особенностей его мышления, вводя контекстуальные модели [Van Dijk, 2008, p. 121]. Однако в нашем анализе такая детализация не нужна, так как мы исследуем развитие дискурса на пути к его гегемонистскому значению. Еще один вариант критического дискурс-анализа — это исторический дискурс-анализ Р. Вудака, который предполагает как анализ непосредственно речи, так и выявление интертекстуальных и интердискурсивных отношений, экстралингвистических маркеров и широкого социально-политического и исторического контекста [Wodak, 2016, p. 3]. Однако данный подход сосредоточен скорее на анализе речей, которые уже вошли в историю, поэтому нами был выбран несколько схожий метод критического дискурс-ана-

лиза, предложенный британским ученым Н. Фэркло, который к тому же является широко признанным методом для анализа политических дискурсов. Данный метод представлен трехуровневой моделью анализа, которая предполагает анализ дискурсивных практик с учетом интертекстуальных и интердискурсивных цепочек, грамматический и семантический анализ речи и анализ социальной практики, которая является контекстом и отражением дискурсивных построений [Fairclough, 1995, p.3]. Таким образом, следуя поставленной цели и опираясь на выбранную методику авторы ставят перед собой следующие задачи: 1) провести анализ дискурсивных практик ведущих политиков (избранных и назначаемых) и экспертов (представителей промышленности) для их классификации; 2) провести грамматический и семантический анализ дискурсов для верификации классификации, полученной на первом этапе; 3) соотнести дискурс с социальной практикой (примерами реализации политики).

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ПОЛИТИКИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Дискурсы стратегий обоснования политики технологического суверенитета, формируемой в современной России, в течение 2022 г. проходили разные этапы эволюции и наполнялись, соответственно, разным содержанием¹. Первым и, пожалуй, наиболее ярким российским интерпретатором концепции технологического суверенитета стал специальный представитель Президента Российской Федерации по вопросам цифрового и технологического развития Д. Н. Песков, который в июне 2022 г., накануне Санкт-Петербургского международного экономического форума, предложил свое понимание данного понятия, связав его с идеей островизации [Дмитрий Песков...]. Однако идея островизации была реинтерпретирована и частично отвергнута самим автором концепта уже в ходе ПМЭФ-2022. Чуть позже Д. Н. Песков предложил идею формирования алмазного фонда технологий, для того чтобы выйти из технологической зависимости от западных стран [Дмитрий Песков и Александр Аузан...].

В рамках ПМЭФ-2022 концепт технологического суверенитета впервые на официальном уровне появился в дискурсе Президента РФ. В то время он понимал его как «сквозной, объединяющий нашу работу принцип развития», как «создание целостной системы экономического развития, которая по критически важным составляющим не зависит от иностранных институтов» [Пленарное заседание...]. В. В. Путин, выступая на пленарном заседании ПМЭФ-2022, вводит в дискурс о политике технологического суверенитета еще один связанный концепт — «техноэкономика» (технологическая экономика), который, по его мнению, будет определять мировое развитие в XXI в. Он еще раз акцентирует внимание на том, что островизация в современных условиях нерациональна, что «производить вся и все невозможно, да и не нужно» [Пленарное заседа-

¹ Авторами проанализирована целевая выборка из 21 речи ведущих политиков (Президент РФ, представители Правительства РФ) и экспертов (руководители и ведущие специалисты госкорпораций и других предприятий), опубликованной в сети интернет за период с мая по сентябрь 2022 г.

ние...], но Россия должна обладать всеми критически важными технологиями, чтобы в случае необходимости быстро наладить производство той или иной продукции.

Следующим важным этапом в развитии дискурсивной стратегии обоснования политики технологического суверенитета является заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам, состоявшееся 18 июля 2022 г. В ходе данного мероприятия на высшем уровне с участием Президента РФ, вице-премьеров и министров были сформулированы основные направления технологического развития с приоритетом развития сквозных, цифровых технологий в разных отраслях промышленности [Заседание Совета...].

В российском дискурсе сегодня существуют два подхода к определению политики технологического суверенитета в эшелонах власти. Во-первых, это определение первого заместителя председателя Правительства РФ А. Р. Белоусова, согласно которому технологический суверенитет — это «*поддержание технологического паритета с ведущими странами мира, обладание ключевыми технологиями, определяющими возможность решения стратегических, социально-экономических и оборонных задач*» [Заседание Совета...]. Во-вторых, это трактовка заместителя председателя Правительства РФ Д. Н. Чернышенко, который определяет технологический суверенитет как способность государства располагать технологиями, которые считаются критически важными для *обеспечения благосостояния и конкурентоспособности* [Окно возможностей...].

Содержание понятия технологического суверенитета в трактовке вице-преьера Дмитрия Чернышенко берет истоки из трактовки данного понятия в Евросоюзе, где оно носит сугубо экономический характер, означая конкурентоспособность и технологическую независимость от монополий, особенно от IT гигантов: «Нам ближе всего трактовка [технологического суверенитета] Института Фраунгофера, которая гласит, что это способность государства располагать *технологиями*, которые считаются *критически важными для обеспечения благосостояния и конкурентоспособности*, а также возможность самостоятельно разрабатывать их или получать их от экономик других стран без односторонней структурной зависимости» [Окно возможностей...]. Данное содержание понятия используется в условиях благоприятной экономической среды, когда обмен технологиями и товарами между странами не закрыт под влиянием санкций. В нашем же случае существует борьба дискурсов с высокой степенью интердискурсивности, поскольку, несмотря на мирное содержание понятия, технологический суверенитет формируется в неблагоприятных геополитических условиях, когда страна находится под беспрецедентным количеством санкций. Таким образом, сталкиваются два типа дискурса по теме технологического суверенитета — экономический дискурс с акцентом на конкурентоспособности и цивилизационный дискурс безопасности и идентичности с акцентом на выживании. В дискурсивном поле российской политики концепт технологического суверенитета еще не приобрел гегемонистской трактовки и находится в процессе становления в направлении радикализации от импортозамещения к технологическому суверенитету как способу выживания государства и общества в неблагоприятных геополитических условиях. Связанный с дискурсом техно-

логического суверенитета дискурс технологического развития опирается на концепт «технологического колониализма», при котором наша страна на треть зависит от импорта иностранных технологий (в основном западных). Концепт технологического развития фундирован опытом индустриализации и существования СССР и опытом выживания других стран под санкциями (например, Ирана, КНДР).

После назначения на должность заместителя председателя Правительства в июле 2022 г. Д. В. Мантуров объявил, что реализация политики технологического суверенитета не подразумевает полного отхода от рыночных принципов, стратегия параллельного импорта будет использована только в отношении той продукции, которая отсутствует на российском рынке ввиду ухода с него иностранных производителей. «Технологический суверенитет планируется обеспечивать в пяти стратегических направлениях: базовые отрасли промышленности, транспортная связанность, энергетическая безопасность, развитие инфраструктуры для жилищного строительства, промышленное обеспечение продовольственной безопасности» [Денис Мантуров...]. Председатель Правительства РФ М. В. Мишустин также придерживается экономического понимания политики технологического суверенитета как повышения конкурентоспособности российских предприятий и их продукции по сравнению с компаниями из недружественных стран Запада за счет углубления *промышленной кооперации* с дружественными странами Евразии, что даст возможность снизить зависимость от поставок продукции из стран Запада [Михаил Мишустин...].

70% проанализированных речей представителей промышленности содержат технократический дискурс. Так, О. Мансуров, генеральный директор Success Rockets (SR Space), понимает концепт «технологический суверенитет» как *владение отечественной критической информационной инфраструктурой*, которая основывается на создании своих спутниковых группировок в космосе и которую не имеют возможность отключить страны, введшие санкции против России, что обеспечивает национальную безопасность государства [Олег Мансуров...]. Генеральный директор НИЦ «Институт имени Н. Е. Жуковского» по стратегическому развитию В. Клочков определяет технологический суверенитет в авиации и авиастроении как способность *самостоятельно* разрабатывать, производить, эксплуатировать, включая техобслуживание и ремонт, ту номенклатуру авиационной техники, а также инфраструктурных объектов, которая нужна отечественной авиации для решения национальных задач в соответствии с государственной спецификой и национальными интересами [Суверенитет сначала...]. Первый заместитель генерального директора Государственного научного центра «ФГУП «Центральный научно-исследовательский институт черной металлургии им. И. П. Бардина»» Г. Еремин трактует концепт «технологический суверенитет» в металлургической отрасли как безопасность, которую обеспечивает государство, т. е. возможность для страны решать возникающие проблемы, связанные с производством технологий и самой продукции, не завися от санкций и не прибегая к закупке иностранного металлургического оборудования [Плавка суверенного металла...].

Руководитель направления «Информационная безопасность» Академии Айти С. Петренко понимает концепт «технологический суверенитет» в кибербезопасности как одно из приоритетных направлений государственной политики, которое заключается в *создании благоприятных условий* для перехода на *безопасное верифицируемое российское оборудование* и доверенное программное обеспечение, от которых существенно зависит безопасность критической информационной инфраструктуры государства [Технологический суверенитет и кибербезопасность].

Концепт «цифровой суверенитет» представляется *основой технологического суверенитета* [Безруков и др., 2021]. Авторами выделяются «страны — поставщики цифровых технологий», которые внедряют у «стран-клиентов» определенные стандарты и типы решений, повышая *зависимость* таких стран от импорта. Говорится также о том, что это понятие разные страны и межгосударственные образования понимают по-разному, исходя из различных подходов. Цифровой технологический суверенитет становится необходимым условием суверенитета политического и национальной независимости.

Таким образом, эксперты, представители крупных предприятий и научно-исследовательских центров, в основном придерживаются технократической стратегии обоснования, которая подразумевает безопасное и самодостаточное функционирование предприятий в конкретной отрасли промышленности. На основании проведенного анализа можно выделить цивилизационное (дискурс идентичности), экономическое и технократическое направления в стратегиях обоснования дискурсов². В пуле проанализированных речей цивилизационный дискурс политики технологического суверенитета представлен Президентом РФ В. В. Путиным, первым заместителем председателя Правительства А. Р. Белоусовым, специальным представителем Президента по вопросам технологического развития Д. Н. Песковым; экономический дискурс представлен председателем Правительства М. В. Мишутиним, заместителем председателя Правительства по вопросам цифровой экономики и инновациям, связи, СМИ, а также культуры, туризма и спорта Д. Н. Чернышенко, вице-премьером, министром Минпромторга РФ Д. В. Мантуровым; технократический дискурс в основном был идентифицирован среди представителей (экспертов) отраслей промышленности. Под стратегией обоснования подразумевается набор базовых концептов и речевых тропов, используемых для обоснования политики технологического суверенитета, о которых речь пойдет далее. Если рассматривать три стратегии обоснования, то идея безопасности и самодостаточности доминирует в цивилизационной и технократической стратегии, однако она обосновывается через разные концепты и детализацию примеров, а также имеет разный уровень доверия у населения.

² Классификация дискурсов политики технологического суверенитета проведена на основании их дифференциации в зависимости от института, должности и содержания. Наименования дискурсов сформулированы логическим путем в ходе исследования по гранту и используются в ходе изложения результатов исследования всеми участниками проекта.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЙ ОБОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

В результате проведенного грамматического и семантического анализа исследуемых речей нами было выявлено 28 речевых тропов, которые спикеры использовали для обоснования технологического суверенитета.

Для определения типа стратегии обоснования политики технологического суверенитета каждой речи нами был предложен авторский метод, который позволил наиболее точно определить тип речи, учитывая должность спикера, используемые им базовые концепты для обоснования и речевые тропы, а также характер восприятия роли технологий в обосновании политики технологического суверенитета.

В итоге нами была составлена следующая классификация типов стратегии обоснования политики *технологического суверенитета в исследуемых нами речах* (табл.).

Таким образом, из 13 взятых для рассмотрения речей политиков и восьми речей руководителей корпораций восемь речей содержат цивилизационную стратегию обоснования, восемь — технократическую и пять — экономическую.

В результате исследования нам удалось выяснить, что спикеры цивилизационной стратегии обоснования политики технологического суверенитета более всего склонны использовать в своей речи следующие речевые приемы (встречаемость 75 % и выше): «описание планируемых результатов, которые пока еще реализуются, но будут достигнуты в ближайшее время», «подчеркивание необходимости действий», «подчеркивание вынужденности действий», «указание на реализуемые действия», «надежда на работу других акторов», «описание чрезвычайности ситуации», «использование статистики и конкретных данных», «акцент на действиях, которые велись еще до 2022 г.», «использование местоимения “мы”», «выражение личного мнения», «акцентуация на том, что за технологический суверенитет отвечает государство», «определение задач и предложение решений».

Затем в их речах по частоте употребления речевых приемов (50–75 %) идут следующие тропы: «указание на уже достигнутые результаты», «поддержка и одобрение политики президентом», «выделение основных проблем», «использование примеров», «готовность производить продукцию при наличии спроса и инвестиций», «акцентуация на взаимодействии с зарубежными партнерами», «указание на системность реализуемых действий».

Менее всего используются следующие речевые приемы (меньше 50 %): «разъяснение на понятном для обычных граждан языке», «объяснение технологической отсталости проблемами 90-х годов», «акцентуация на отсутствии тотального урона от санкций», «акцентуация на невосребованности в отечественном технологическом суверенитете ранее», «использование риторических вопросов», «аргументация на основе научных исследований», «актуализация нового подхода реализуемой политики», «прогнозирование развития событий», «фундирование опытом технологического суверенитета СССР».

Таблица. Классификация типов стратегии обоснования технологического суверенитета

№	Должность спикера и дата выступления	Тип стратегии обоснования
1	Президент РФ, 18.07.2022	Цивилизационная
2	Первый заместитель председателя Правительства РФ, 18.07.2022	Цивилизационная
3	Заместитель председателя правительства Российской Федерации по вопросам цифровой экономики и инновациям, связи, СМИ, а также культуры, туризма и спорта, 18.07.2022	Экономическая
4	Заместитель председателя правительства Российской Федерации по вопросам цифровой экономики и инновациям, связи, СМИ, а также культуры, туризма и спорта, 24.08.2022	Экономическая
5	Президент РФ, 07.09.2022	Цивилизационная
6	Вице-премьер, министр Минпромторга РФ, 15.08.2022	Экономическая
7	Спецпредставитель Президента по вопросам технологического развития, 27.06.2022	Цивилизационная
8	Член совета торгово-промышленной палаты России по промышленному развитию и конкурентоспособности экономики, 15.09.2022	Технократическая
9	Президент РФ, 17.06.2022	Цивилизационная
10	Спецпредставитель Президента по вопросам технологического развития, 09.06.2022	Цивилизационная
11	Председатель Правительства РФ, 04.07.2022	Экономическая
12	Президент РФ, 16.06.2022	Экономическая
13	Президент «АвтоВАЗа», 07.09.2022	Экономическая
14	Заместитель Председателя Правительства РФ, курирующего вопросы развития военно-промышленного комплекса и председатель Авиационной коллегии при Правительстве РФ, 31.03.2022	Экономическая
15	Генеральный директор ОАО «Объединенная авиастроительная корпорация», 08.04.2022	Технократическая
16	Заместитель генерального директора НИЦ «Институт имени Н. Е. Жуковского» по стратегическому развитию, 18.08.2022	Технократическая
17	Исполнительный директор отраслевого агентства «АвиаПорт», 25.09.2022	Экономическая
18	Генеральный директор компании Success Rockets, 21.06.2022	Технократическая
19	Коллектив ученых, 01.03.2021	Цивилизационная
20	Руководитель направления «Информационная безопасность» «Академии АйТи», 26.09.2022	Технократическая
21	Первый заместитель генерального директора Государственного научного центра «ФГУП «Центральный научно-исследовательский институт черной металлургии им. И. П. Бардина», 15.09.2022	Технократическая

Спикеры экономической стратегии обоснования политики технологического суверенитета более всего склонны использовать в своей речи следующие речевые приемы (71 % и выше): «подчеркивание необходимости действий», «указание на реализуемые действия», «описание чрезвычайности ситуации», «использование местоимения “мы”», «выделение основных проблем», «выражение личного мнения», «использование примеров», «определение задач и предложение решений», «актуализация нового подхода реализуемой политики», «указание на реализуемые действия».

Затем в их речах по частоте употребления речевых приемов (43–71 %) идут следующие тропы: «описание планируемых результатов, которые пока еще реализуются, но будут достигнуты в ближайшее время», «указание на уже достигнутые результаты», «надежда на работу других акторов», «использование статистики и конкретных данных», «разъяснение на понятном для обычных граждан языке», «акцент на действиях, которые велись еще до 2022 г.», «акцентуация на отсутствии тотального урона от санкций», «акцентуация на том, что за технологический суверенитет отвечает государство», «фундирование опытом технологического суверенитета СССР».

Менее всего среди данных спикеров используются следующие речевые тропы (меньше 43 %): «подчеркивание вынужденности действий», «поддержка и одобрение политики президентом», «объяснение технологической отсталости проблемами 90-х годов», «готовность производить продукцию при наличии спроса и инвестиций», «акцентуация на не востребованости в отечественном технологическом суверенитете ранее», «акцентуация на взаимодействии с зарубежными партнерами», «использование риторических вопросов», «аргументация на основе научных исследований», «указание на системности реализуемых действий».

Спикеры технократической стратегии обоснования политики технологического суверенитета более всего склонны использовать в своей речи следующие речевые тропы (67 % и выше): «описание планируемых результатов, которые пока еще реализуются, но будут достигнуты в ближайшее время», «подчеркивание необходимости действий», «указание на уже достигнутые результаты», «использование местоимения “мы”», «выделение основных проблем», «использование примеров», «акцентуация на том, что за технологический суверенитет отвечает государство», «определение задач и предложение решений».

Затем в их речах по частоте употребления речевых приемов (50–67 %) идут следующие тропы: «подчеркивание вынужденности действий», «указание на реализуемые действия», «надежда на работу других акторов», «использование статистики и конкретных данных», «выражение личного мнения», «акцентуация на взаимодействии с зарубежными партнерами», «указание на системность реализуемых действий».

Менее всего среди данных спикеров используются следующие речевые тропы (меньше 50 %): «описание чрезвычайности ситуации», «поддержка и одобрение политики президентом», «разъяснение на понятном для обычных граждан языке», «акцент на действиях, которые велись еще до 2022 г.», «объ-

яснение технологической отсталости проблемами 90-х годов», «акцентуация на отсутствии тотального урона от санкций», «готовность производить продукцию при наличии спроса и инвестиций», «акцентуация на невостробованности в отечественном технологическом суверенитете ранее», «использование риторических вопросов», «аргументация на основе научных исследований», «актуализация нового подхода реализуемой политики», «прогнозирование развития событий», «фундирование опытом технологического суверенитета СССР».

Помимо этого, в процессе исследования нам стало очевидно, что выявленные речевые тропы можно распределить по следующим группам:

1. Объективно-аргументационные: «описание планируемых результатов, которые пока еще реализуются, но будут достигнуты в ближайшее время», «указание на уже достигнутые результаты», «использование статистики и конкретных данных», «выделение основных проблем», «определение задач и предложение решений», «аргументация на основе научных исследований», «прогнозирование развития событий».

2. Манипулятивно-ораторские: «указание на реализуемые действия», «поддержка и одобрение политики Президентом», «разъяснение на понятном для обычных граждан языке», «использование местоимения “мы”», «выражение личного мнения/отношения», «использование примеров», «использование риторических вопросов», «акцентуация на отсутствии тотального урона от санкций».

3. Снимающие ответственность: «подчеркивание вынужденности действий», «надежда на работу других акторов», «описание чрезвычайности ситуации», «акцент на действиях, которые велись еще до 2022 г.», «объяснение технологической отсталости проблемами 90-х годов», «акцентуация на том, что за технологический суверенитет отвечает государство», «готовность производить продукцию при наличии спроса и инвестиций», «акцентуация на невостробованности в отечественном технологическом суверенитете ранее».

4. Актуализационно-побудительные: «подчеркивание необходимости действий», «акцентуация на взаимодействии с зарубежными партнерами», «указание на необходимость системности реализуемых действий», «актуализация нового подхода реализуемой политики».

Таким образом, в результате проведения данной части исследования нами были сделаны следующие выводы:

1. Для всех типов стратегий свойственны более общие популистские типы тропов: «подчеркивание необходимости действий», «использование местоимения “мы”», «выделение основных проблем», «использование примеров», «определение задач и предложение решений».

Экономическая стратегия скорее отличается стремлением спикеров описать существующую ситуацию и проблемы, а также дать прогноз развития дальнейших событий без рассуждения о причинах, вытекающих из прошлого. Также в этом типе дискурса спикеры позволяют себе больше высказывать мнение о проблемах, задачах и способах их достижения, что дает им возможность на доступном языке обосновывать необходимость нового подхода реализуе-

мой политики, правда, что характерно — без взаимодействия с зарубежными странами.

Характер цивилизационной и технократической стратегий обоснования политики технологического суверенитета по сути схожий, и его можно описать как полноценное освещение существующих проблем с учетом опыта СССР с предложением вынужденных решений, которые реализовывались ранее, реализуются и будут реализованы государством в скором времени, однако без предложения нового подхода реализуемой политики.

2. Политики чаще используют цивилизационную (6 из 13 речей) и экономическую (6 из 13 речей) стратегии обоснования политики технологического суверенитета; технократическая стратегия выявлена в одной из 13 речей. Среди руководителей корпораций и коллектива ученых преобладает технократическая стратегия обоснования (5 из 8 речей), экономическая встречается только в двух из восьми речей, а цивилизационная стратегия — только в одной.

3. Стратегия обоснования Президента РФ как главного интересанта политики технологического суверенитета меняется с течением времени: в июне 2022 г. она была экономической, а впоследствии приобрела цивилизационный характер, что можно связать с осознанием некоторых проблем, которые скорее важны для существования государства, нежели исчерпываются проблемой его эффективного экономического развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в настоящее время в поле политического дискурса России сложилось три стратегии обоснования политики технологического суверенитета. Цивилизационная стратегия определяется нами, если в основе дискурса политики технологического суверенитета лежат базовые концепты национальной безопасности и национального суверенитета с примерами социальной практики абстрактного характера, экономический — если преобладает идея о том, что технологии позволяют получить экономическое преимущество и развивать экономику, технократический — если преобладает дискурс обеспечения самодостаточности и безопасности конкретной отрасли промышленности, часто обоснованный примерами (социальной практикой) политики импортозамещения, осуществляемой в отрасли с 2014 г. Таким образом, идея безопасности доминирует как в цивилизационном, так и в технократическом дискурсе, однако в первом случае она носит более популистский характер, в то время как в случае технократического дискурса эксперты используют конкретные примеры формирования политики технологического суверенитета в своей отрасли, тем самым вызывая большее доверие у населения, чем политики.

При проведении дискурс-анализа стратегий обоснования была использована трехуровневая модель Н. Фэркло. Два первых уровня (дискурсивные практики и грамматический анализ) нашли отражение в соответствующих разделах данной статьи, в то время как третий уровень — социальные практики — был перенесен в ее заключительную часть. Для классификации речей был использован авторский метод, который позволил учесть принадлежность спикера

к институту, его должность, содержание речи через выявление базовых концептов обоснования и речевых тропов. Всего было выявлено 14 концептов обоснования для цивилизационной стратегии, восемь концептов обоснования для экономической и 14 — для технократической. Также в выбранном пуле речей было выявлено 28 речевых тропов, анализ которых по типам дискурсов позволил нам определить общеупотребляемые и уникальные для каждой стратегии обоснования тропы. Далее каждому участнику был присвоен вес в зависимости от названных критериев, что позволило распределить проанализированные речи по трем группам: цивилизационные, экономические, технократические. Так, цивилизационный тип дискурса в основном обоснован через технологическую безопасность, критические и сквозные технологии, технологический колониализм, национальную безопасность и т. д. Экономический дискурс обосновывается посредством конкурентоспособности, международной торговли, частичной поддержки государства, стабильности, прагматизма и т. д. В технократическом дискурсе политики технологического суверенитета используются концепты обоснования: отечественное производство, прикладная наука, национальная безопасность, государственная поддержка, критическая информационная инфраструктура и т. д.

В заключение надо отметить, что Россия не является первопроходцем в области формирования и проведения политики технологического суверенитета. О необходимости данной политики по разным причинам говорили как страны Западной Европы, так и страны Азии, о чем речь шла в начале статьи. Сегодня идет работа по выработке этой политики, ее основных принципов и направлений в России, которая оказалась в неблагоприятных геополитических обстоятельствах. В российском публичном пространстве в 2022 г. сформировалось три стратегии обоснования политики технологического суверенитета: цивилизационная, экономическая и технократическая, выделение которых основано на типе политических акторов, концепте обоснования и видах речевых тропов. Проведенный анализ показал, что наибольшее доверие у населения вызывает технократическая стратегия, так как она исходит от представителей промышленности, которые имеют реальный опыт импортозамещения и самостоятельного производства продукции.

Литература

Безруков А., Мамонов М., Сучков М., Сушенцов А. Суверенитет и «цифра». 2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/suverenitet-i-czifra/> (дата обращения: 06.11.2022).

Денис Мантуров: тотального отказа от принципов рыночной экономики не будет. URL: <https://www.interfax.ru/interview/856544> (дата обращения: 06.11.2022).

Дмитрий Песков и Александр Аузан о технологическом суверенитете и технологиях будущего для России. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HXIIQZPZwel> (дата обращения: 06.11.2022).

Дмитрий Песков. Почему для России важен технологический суверенитет. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/06/10/62a0e95b9a79472d8b713207> (дата обращения: 05.11.2022).

Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/69019> (дата обращения: 23.10.2022).

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

Медведев хочет заменить унижительный термин «импортзамещение» на «технологический суверенитет». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5369333> (дата обращения: 13.11.2022).

Механик А. Плавка суверенного металла. URL: <https://stimul.online/articles/interview/plavka-suverennogo-metalla/> (дата обращения: 13.11.2022).

Механик А. Суверенитет сначала в мозгах, а потом в технологиях. URL: <https://stimul.online/articles/interview/suverenitet-snachala-v-mozgakh-a-potom-v-tekhnologiyakh/> (дата обращения 10.11.2022).

Михаил Мишустин и Премьер-министр Республики Казахстан Алихан Смаилов приняли участие в работе международной промышленной выставки «Иннопром-2022». URL: <http://government.ru/news/45915/> (дата обращения: 10.11.2022).

Окно возможностей: как Россия будет достигать технологического суверенитета. URL: <https://национальныепроекты.рф/news/okno-vozmozhnostey-kak-rossiya-budet-dostigat-tehnologicheskogo-suvereniteta> (дата обращения: 25.10.2022).

Олег Мансуров: технологический суверенитет недостижим без тысяч спутников. URL: <https://ria.ru/20220621/mansurov-1796975353.html> (дата обращения: 06.11.2022).

Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68669> (дата обращения: 02.11.2022).

Технологический суверенитет и кибербезопасность. Какие ИТ-решения можно заменить. URL: <https://www.comnews.ru/digital-economy/content/222317/2022-09-26/2022-w39/tehnologicheskij-suverenitet-i-kiberbezopasnost-kakie-it-resheniya-mozhno-zamenit> (дата обращения: 15.11.2022).

Технологический суверенитет: чему Россия может научиться у Ирана. URL: <https://topwar.ru/208113-tehnologicheskij-suverenitet-chemu-rossija-mozhet-nauchitsya-u-irana.html> (дата обращения: 17.02.2023)

Чакрабартти Д. Провинциализируя Европу. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 384 с.

Филлипп Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 334 с.

Elder J. Building Domestic Technological and Production Capabilities: Protectionism, Technology Sovereignty or both? // Webinar Series “Innovation Policy in the Post-Covid World, 23.02.2022. URL: <https://www.worldbank.org/en/events/2022/02/22/innovation-policy-in-the-post-covid-world-webinar-series7> (дата обращения: 06.11.2022).

Fairclough N. Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London: Routledge, 2003. 269 p.

Fairclough N. Critical Discourse Analysis, London: Longman, 1995. 334 p.

Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Journal of Narrative and Life History. 1997. No. 7. P. 3–38.

Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 1985. 197 p.

Van Dijk T. Discourse and Context: a Socicognitive approach. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2008. 282 p.

Wodak R. “We have the character of an island nation”. A discourse historical analysis of David Cameron’s “Bloomberg Speech” on the European Union. RSCAS 2016/36 Robert Schuman Centre for Advanced Studies Global Governance Programme-224. 2016. 33 p. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/42804/RSCAS_2016_36.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 06.11.2022).

Игнатъева Ольга Анатольевна — канд. соц. наук, доц., ст. науч. сотр.; olga7919@mail.ru

Хомяков Дмитрий Олегович — аспирант, мл. науч. сотр.; dmitry.homyakov@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 6 декабря 2022 г.;

рекомендована к печати: 8 сентября 2023 г.

Для цитирования: *Игнатьева О. А., Хомяков Д. О.* Дискурс-анализ стратегий обоснования политики технологического суверенитета России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19, № 4. С. 548–564. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.403>

DISCOURSE ANALYSIS OF MODERN PRACTICES OF STRATEGIES TO JUSTIFY THE TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA*

Olga A. Ignatjeva

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; olga7919@mail.ru

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences —
a branch of Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences,
25/14, ul. 7-aya Krasnoarmeyskaya, St. Petersburg, 190005, Russian Federation

Dmitry O. Khomyakov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
dmitry.homyakov@gmail.com

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences —
a branch of Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences,
25/14, ul. 7-aya Krasnoarmeyskaya, St. Petersburg, 190005, Russian Federation

The formation of a policy of technological sovereignty is one of the most relevant and leading trends in Russian public policy in 2022. It has its origins in discursive practices and is gradually realized in social reality in the form of specific measures to build technological and industrial sovereignty in certain industries. The policy of technological sovereignty is inextricably linked to the preservation of national sovereignty, so the definition of the hegemonic content of this concept in Russian political discourse cannot be overestimated. Today in the discursive field there are three main strategies for justifying the policy of technological sovereignty: civilizational, economic and technocratic. Thus, the civilizational character is defined by us if the speech refers to the discourse of technological sovereignty policy underlying by national security and national sovereignty concepts, economic — if the idea that technology allows to have an economic advantage and develop the economy prevailed, technocratic — if the discourse of self-sufficiency and security of a particular industry, often justified by examples of import substitution policy from 2014. The purpose of this work is to identify the main strategies for substantiating the policy of technological sovereignty of Russia by analyzing the discourses of influential politicians and technocrats. The study was conducted using N. Fairclough's critical discourse analysis methodology. In the course of the analysis politicians' and experts' speeches were classified according to the strategies of justifying the policy of technological sovereignty, taking into account the speaker's position, justification concepts and speech tropes.

Keywords: technological sovereignty, technological independence, import substitution, political discourse, economic discourse, technocratic discourse, discursive practices, evidence-based policy, justification strategy.

* Executed as part of the grant “Evidence-based Policies of Technological Sovereignty and Trust: Exploring Public Justification Strategies”, received as a result of a competition for research projects in social and political sciences conducted by the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Russian Ministry of Science and Higher Education and the Russian Academy of Sciences.

References

- Bezrukov A., Mamonov M., Suchkov M., Sushencov A. *Sovereignty and digital world*. 2021. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/suverenitet-i-czifra/> (accessed: 11.06.2022). (In Russian)
- Chakrabarty D. *Provincializing Europe*. Moscow: Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh" Publ., 2021. 384 p. (In Russian)
- Denis Manturov: *There will be no total rejection of the principles of a market economy*. Available at: <https://www.interfax.ru/interview/856544> (accessed: 11.06.2022). (In Russian)
- Dmitry Peskov and Alexander Auzan on technological sovereignty and future technologies for Russia. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=HXIIQZPZwel> (accessed: 11.06.2022). (In Russian)
- Dmitry Peskov: *Why is technological sovereignty important for Russia?* Available at: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/06/10/62a0e95b9a79472d8b713207> (accessed: 11.05.2022). (In Russian)
- Elder J. Building Domestic Technological and Production Capabilities: Protectionism, Technology Sovereignty or both? *Webinar Series "Innovation Policy in the Post-Covid World"*, 23.02.2022. Available at: <https://www.worldbank.org/en/events/2022/02/22/innovation-policy-in-the-post-covid-world-webinar-series7> (accessed: 06.11.2022).
- Fairclough N. *Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge, 2003. 269 p.
- Fairclough N. *Critical Discourse Analysis*. London: Longman. 1995. 334 p.
- Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: oral versions of personal experience. *Journal of Narrative and Life History*, 1997, no. 7, pp. 3–38.
- Laclau E., Mouffe Ch. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso, 1985. 197 p.
- Makarov M. L. *Fundamentals of Discourse Theory*. Moscow: Gnosis Publ., 2003. 280 p. (In Russian)
- Medvedev wants to replace the humiliating term "import substitution" with "technological sovereignty". Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5369333> (accessed: 13.11.2022).
- Meeting of the Council for Strategic Development and National Projects. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/69019> (accessed: 23.10.2022). (In Russian)
- Mekhanik A. *Smelting sovereign metal*. Available at: <https://stimul.online/articles/interview/plavka-suverennogo-metalla/> (accessed: 11.13.2022). (In Russian)
- Mekhanik A. *Sovereignty is first in the brain, and then in technology*. Available at: <https://stimul.online/articles/interview/suverenitet-snachala-v-mozgakh-a-potom-v-technologiyakh/> (accessed: 11.10.2022). (In Russian)
- Mikhail Mishustin and the Prime Minister of the Republic of Kazakhstan Alikhan Smailov took part in the international industrial exhibition "Innoprom-2022". Available at: <http://government.ru/news/45915/> (accessed: 10.11.2022). (In Russian)
- Oleg Mansurov: *Technological sovereignty is unattainable without thousands of satellites*. Available at: <https://ria.ru/20220621/mansurov-1796975353.html> (accessed: 11.06.2022). (In Russian)
- Phillips L., Jorgensen M. V. *Discourse Analysis. Theory and method: transl. from English*. Kharkov: Gumanitarnyi tsentr Publ., 2008. 334 p. (In Russian)
- Plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68669> (accessed: 02.11.2022). (In Russian)
- Technological sovereignty and cybersecurity. *What IT solutions can be replaced*. Available at: <https://www.comnews.ru/digital-economy/content/222317/2022-09-26/2022-w39/tehnologicheskij-suverenitet-i-kiberbezopasnost-kakie-it-resheniya-mozhno-zamenit> (accessed: 15.11.2022). (In Russian)
- Technological sovereignty: *What Russia can learn from Iran?* Available at: <https://topwar.ru/208113-tehnologicheskij-suverenitet-chemu-rossija-mozhet-nauchitsja-u-irana.html> (accessed: 17.02.2023). (In Russian)

Van Dijk T. *Discourse and Context: a Socicognitive Approach*. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2008. 282 p.

Window of Opportunity: How Russia Will Achieve Technological Sovereignty. Available at: <https://национальныепроекты.рф/news/okno-vozmozhnostey-kak-rossiya-budet-dostigat-tekhnologicheskogo-suvereniteta> (accessed: 25.10.2022). (In Russian)

Wodak R. "We have the character of an island nation". *A discourse historical analysis of David Cameron's "Bloomberg Speech" on the European Union*. RSCAS 2016/36 Robert Schuman Center for Advanced Studies Global Governance Program-224. 2016. 33 p. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/42804/RSCAS_2016_36.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 06.11.2022).

Received: December 6, 2023

Accepted: September 8, 2023

For citation: Ignatjeva O. A., Khomyakov D. O. Discourse analysis of modern practices of strategies to justify the technological sovereignty of Russia. *Political Expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 548–564. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.403> (In Russian)

МЕДИАОБРАЗ РОССИИ В КАЗАХСТАНСКИХ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛАХ*

Д. А. Черничкин

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева,
Российская Федерация, 414056, Астрахань, ул. Татищева, 20А

А. И. Кривенко

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева,
Российская Федерация, 414056, Астрахань, ул. Татищева, 20А

Статья посвящена выявлению специфики восприятия России в телеграм-каналах Республики Казахстан. Источниками данных стала информация, опубликованная в казахстанских телеграм-каналах (посты и комментарии) с 2016 по 2023 г. и отобранная по заранее заданным критериям. Всего в указанный период зафиксировано 8333 поста и 35 339 комментариев по заданным маркерам, которые подверглись дальнейшему анализу. Информационный контент казахстанских телеграм-каналов в подавляющем большинстве посвящен обзору политических событий, праву, а также двухстороннему экономическому сотрудничеству Казахстана и России. На фоне сильного информационного давления на Россию со стороны западных СМИ освещение казахстанскими СМИ медиаобраза России в сфере торгово-экономического взаимодействия идет в русле традиционного сотрудничества, взаимодействия и добрососедства. Однако начиная с 2020 г. негативная информационная повестка в казахстанских телеграм-каналах демонстрирует стабильный рост. В частности, наибольший рост негативных материалов был зафиксирован в 2022 г. как реакция на два крупных события: январские стихийные протесты в Республике Казахстан (ввод российским руководством в страну войск ОДКБ) и специальная военная операция на территории Украины (и, соответственно, миграция части граждан России на территорию Казахстана). Причем негативное отношение обращено не к россиянам как к гражданской идентичности, проживающей на этой территории, а именно к этническим русским как ответственным за происходящие внешнеполитические события. Рост негативной оценки России в казахстанском онлайн-пространстве может негативно повлиять и на изменение тенденции в восприятии России среди казахстанского населения от «своего», в сторону «другого» или даже «врага». А постепенное изменение внешнеполитических ориентиров (рост торговых связей с Китаем, сближение с США и Великобританией) только ускорит данную тенденцию.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, русские, медиаобраз, Telegram, сентимент-анализ, большие данные.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01230: «Формирование антироссийских настроений в медиасреде Республики Казахстан как части Прикаспийского фронта».

ВВЕДЕНИЕ

Одним из существенных факторов, влияющих на восприятие любой страны, является ее образ, формируемый средствами массовой информации в общественном сознании своей аудитории. Постсоветская Россия — в ее современном и принципиально новом качестве — имеет все предпосылки для того, чтобы стать влиятельной и уважаемой страной в мире [Рожков, Кисмерешкин, 2008]. Но медиадискурс не всегда представляет собой «обмен любезностями», эмоциональную поддержку и нейтральность подачи событий; наоборот, часто он проявляет агрессию, негативизм, словесное давление, внушение и т. д. [Repina et al., 2017].

Поэтому изучение проблем восприятия образа России через призму той или иной страны становится все более актуальным в отечественных научных исследованиях. Ведь безопасность страны, ее благополучие и положение на политической и/или экономической карте мира во многом зависят от развития отношений с другими странами, и в особенности с соседними государствами. На взаимное восприятие жителей двух соседних стран — России и Казахстана — влияли немало факторов, среди них важную роль играют традиционные обычаи и привычки, а также социокультурные связи между народами двух стран. Однако, по мнению М. А. Савельевой и З. Д. Утековой, за более чем 30 лет постсоветской независимости политический контекст взаимного восприятия России и Казахстана значительно изменился [Савельева, Утекова, 2021]. Во внешней политике России в качестве проблемы эксперты выделяют отсутствие общей культурно-ценностной ориентации на развитие союза с Казахстаном, слабую информационную работу по тематике интеграционных процессов и культурного сотрудничества между странами [Жакупов, 2019].

Помимо этого, противоречия в отношении Казахстана и России обусловлены тем, что Казахстан одновременно развивает военно-политическое сотрудничество в двух разных направлениях: сотрудничая с Россией в ОДКБ и с США в рамках программ НАТО.

Республика Казахстан также стала больше уделять внимания китайской экономической интеграции, развивать тесные контакты с исламским миром. Вместе с такой многовекторной внешней политикой в республике развивается и внутренняя государственная политика, направленная на конструирование новой национальной идентичности в противовес бывшей советской, что особенно ярко проявляется в языковой политике: сокращение числа русскоязычных школ, снижение уровня владения русским языком, трехязычная языковая политика, популяризация языковых патрулей и т. д. События 2014 и 2022 гг. также повлияли на распространение политических мифов о России как о «стране-агрессоре» в медийной повестке Казахстана [Как в Казахстане...]. Все вышеперечисленные тенденции в дальнейшей перспективе могут привести к разрыву очень тесных политических, экономических и культурных контактов между двумя соседними странами. Поэтому крайне важным является изучение образа нашей страны в медиасреде Республики Казахстан для выявления проблемных тем, а также формирования позитивного образа России в казахстанском медиапространстве.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕДИАОБРАЗ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Современный политический медиадискурс иррационален и эмоционален, ему свойственны предвзятость, субъективизм, оценочность и аффективность. Даже тексты новостей, по умолчанию претендующие на обезличенность и объективность, принципиально формулируются в определенных идеологических рамках интерпретации [Elder, Cobb, 1983; Русакова, Грибовод, 2014; Репина, 2012; Garsiya-Kaseles, 2015]. Исследования в области имиджологии страны носят преимущественно междисциплинарный характер. Хотя условно можно выделить ряд подходов, или направлений, по их целям и методам.

Имеются работы, посвященные теоретическим аспектам проблемы формирования имиджа [Резник, 2021; Алёхина, Захаркина, Мосина, 2019; Попова, Зарипов, 2017]. Исследования имиджа страны проводились с историко-культурных позиций [Repina et al., 2018; Калюжная, 2006; Рожков, Кисмерешкин, 2008], в рамках политической психологии [Касаткин, 2007; Забурдаева, 2017; Шестопал, 2008], с точки зрения экономики, управления и сферы маркетинга [Анохин, 2014; Воронин, Целых, 2011; Kotler, Jatusripitak, Maescincee, 1997]. Социологические исследования имиджа страны представляют практический интерес и посвящены анализу влияния социальных факторов на формирование имиджа [Терских, Малёнова, 2015; Дементьева, 2013; Молодов, 2014].

Согласно некоторым исследованиям, образ страны — это «сумма всех описательных, умозаключительных и информационных представлений о той или иной стране» [Martin, Eroglu, 1993], или «сумма представлений, и впечатлений людей о той или иной стране» [Kotler, Haider, Rein, 1993].

В отечественном научном дискурсе имеется целый ряд работ, посвященных изучению образа страны в контексте функционирования СМИ [Егоровцева, 2021; Никифорова, 2022]. В современных исследованиях медийный образ чаще всего определяется либо как «совокупность эмоционально-рациональных взглядов, основанных на информации, полученной из СМИ», либо как «особый образ реальности, представляемый массовой аудитории медиаиндустрией» [Галинская, 2013, с. 91]. Данной тематике посвящено также несколько диссертаций, в частности, в диссертации Е. Н. Богдан рассмотрены структурно-функциональные характеристики медиаобраза России [Богдан, 2007]. Н. С. Виноградова в своей научной работе проводила политико-психологический анализ образа России в англо-американских СМИ [Виноградова, 2010]. Диссертация Д. О. Рябова посвящена изучению образа России в политике европейской идентичности ЕС [Рябов, 2016].

В рамках данной статьи мы придерживаемся несколько другой трактовки термина «медийный образ», а именно рассматриваем медиаобраз как фрагменты реальности, описываемые профессиональными журналистами и блогерами в текстах, отражающих их субъективное мировоззрение, ценностные ориентации, политические предпочтения и психологические особенности, и активно влияющих на аудиторию.

В современном обществе тексты СМИ, подобранные определенным образом, становятся одним из основных источников стереотипов. По мнению

В. О. Поповой и Е. А. Балезиной, «стереотип по своей природе никогда не является нейтральным, он предполагает позитивную или негативную оценку» [Попова, Балезина, 2015, с. 88]. Исследователь А. А. Кудабай утверждал, что роль когнитивных и поведенческих стереотипов в современных онлайн-овых и офлайн-овых коммуникациях намного шире, чем это представляется на первый взгляд. Стереотипы влияют не только на восприятие, но и на выбор наших решений, порой действуя настолько незаметно, что мы не успеваем осознать их присутствие [Кудабай, 2019, с. 67].

Медийный образ страны на сегодняшний день является стратегическим ресурсом государства, частью его национальной политики, поскольку привлекательный имидж так же важен для страны, как экономическая и военная мощь [Шестопап, Смулькина, 2018; Янглева, Якова, 2019]. В последнее десятилетие проблемам формирования имиджа России в популярных СМИ и крупных социальных сетях уделяется довольно пристальное внимание как в отечественном, так и зарубежном научных дискурсах. Исследования активности западных и американских СМИ в последнее десятилетие последовательно выявляют устойчивую тенденцию к формированию негативного имиджа России [Драчева, 2019; Posternyak, Voeva-Omelechko, 2018]. Негативная информация о России поступает из ведущих печатных изданий США, таких как *The Washington Post*, *The New York Times* и *The Los Angeles Times*.

Иную картину и динамику отношения к России можно увидеть в СМИ Китая и ряда стран СНГ. Большинство медиаресурсов конструируют положительный или нейтральный образ России последнего десятилетия [Лебедева, Харкевич, 2014; Савельева, 2020; Родькин, 2018]. Опросы казахстанцев в 2015–2020 гг. показали, что большинство из них относились к России как к комфортной территории, защитнику от военных угроз, надежному убежищу, значимому потенциальному партнеру, стратегическому союзнику и дружественному государству [Космарская, Савин, 2018; New Research...]. В то же время исследователи выявляют и определенную тенденциозность в освещении ими различных сторон жизни страны, связанную с наметившимися тенденциями дерусификации некоторых стран СНГ, усилением национально-патриотических настроений среди молодежи, конструированием новых идентичностей. Это «зависит от политических и социальных условий в стране, ее представлений о гражданстве, языке, территории, истории и культурной общности» [Рыжова, 2022, с. 22].

Более критический взгляд на Россию представляют активисты блогосферы. Ряд исследователей отмечают, что здесь медийный образ России становится помехой в межкультурных коммуникациях с Западной Европой и США [Еловик, 2021], так как аудитории предлагается образ страны, несущей серьезную угрозу миру [Казаринова, 2018]. Это объясняет необходимость поиска коммуникативных стратегий и новых драйверов для продвижения позитивного медийного имиджа России. Исходя из вышеописанного можно сказать, что стратегической задачей в этом направлении становится изучение информационных ресурсов, выявление основных проблем и перспектив создания позитивного образа России, а также исследование характеристик различных сегментов аудитории.

На сегодняшний день можно отметить, что именно политический медиаобраз России продолжает пребывать в глубоко кризисном положении, несмотря на высказывания россиян о росте рейтинга президента России и доверия к внешней политике России в мировом пространстве. Как нам кажется, подобная удручающая ситуация связана с явлениями стереотипизации и мифологизации образа России на ментальном уровне, а также современными геополитическими реалиями на политическом уровне.

МЕТОДЫ И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью данного исследования является оценка текущего медиаобраза России в телеграм-каналах Казахстана. Задачи исследования:

- анализ источников данных, выборка релевантных телеграм-каналов по заданным критериям;
- сбор данных и приведение их к общей структуре и формату;
- проведение очистки постов и комментариев, выделение пула информации, подходящий под цель исследования.

Первым этапом стал поиск социальных медиа для определения релевантных сообществ, подлежащих анализу. В рамках доступности был выбран мессенджер Telegram как один из наиболее популярных среди жителей Республики Казахстан¹.

Анализ каналов проводился вручную. Каналы отбирались по критериям:

- более 5000 подписчиков;
- периодичность публикаций не реже 1 раза в неделю;
- открытые комментарии;
- отсутствие или минимальное количество рекламных постов;
- в информативной составляющей постов сообщества упоминаются Российская Федерация и россияне (а также производные от данных слов).

Набор данных формировался из постов и комментариев социальных сетей, взятых из 27 казахстанских каналов мессенджера Telegram, за период с 21 июня 2016 г. по 31 марта 2023 г. Список телеграм-каналов представлен в табл. 1.

Данные были собраны из текстов постов сообществ и комментариев к ним. Исключались нерелевантные сообщения, не относящиеся к исследуемой тематической категории. Всего после сбора и очистки дублирующих постов было выделено 8333 уникальных поста для дальнейшего анализа. Динамика сообщений с разбиением по годам выглядит следующим образом (рис. 1).

Первичный набор данных составил 8633 постов и 35 399 комментариев в сообществах на русском и казахском языках в формате json. Сущности содержали следующие атрибуты: источник информации, дата публикации поста, текст поста, количество лайков, количество комментариев, количество репостов.

¹ По состоянию на 27 января 2023 г. (см: Какие мобильные приложения в категории «коммуникации» наиболее популярны у казахстанцев? URL: <https://ranking.kz/rankings/industries-rankings/kakie-mobilnye-prilozheniya-v-kategorii-kommunikacii-naibolee-populyarny-u-kazahstancsev.html> (дата обращения: 12.04.2023)).

Таблица 1. Список телеграм-каналов

Название канала	Количество подписчиков (на 06.04.2023)	Ссылка
Tengrinews.kz — Новости Казахстана	212 678	https://t.me/tengrinews
Zakon.kz — Новости Казахстана и мира	157 868	https://t.me/zakonkz
ZTB QAZAQSTAN	138 647	https://t.me/ztb_qaz
NUR.KZ — Новости Казахстана	87 298	https://t.me/newsnurkz
Atameken Business — Новости Казахстана	75 767	https://t.me/atamekenbusiness
Qazaqstan.tv	46 092	https://t.me/qazaqstantv
Atameken Business — Жаңалықтар	24 926	https://t.me/atamekenbusiness_qaz
Informburo.kz — Новости Казахстана	23 402	https://t.me/informburo_kz
Казинформ	16 219	https://t.me/kazinform_news
AstanaTV	14 235	https://t.me/astana_arnasy
Azattyq Rýhy	7850	https://t.me/azattyq_ruhy
ҚР Қорғаныс министрлігі / Минобороны РК / Ministry of Defense of the RK kz	6528	https://t.me/modgovkz
Qumash	122 191	https://t.me/qumash_kz
ORDA	125 673	https://t.me/orda_kz
ВЫХОД К ПРАВДЕ	84 233	https://t.me/ulysmediatg
EL.INFO	79 535	https://t.me/elinfo_kz
HEXабар	79 751	https://t.me/nehabar
Sputnik Казахстан	51 325	https://t.me/sputnikKZ
Massaget NEWS	38 525	https://t.me/massaget_news
Astanovka98	34 826	https://t.me/astanovka98
Kres_p_Almaty	7913	https://t.me/almatybugin
Almaty Today	29 988	https://t.me/almatytoday
Типичный Павлодар — шок tipavlo	27 687	https://t.me/tipavlo
НОВОСТИ КАЗАХСТАНА kz	22 362	https://t.me/qara_kz
Kazpress.kz	20 877	https://t.me/qazpress_kz
Tengestan kz	20 024	https://t.me/tengestan
NeAngime	10 373	https://t.me/neanfime

Собранные данные были конвертированы для удобства работы в системе PolyAnalyst в формат xlsx, и на этапе очистки были выделены только уникальные тексты, проверена орфография и пунктуация. Далее результаты также были

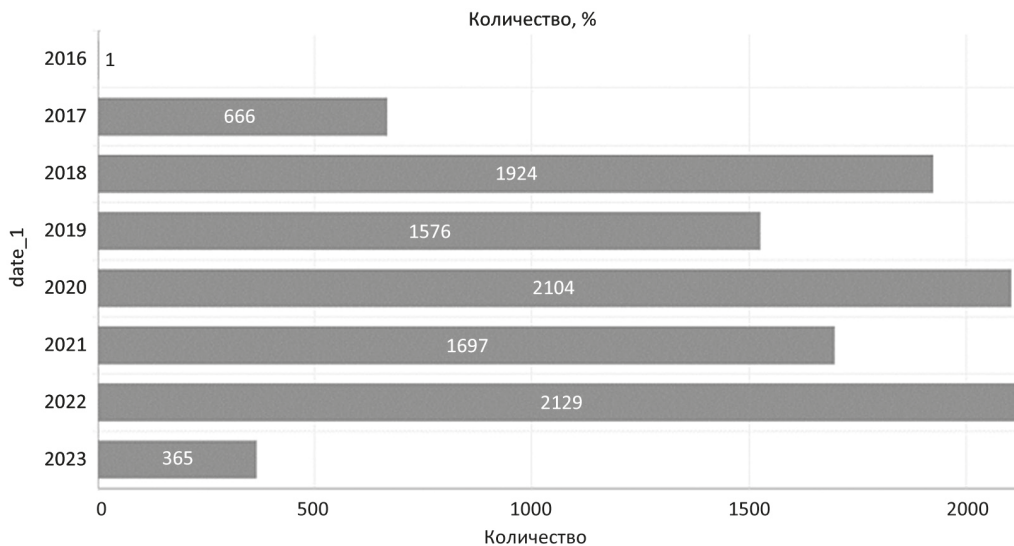

Рис. 1. Динамика опубликованных сообщений

очищены с помощью запросов на языке PDL и SRL от «мусорных» данных для увеличения качества результатов контент-анализа.

На втором этапе изучалась проблема выявления в текстах эмоционально окрашенной лексики, а также эмоциональной оценки мнений, высказанных авторами. Был проведен сентимент-анализ постов и комментариев сообществ, они были классифицированы как позитивно и негативно эмоционально окрашенные. Таким образом, внимание было сосредоточено на настроении, передаваемом пользователями в сообщениях. Все сообщения пользователей были промаркированы в зависимости от их тональности.

Исходя из задач исследования применяются следующие способы работы с данными: классификация текстов, формирование таксономий, извлечение сущностей, семантический поиск, категоризация, кластеризация, извлечение сущностей, обнаружение паттернов и т.д. Для анализа текстовых данных применялась вышеупомянутая платформа PolyAnalyst. Проект в системе PolyAnalyst представляет собой систему узлов, каждый из которых выполняет определенную функцию.

В сценарии для анализа данных из телеграм-каналов основной упор был сделан на определении тональности текста. Тональность выбрана стандартная: положительная и отрицательная. В данном исследовании намеренно были исключены посты и комментарии нейтральной окраски по нескольким причинам: во-первых, количество данных нейтральной тональности — менее 1% от всего массива данных, что, на наш взгляд, является нерепрезентативным. Во-вторых, нейтральная (нулевая) тональность характеризуется объективированностью изложения, а также малой значимостью субъективно-психологической составляющей речевого общения. Дополнительно выделялась основная мысль, проводился поиск ключевых тем и слов по встроенным словарям используемого инструмента.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Наибольшее количество материалов с упоминанием маркеров «Россия» и «русские» наблюдается в 2018 г. (1924 упоминания), в 2020-м (2104) и в 2022-м (2129). Российский медиаобраз в казахстанских телеграм-каналах формируется из медиаматериалов различных тематических направлений, прежде всего в сферах социально-культурных контактов, торгово-экономических отношений и пограничного сотрудничества. Схожесть многих показателей экономического, внутриполитического развития, общих жизненных ценностей в продвижении общества знаний, модернизации общества — все это влияет на освещение и восприятие соседнего государства как партнера, дружеского соседа, торгового конкурента.

Как видно из рисунка 2, информационный контент казахстанских телеграм-каналов в подавляющем большинстве посвящен обзору политических событий, праву, а также двухстороннему экономическому сотрудничеству Казахстана и России. На фоне сильного информационного давления на Россию со стороны западных СМИ освещение казахстанскими СМИ медиаобраза России в сфере торгово-экономического взаимодействия идет в русле традиционного сотрудничества, взаимодействия и добрососедства.

Проведенный сентимент-анализ позволил классифицировать все посты и комментарии на позитивно и негативно эмоционально окрашенные. В пози-

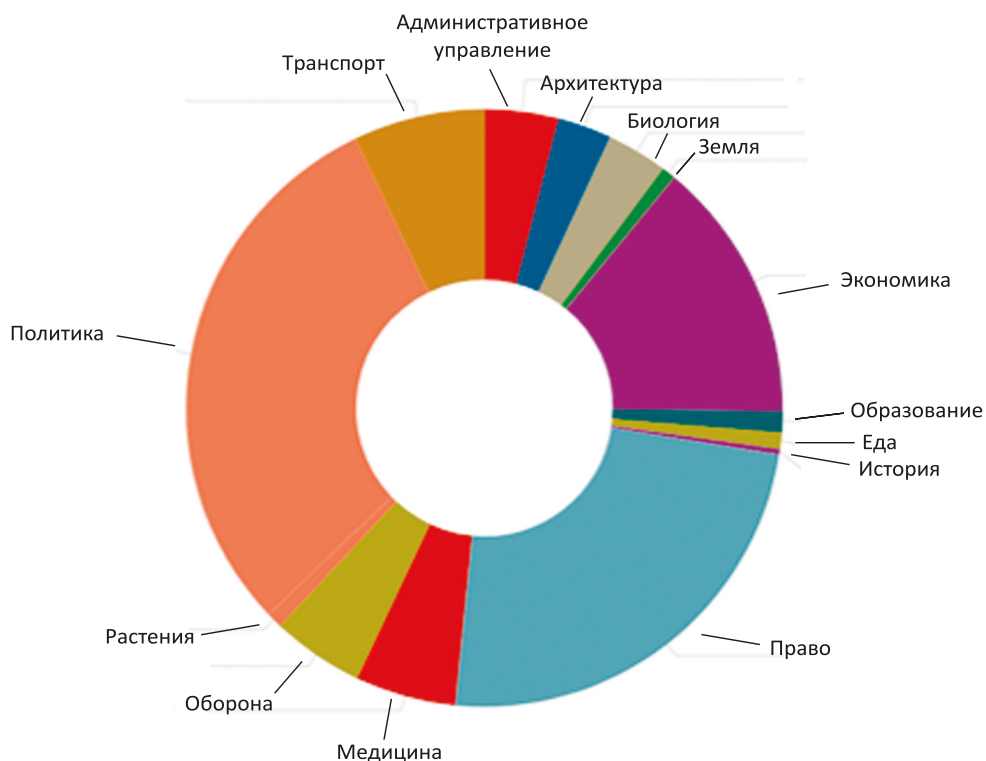

Рис. 2. Соотношение количества материалов по темам

тивном ключе информационного освещения привлекательны передовой опыт российских новаторов, отстаивание интересов российских предпринимателей и бизнеса на международном, двухстороннем и внутреннем уровнях. Можно отметить, что особенностями медиаконтента казахстанских телеграм-каналов является освещение внутривнутриполитических событий России, а также двухстороннего развития торгово-экономических отношений между Россией и Казахстаном. К недостаткам освещения медиаобраза России казахстанскими СМИ можно отнести малоизученность тем здравоохранения, образования, туризма, культуры и социальной сферы.

Затем из общего пула данных был выделен перечень постов и комментариев, относящихся к категории «политика». В данной категории наблюдается высокий уровень негативной тональности постов и комментариев (рис. 3). Это связано с преобладанием в 2022 г. материалов, посвященных негативному отношению к россиянам (рис. 4), вызванному, на наш взгляд, влиянием общемировой «культуры отмены» России [«Культуру отмены» в отношении России...], а также, по мнению С. Маликбаевой и Г. Габдулина, «неблагоприятным воздействием западных санкций против России на экономику Казахстана» [Malikbayeva, Gabdullin, 2022].

В целом тенденция негативизации российской повестки существует во многих странах бывшего СССР. К примеру, в исследовании М. А. Савельевой, посвященном изучению образа России в СМИ стран Евразийского экономического союза на основании показателей информационно-аналитической системы «Россия в мире» за 2015–2019 гг., демонстрируется низкий уровень позитивных

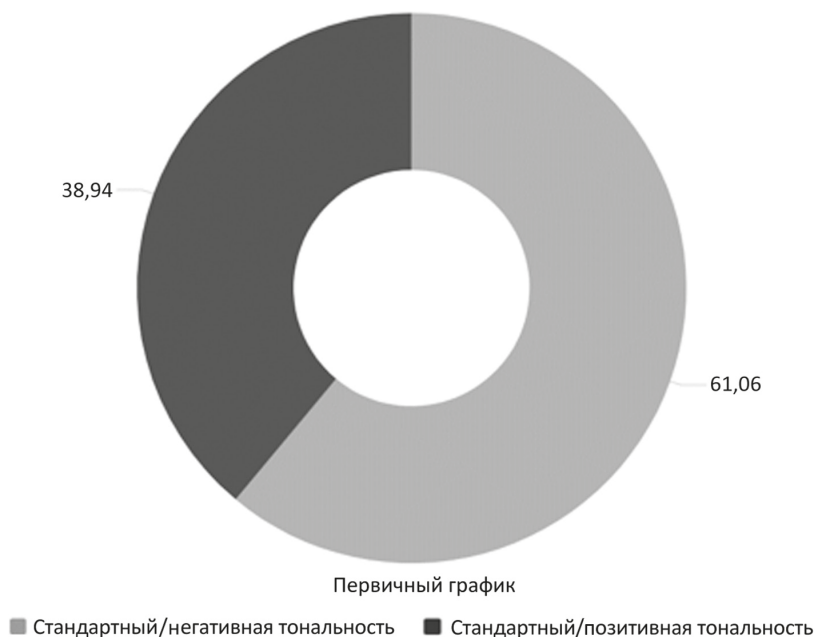

Рис. 3. Тональность постов и комментариев (тема «политика»)

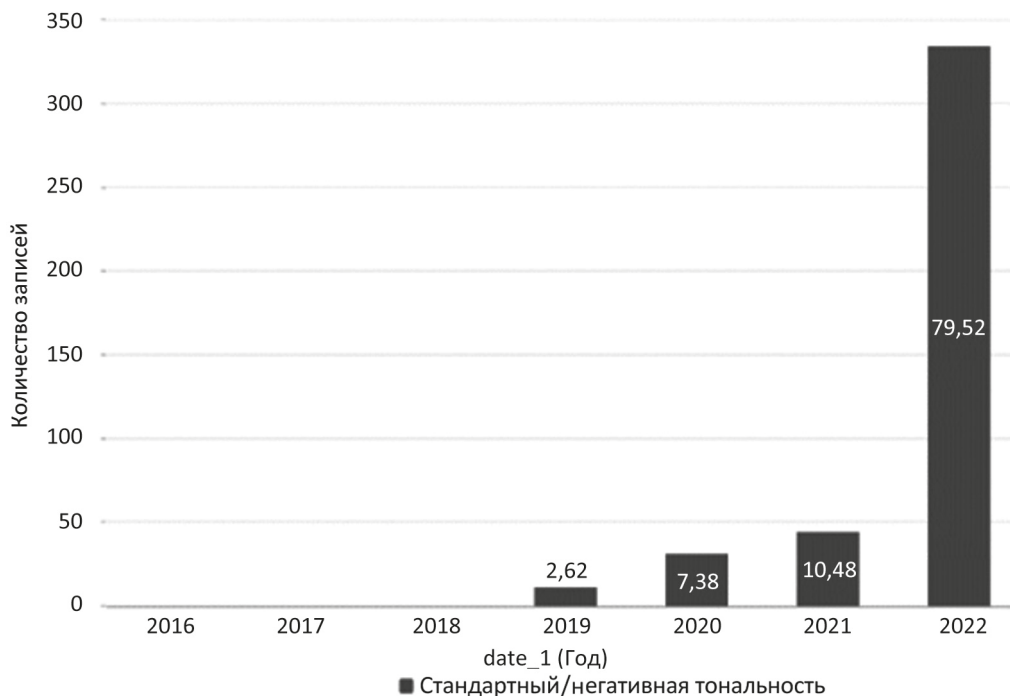

Рис. 4. Динамика негативного отношения к России по годам (тема «политика»)

материалов о России или отношениях с Россией; наибольшее количество публикаций с негативной тональностью наблюдается в Армении (54 %) [Савельева, 2020]. Еще хуже ситуация обстоит в постсоветских странах Балтийского региона, где медиаобраз России строится вокруг словосочетания «советская оккупация». По мнению Л. В. Моисеенко, «легитимность власти в республиках Балтии строится на демонизации советского прошлого. Утверждение о так называемой “советской оккупации” является одним из краеугольных камней современной медиаповестки прибалтийских государств» [Моисеенко, 2019].

Помимо вышеуказанных причин, платформа Telegram (а также YouTube) в последние годы является наиболее популярной агитационной площадкой, на которой, по мнению А. Ю. Образцовой и М. Ю. Галкиной, «отрицательные материалы занимают почти 24 % всех текстов, а почти две трети материалов имеют нейтральный характер (почти 64 %). Но и в нейтральных текстах содержится негативный подтекст» [Образцова, Галкина, 2020].

Отсутствие постов и комментариев с негативной окраской в 2016–2018 гг. можно объяснить как отсутствием самих постов политической тематики и функции комментирования (она появилась в 2020 г.), так и не такой широкой популярностью платформы Telegram в Казахстане в эти годы.

Следующим шагом стало извлечение всех данных, посвященных России за 2022 г., и распределение всех постов и комментариев по месяцам. Как по-

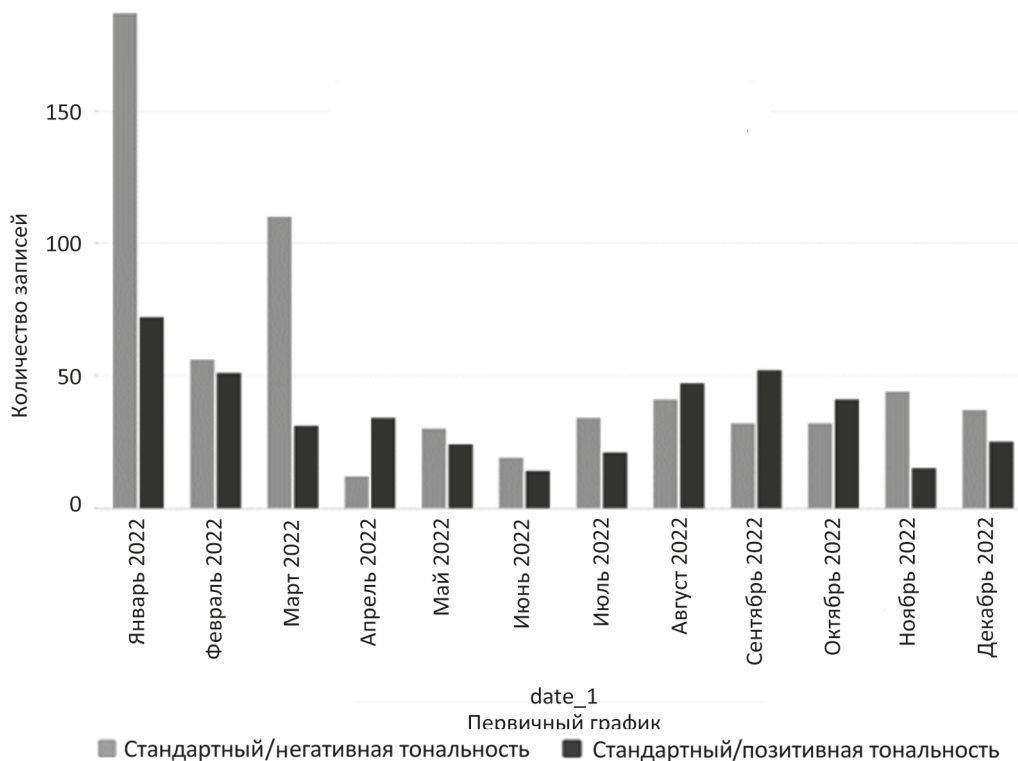

Рис. 5. Тональность материалов с упоминанием слов «Россия», «русские» за 2022 г.

казывает анализ данных за 2022 г., тональность постов, посвященных России, менялась в сторону негативизации образа страны (рис. 5). На формирование данной тенденции, по нашему мнению, оказали влияние три фактора: 1) январские события в Республике Казахстан; 2) специальная военная операция на территории Украины; 3) «культура отмены» России в европейских странах и странах Северной Америки.

Наибольший всплеск негативных материалов в отношении России наблюдается в январе, как реакция на ввод Россией миротворческого контингента ОДКБ на территорию Казахстана для подавления массовых протестов в республике; и в марте, как первичная реакция пользователей на начало специальной военной операции на территории Украины. В апреле, а также с августа по октябрь 2022 г. позитивные материалы преобладают над негативными, что связано, на наш взгляд, с визитом в августе президента РК К.-Ж.К. Токаева в Россию по случаю 30-летия установления дипломатических связей и обсуждением с президентом РФ В.В. Путиным увеличения объемов торгово-экономического сотрудничества [Встреча с президентом...], а также с въездом в страну большого числа россиян после объявления в России частичной мобилизации. Руководство республики тогда разработало меры поддержки переезжающих и призва-

ло граждан страны «проявить заботу о них и обеспечить их безопасность» [Как приток россиян изменил...]. Дополнительно для граждан России в Казахстане были созданы специальные группы по релокации. Благодаря им россияне могли найти жилье, работу или полезную информацию [В Казахстане для россиян...]. Данные события также положительно сказались на информационной повестке России в казахстанских СМИ.

Далее нами были проанализированы упоминания маркера «Россия» в текстах постов и комментариев, а также установлены взаимосвязи со словами, наиболее часто упоминаемыми вместе с вышеобозначенным маркером (рис. 6).

Подавляющее большинство установленных взаимосвязей носят негативный характер, за исключением слов «дом», «высказывание», «государство», «эфир». Наиболее близкие взаимосвязи (приграничные страны, военные действия, военный аэродром, президент, пребывание иммигрантов, негативный, фон опасений казахстанцев) отражают преобладание в казахстанских телеграм-каналах пула новостей, посвященных специальной военной операции на территории Украины, а большая доля негативной тональности в данных новостях, на наш взгляд, связана как с активным продвижением общемировой (европейской) повестки, направленной на «отмену» России [Брифинг официального представителя...], так и популяризацией в последнее время среди казахстанцев мнения о том, что в случае победы над Украиной российское руководство захочет военным путем присоединить к своей территории и Республику Казахстан [Россия может напасть...].

Стоит отметить, что установленные взаимосвязи со словами «среднего» и «дальнего» кругов также в большинстве случаев отражают негативную тональность, связанную с темой СВО на территории Украины. Помимо этого негативные тональности наблюдаются у следующих тематик: пандемия коронавирусной инфекции и территориальные претензии некоторых депутатов Государственной думы России к Казахстану (что вызвало большой всплеск негодований среди казахстанских пользователей в социальных сетях) [Депутат Никонов объяснил...].

Подобная ситуация наблюдается и в текстах комментариев (рис. 7).

Подавляющее число комментариев затрагивают события частичной мобилизации, миграции россиян на территорию Казахстана, а также отношение к иммигрантам со стороны казахстанцев. Несмотря на более сильное преобладание негативной тональности в комментариях, наблюдается доля пользователей, которая сочувствует мигрантам из России (орфография и пунктуация источника сохранены): «*Это перепуганные люди, что с них взять — их решение*»; «*У нас на улице живут немцы, русские, казахи, татары, я бульбашка, муж украинец и дележки никакой нет. Мы одна семья*»; «*Русские не угрожают никому тем более братскому казахстану*».

Но, несмотря на это, подавляющее число пользователей казахстанских телеграм-каналов выражают довольно негативные мнения касательно проводимой российским правительством внешней политики: «*...скоро русские задохнутся под санкциями, умрут от голода или безработные выйдут на улицы...*»

Примечательно, что отношение к русским, которые поколениями проживали на территории Казахстана, также меняется в сторону негативизации: *«русские Казахстана не имеют права называть своей родиной Казахстан, место где они живут в поколениях...»*

Немаловажным фактором изменения отношения к русским стали публичные высказывания российских депутатов о территории северного Казахстана: *«если бы не было бы русских чиновников, кричащих что земля Казахстана это исконно русские земли, я даже не замечал бы этого конфликта»*.

Исходя из анализа текстов комментариев можно предположить, что в условиях многонациональности государств России и Казахстана негативное отношение обращено не к россиянам как к гражданам, проживающим на этой территории, а именно к русским как ответственным за происходящие на сегодняшний день внешнеполитические события, а отсутствие какой-либо четкой стратегии российского руководства по продвижению повестки, формирующей позитивный образ России, в дальнейшем может только усилить данную тенденцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Партнерство России и Казахстана уже 30 лет динамично развивается и охватывает многие направления сотрудничества — от сферы обороны и безопасности до торгово-экономической кооперации в рамках ЕАЭС. Две страны традиционно объединяют общие интересы, история и вызовы, с которыми они сталкиваются. Однако в последнее время все чаще раздаются взаимные упреки в неблагоденности, разрушении прежнего уровня доверия, в особенности в сфере политики. Отметим, что в России и Казахстане существуют разные подходы к идеологии, языковой политике и оценке состояния современных международных отношений. Республика Казахстан неоднократно публично демонстрировала свое несогласие с некоторыми аспектами российской политики в области идеологии. Скандал, связанный с высказываниями российских депутатов Государственной думы Вячеслава Никонова и Евгения Федорова в декабре 2020 г., и реакция на них казахстанской стороны — лишнее тому подтверждение. Ни для кого не секрет, что в Казахстане постепенно набирает популярность национально-патриотическая идеология, поэтому вопросы исторической памяти и интерпретации исторических событий будут предметом не только бурных научных дискуссий, но и орудием популистов. А «раскручивание» подобных ситуаций посредством социальных сетей и мессенджеров усложняет решения данных споров.

Проведенный анализ показал, что акцент освещения казахстанскими СМИ российских событий в первую очередь связан с ключевыми словами «Россия» и «русские», а также с взаимодействием России и Казахстана в сферах экономики, политики и права. Информационная повестка дня определенного периода освещения зависит от важных межгосударственных мероприятий, двухстороннего сотрудничества, а также мировых тенденций. Начиная с 2020 г. негативная информационная повестка в казахстанских телеграм-каналах демонстрирует стабильный рост. В частности, наибольший рост негативных материалов был зафиксиро-

ван в 2022 г. как реакция на два крупных события: январские стихийные протесты в Республике Казахстан (ввод российским руководством в страну войск ОДКБ) и специальная военная операция на территории Украины (и, соответственно, миграция части граждан России на территорию Казахстана). Причем негативное отношение обращено не к россиянам как к гражданской идентичности, проживающей на этой территории, а именно к этническим русским как «ответственным» за происходящие на сегодняшний день внешнеполитические события.

Подобный рост негативной оценки России в казахстанских телеграм-каналах, на наш взгляд, может негативно повлиять и на изменение тенденции в восприятии России среди казахстанского населения от «своего», в сторону «другого» или даже «врага». А постепенное изменение внешнеполитических ориентиров (рост торговых связей с Китаем, сближение с США и Великобританией) только ускорит данную тенденцию.

С учетом того, что власти Казахстана продолжают придерживаться политики многополярности, российским властям придется жестко отстаивать свои интересы в республике, где усиливается влияние других международных акторов. В настоящее время борьбу на этой арене ведут некоторые государства Запада, которые попытаются оторвать Казахстан от ШОС и ОДКБ путем применения политики мягкой силы, Турция, которая обладает сильным влиянием на мусульманских граждан страны, а также Китай, финансовые инвестиции которого способствуют экономическому развитию РК. В этих условиях России необходимо принять ряд мер стратегического характера в интересах углубления взаимовыгодного сотрудничества с Казахстаном и отражения внешних и внутренних угроз совместными усилиями. А правильная и четкая медиастратегия, направленная на формирование позитивного образа России в Казахстане, может только усилить взаимоотношения нашей страны с южным соседом.

Литература

Алехина Т. А., Захаркина Н. В., Мосина Е. И. Модель формирования бренд-имиджа региона // Вестник ОрелГИЭТ. 2019. № 1. С. 12–17.

Анохин Е. В. Имидж страны: проблемы формирования и управления // Проблемы современной экономики. 2014. № 3(51). С. 214–218.

Богдан Е. Н. Медиобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 224 с.

Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой, Москва, 6 апреля 2022 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1808254/#3 (дата обращения: 01.05.2023).

В Казахстане для россиян создали группы по релокации, в которых можно найти жилье или работу. URL: <https://bizmedia.kz/2022/09/26/rk-dlya-rossiyan-sozdali-gruppo-relokaczii/> (дата обращения: 14.05.2023).

Виноградова Н. С. Политико-психологический анализ образа России в англо-американских СМИ (исследование 2008–2009 гг.): дис. ... канд. полит. наук. М., 2010. 141 с.

Воронин В. Г., Целых Т. Н. Маркетинг территории: теоретические подходы // Проблемы современной экономики. 2011. Т. 40, № 4. С. 236–238.

Встреча с Президентом Казахстана Касым-Жомартом Токаевым. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69182> (дата обращения: 20.05.2023).

Галинская Т. Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 11 (160). С. 91–94.

Дементьева И. Н. Социально-экономические и общественно-политические аспекты формирования протестного потенциала в регионе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 6. С. 39–50.

Депутат Никонов объяснил свои высказывания о территории Казахстана. URL: <https://tass.ru/politika/10241397> (дата обращения: 01.06.2023).

Драчева Ю. Н. Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 2(89). С. 134–146.

Егоровцева Е. Д. Роль современных СМИ в формировании медиаобраза государства // Слово в науке. 2021. № 2. С. 6–11.

Еловик А. А. Образ России в социальных медиа белорусской оппозиции (2019–2020 гг.) // Вопросы политологии. 2021. Т. 11, № 6(70). С. 1748–1755.

Жакупов Р. К. Казахстанская многосторонняя дипломатия в рамках ШОС // International scientific review. 2019. № LV. С. 48–54. <https://doi.org/10.24411/2542-0798-2019-15503>

Забурдаева Е. В. Политическая кампания. Стратегии и технологии. М.: Аспект пресс, 2017. 343 с.

Казаринова Д. Б. Холодная война и мир: «Россия против всех» и четыре мировых порядка Р.Саквы // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 177–184. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.14>

Как в Казахстане видят Россию: позитивный и негативный образы // ИАЦ. URL: <https://ia-centr.ru/experts/taisiya-marmontova/kak-v-kazakhstan-vidyat-rossiyu-pozitivnyy-i-negativnyy-obrazu/> (дата обращения: 15.05.2023).

Как приток россиян изменил экономику Казахстана. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/11/2022/6380e49c9a79475d927ae9c8> (дата обращения: 01.06.2023).

Калужная Е. Г. Имидж: предыстория и культурологическое обоснование феномена // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2006. Т. 47. № 12. С. 45–52.

Касаткин И. Г. Имидж федерального органа исполнительной власти как управленческий ресурс: дис. ... канд. соц. наук. М., 2007. 147 с.

Космарская Н. П., Савин И. С. Что думают казахстанцы об отношениях с северным соседом? // Центральная Евразия. 2018. № 1. С. 175–195.

Кудабай А. А. Поведенческие и когнитивные стереотипы: современные манипулятивные техники в казнете // Медиаисследования 2019 / под ред. Т. А. Семилет, И. В. Фотиевой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 66–74.

«Культуру отмены» в отношении России обсудили на ПМЭФ. URL: <https://rg.ru/2022/06/18/kulturu-otmeny-v-otnoshenii-rossii-obsudili-na-pmef.html> (дата обращения: 01.05.2023).

Лебедева М. М., Харкевич М. В. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2(35). С. 10–13. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-10-13>

Моисеенко Л. В. Когнитивное моделирование имиджа России в политическом дискурсе // Россия в зеркале западных СМИ: мультилингвальные способы создания имиджа государства: тезисы научно-практической конференции. М., 2019. URL: http://www.spsl.nsc.ru/FullText/KONFE/Россия_зерк_запСМИ-2019.pdf (дата обращения: 12.04.2023).

Молодов О. Б. Имидж региональных органов власти: теоретические основы и проблемы формирования // Вопросы территориального развития. 2014. № 10(20). С. 1–12.

Никифорова М. В. Образ России в американских СМИ 2021 года (на материале статей журнала Foreign Affairs) // Политическая лингвистика. 2022. № 1(91). С. 59–68.

Образцова А. Ю., Галкина М. Ю. Особенности освещения общественно-политических процессов в социальных сетях в Казахстане на основе русскоязычного дискурса // Медиаскоп. 2020. Вып. 2. <https://doi.org/10.30547/mediascope.2.2020.1>

Попова В. О., Балезина Е. А. Роль средств массовой информации в формировании стереотипов массового сознания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. № 2. С. 88–94.

Попова Т. Г., Зарипов Р. И. Особенности метафорической репрезентации образа России в западных СМИ // Политическая лингвистика. 2017. № 5. С. 125–129.

Резник О. В. Теоретические аспекты формирования имиджа: имидж России // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 29. С. 963–968.

Репина Е. А. Политический текст. Психолингвистический анализ воздействия на электрот. М.: Инфра-М, 2012. 92 с.

Родькин П. Е. Брендинг территории: к проблеме репрезентации и бренд-идентификации // Современные проблемы сервиса и туризма. 2018. Т. 12, № 4. С. 25–34. <https://doi.org/10.24411/1995-0411-2018-10402>

Рожков И., Кисмерешкин В. Имидж России. Ресурсы. Опыт. Приоритеты. М.: РИПОЛ классик, 2008. 366 с.

Россия может напасть на Казахстан / Путина сильно унизили / Что с рейтингом Токаева? URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z64uX0jh2mg> (дата обращения: 01.06.2023).

Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Антиномии. 2014. № 4. С. 65–77.

Рыжова С. В. Эмоциональная составляющая российской идентичности: позитивный и негативный контексты // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 21–32. <https://doi.org/10.31857/S013216250019609-2>

Рябов Д. О. Образ России в политике европейской идентичности ЕС: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2016. 32 с.

Савельева М. А. Образ России в СМИ стран ЕАЭС: медиаметрический анализ // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2020. Т. 22, № 2. С. 222–230. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-2-222-230>

Савельева М. А., Утекова З. Д. Особенности взаимного восприятия России и Казахстана // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 2(67). С. 58–65. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2021-67-2-058-065>

Терских М. В., Малёнова Е. Д. Имидж региона: теоретический аспект (Российский и зарубежный опыт) // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 199–205.

Шестопал Е. Б. Образы российской власти: от Ельцина до Путина. М.: РОССПЭН, 2008. 416 с.

Шестопал Е. Б., Смутькина Н. В. Факторы восприятия постсоветских стран в современном обществе // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 26–44. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.03>

Янгляева М. М., Ясова Т. С. Роль массмедиа в конструировании региональной идентичности: медиагеографические подходы // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8, № 3. С. 485–496. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(3\).485-496](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(3).485-496)

Elder C. D., Cobb R. W. The Political Uses of Symbols. New York: Longman, 1983. 173 p.

Fiske J. Television Culture. London; New York: Routledge, 1993. 353 p.

Garsiya-Kaseles K. Radical, Right movement of Spanish Confederation of Autonomous Right (CEDA) in Spain in the context of political linguistics. (The early XX century) // Science and Education. Munich, 2015. P. 235–239.

Kotler P., Haider D., Rein I. Marketing Places: Attracting Investment and Tourism to Cities, States and Nations. New York: The Free Press, 1993. 388 p.

Kotler F., Jatusripitak S., Maescincee S. The marketing of nations: A strategic approach to building national wealth. New York: Free Press, 1997. 451 p.

Malikbayeva S., Gabdullin G. The Rise of Anti-Eurasian Sentiment in Kazakhstan // Securitization and Democracy in Eurasia. 2022. No. 9. P. 63–76. https://doi.org/10.1007/978-3-031-16659-4_4

Martin M. I., Eroglu S. Measuring a Multi-Dimensional Construct: Country Image // Journal of Business Research. 1993. Vol. 28, no. 3. P. 191–210.

New Research: IRI Focus Group Discussions in Kazakhstan Reveal Key Points on National Identity, Internet Use. URL: <https://www.iri.org/news/new-research-iri-focus-group-discussions-in-kazakhstan-reveal-key-points-on-national-identity-internet-use/> (дата обращения: 27.04.2023).

Posternyak K. P., Bueva-Omelechko N. B. The formation of the image of Russia in the British political mass media discourse // *Acta Scientiarum. Language and Culture*. 2018. Iss. 40 (2). P. e41086. <https://doi.org/10.4025/actascilangcult.v40i2.41086>

Repina E. A., Zheltukhina M. R., Biryukova E. V., Gerasimova S. A., Klyoster A. M., Komleva L. A. Modern Media Advertising: Effective Directions of Influence in Business and Political Communication // *Man in India*. 2017. Iss. 97(14). P. 207–215.

Repina E. A., Zheltukhina M. R., Kovaleva N. A., Popova T. G., Caselles C. G. International media image of Russia: Trends and patterns of perception // *XLinguae*. 2018. Vol. 11(2). P. 557–565. <https://doi.org/10.18355/XL.2018.11.02.45>

Черничкин Дмитрий Алексеевич — науч. сотр.; chernichkin95@mail.ru

Кривенко Анастасия Ивановна — мл. науч. сотр.; krivenkoanastasia33@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 14 июня 2023 г.;

рекомендована к печати: 8 сентября 2023 г.

Для цитирования: Черничкин Д. А., Кривенко А. И. Медиаобраз России в казахстанских телеграм-каналах // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2023. Т. 19, № 4. С. 565–586. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.404>

MEDIA IMAGE OF RUSSIA IN KAZAKH TELEGRAM CHANNELS*

Dmitry A. Chernichkin

Astrakhan Tatishchev State University,
20A, ul. Tatishcheva, Astrakhan, 414056, Russian Federation; chernichkin95@mail.ru

Anastasia I. Krivenko

Astrakhan Tatishchev State University,
20A, ul. Tatishcheva, Astrakhan, 414056, Russian Federation; krivenkoanastasia33@gmail.com

The article is devoted to the assessment of the current media image of Russia in the Telegram channels of the Republic of Kazakhstan. The data sources were information published in Kazakhstani Telegram channels (posts and comments) from 2016 to 2023 and selected according to predetermined criteria. In total, during the specified period, 8333 posts and 35339 comments were recorded for the given markers, which were subjected to further analysis. The information content of Kazakh Telegram channels is overwhelmingly devoted to the review of political events, law, as well as bilateral economic cooperation between Kazakhstan and Russia. Against the background of strong information pressure on Russia from the Western media, the coverage of the media image of Russia in the sphere of trade and economic cooperation by the Kazakh media is in line with traditional cooperation, interaction and good neighborliness. However, starting from 2020, the negative information agenda in Kazakhstani Telegram channels has been demonstrating a steady growth. In particular, the largest increase in negative materials was recorded in 2022 as a reaction to two major events: the January spontaneous protests in the Republic of Kazakhstan (the entry of the CSTO troops into the country by the Russian leadership)

* The study was carried out by a grant from the Russian Science Foundation no. 23-28-01230 “The formation of anti-Russian sentiment in the media environment of the Republic of Kazakhstan as part of the Caspian frontier”.

and a special military operation on the territory of Ukraine (and, accordingly, the migration of some citizens Russia to the territory of Kazakhstan). Moreover, the negative attitude is directed not to the Russians, as to the civic identity living in this territory, but to the ethnic Russians, as responsible for the current foreign policy events. The growth of a negative assessment of Russia in the Kazakhstani online space may also negatively affect the change in the trend in the perception of Russia among the Kazakhstani population from “own”, towards “other”, or even “enemy”. A gradual change in foreign policy guidelines (growth of trade relations with China, rapprochement with the US and the UK) will only accelerate this trend.

Keywords: Russia, Kazakhstan, Russians, media image, Telegram, sentiment analysis, big data.

References

- Alyokhina T.A., Zakharkina N.V., Mosina E.I. Model of formation of the brand image of the region. *Vestnik OrelGIET*, 2019, no. 1, pp. 12–17. (In Russian)
- Anokhin E.V. Image of the country: Problems of formation and management. *Problems of modern economics*, 2014, no. 3 (51), pp. 214–218. (In Russian)
- Bogdan E.N. *The media image of Russia as a means of consolidating society: Structural and functional characteristics*: PhD thesis. Moscow, 2007. 224 p. (In Russian)
- Briefing by the official representative of the Russian Foreign Ministry M. V. Zakharova*. Moscow, April 6, 2022. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1808254/#3 (accessed: 05.01.2023) (In Russian)
- Dementieva I.N. Socio-economic and socio-political aspects of the formation of protest potential in the region. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 2013, no. 6, pp. 39–50. (In Russian)
- Deputy Nikonov explained his statements about the territory of Kazakhstan*. Available at: <https://tass.ru/politika/10241397> (accessed: 06.01.2023). (In Russian)
- Dracheva Yu. N. The concept of a media image and its description in linguistic and non-linguistic aspects. *Cherepovets State University Bulletin*, 2019, no. 2 (89), pp. 134–146. (In Russian)
- Egorovtseva E. D. The role of modern media in shaping the media image of the state. *International scientific journal “Word in Science”*, 2021, no. 2, pp. 6–11. (In Russian)
- Elder C. D., Cobb R.W. *The Political Uses of Symbols*. New York: Longman, 1983. 173 p.
- Elovik A. A. The Image of Russia in the Social Media of the Belarusian Opposition (2019–2020). *Political Science Issues*, 2021, vol. 11, no. 6(70), pp. 1748–1755. (In Russian)
- Fiske J. *Television Culture*. London; New York: Routledge, 1993. 353 p.
- Galinskaya T.N. The concept of media image and the problem of its reconstruction in modern linguistics. *Vestnik of the Orenburg State University*, 2013, no. 11 (160), pp. 91–94. (In Russian)
- Garsiya-Kaseles K. Radical, Right movement of Spanish Confederation of Autonomous Right (CEDA) in Spain in the context of political linguistics. (The early XX century). *Science and Education*. Munich, Germany, 2015, pp. 235–239.
- How Russia is seen in Kazakhstan: positive and negative images. *IAC*. Available at: <https://ia-centr.ru/experts/taisiya-marmontova/kak-v-kazakhstane-vidyat-rossiyu-pozitivnyy-i-negativnyy-obrazy/> (accessed: 15.05.2023) (In Russian)
- How the influx of Russians changed the economy of Kazakhstan*. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/26/11/2022/6380e49c9a79475d927ae9c8> (accessed: 06.01.2023). (In Russian)
- In Kazakhstan, relocation groups have been created for Russians, where you can find housing or work*. Available at: <https://bizmedia.kz/2022/09/26/rk-dlya-rossiyan-sozdali-gruppo-relokac-zii/> (accessed: 05.14.2023) (In Russian)
- Kalyuzhnaya E.G. Image: prehistory and culturological substantiation of the phenomenon. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities*, 2006, vol. 47, no. 12, pp. 45–52. (In Russian)
- Kasatkin I.G. *The image of the federal executive body as a managerial resource*: PhD thesis. Moscow, 2007. 147 p. (In Russian)

- Kazarinova D. B. Cold war and peace: "Russia against all" and four world orders R. Sakva. *Polis. Political studies*, 2018, no. 4, pp. 177–184. <https://doi.org/10.17976/jpps.2018.04.14> (In Russian)
- Kosmarskaya N. P., Savin I. S. What do Kazakhstanis think about relations with their northern neighbor? *Tsentral'naya Evraziya*, 2018, no. 1, pp. 175–195. (In Russian)
- Kotler F., Jatusripitak S., Maescincee S. *The marketing of nations: A strategic approach to building national wealth*. New York: Free Press, 1997. 451 p.
- Kotler P., Haider D., Rein I. *Marketing Places: Attracting Investment and Tourism to Cities, States and Nations*. New York: The Free Press, 1993. 388 p.
- Kudabay A. A. Behavioral and cognitive stereotypes: Modern manipulative techniques in treasury. *Media Research* 2019, ed. by T. A. Semilet, I. V. Fotieva. Barnaul: Altay University Publ., 2019, pp. 66–74. (In Russian)
- Lebedeva M. M., Kharkevich M. V. "Soft power" of Russia in the development of integration processes in the Eurasian space. *MGIMO Review of International Relation*, 2014, no. 2 (35), pp. 10–13. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-10-13> (In Russian)
- Malikbayeva S., Gabdullin G. The Rise of Anti-Eurasian Sentiment in Kazakhstan. *Securitization and Democracy in Eurasia*, 2022, no. 9, pp. 63–76. https://doi.org/10.1007/978-3-031-16659-4_4
- Martin M. I., Eroglu S. Measuring a Multi-Dimensional Construct: Country Image. *Journal of Business Research*, 1993, vol. 28, no. 3, pp. 191–210.
- Meeting with the President of Kazakhstan Kassym-Jomart Tokayev*. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69182> (accessed: 20.05.2023). (In Russian)
- Moiseenko L. V. Cognitive modeling of the image of Russia in political discourse. *Russia in the mirror of Western media: Multilingual ways of creating the image of the state. Abstracts of the scientific-practical conference*. Moscow, 2019. Available at: http://www.spsl.nsc.ru/FullText/KONFE/Россия_зерк_запСМИ-2019.pdf (accessed: 04.12.2023). (In Russian)
- Molodov O. B. Image of Regional Authorities: Theoretical Foundations and Problems of Formation. *Voprosy territorial'nogo razvitiia*, 2014, no. 10(20), pp. 1–12. (In Russian)
- New Research: IRI Focus Group Discussions in Kazakhstan Reveal Key Points on National Identity, Internet Use*. Available at: <https://www.iri.org/news/new-research-iri-focus-group-discussions-in-kazakhstan-reveal-key-points-on-national-identity-internet-use/> (accessed: 27.04.2023).
- Nikiforova M. V. The image of Russia in the American media in 2021 (based on the articles of the journal *Foreign Affairs*). *Political Linguistics*, 2022, no. 1 (91), pp. 59–68. (In Russian)
- Obraztsova A. Yu., Galkina M. Yu. Features of coverage of socio-political processes in social networks in Kazakhstan based on Russian-language discourse. *Mediascope*, 2020, iss. 2. <https://doi.org/10.30547/mediascope.2.2020.1> (In Russian)
- Popova V. O., Balezina E. A. The role of mass media in the formation of stereotypes of mass consciousness. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2015, no. 2, pp. 88–94. (In Russian)
- Posternyak K. P., Boeva-Omelechko N. B. The formation of the image of Russia in the British political mass media discourse. *Acta Scientiarum. Language and Culture*, 2018, iss. 40(2), p. e41086. <https://doi.org/10.4025/actascilangcult.v40i2.41086>
- Repina E. A. *Political text. Psycholinguistic analysis of the impact on the electorate*. Moscow: Infra-M Publ., 2012. 92 p. (In Russian)
- Repina E. A., Zheltukhina M. R., Biryukova E. V., Gerasimova S. A., Klyoste A. M., Komleva L. A. Modern Media Advertising: Effective Directions of Influence in Business and Political Communication. *Man in India*, 2017, iss. 97(14), pp. 207–215.
- Repina E. A., Zheltukhina M. R., Kovaleva N. A., Popova T. G., Caselles C. G. International media image of Russia: trends and patterns of perception. *XLinguae*, 2018, vol. 11(2), pp. 557–565. <https://doi.org/10.18355/XL.2018.11.02.45>
- Reznik O. V. Theoretical aspects of image formation: The image of Russia. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, 2021, no. 29, pp. 963–968. (In Russian)
- Rodkin P. E. Territory branding: To the problem of representation and brand identification. *Service and Tourism: Current Challenges*, 2018, vol. 12, no. 4, pp. 25–34. <https://doi.org/10.24411/19950411201810402> (In Russian)

Rozhkov I., Kismereshkin V. *Image of Russia. Resources. Experience. Priorities*. Moscow: RIPOL Klassik Publ., 2008. 366 p. (In Russian)

Rusakova O. F., Gribovod E. G. Political media discourse and mediatization of politics as concepts of political communication. *Antinomies*, 2014, no. 4, pp. 65–77. (In Russian)

Russia may attack Kazakhstan / Putin has been severely humiliated / What about Tokaev's rating? Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=z64uX0jh2mg> (accessed: 06.01.2023). (In Russian)

Ryabov D. O. *The Image of Russia in the European Identity Policy of the EU*: PhD thesis abstract. St. Petersburg, 2016. 32 p. (In Russian)

Ryzhova S. V. Emotional Component of Russian Identity: Positive and Negative Contexts. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022, no. 4, pp. 21–32. <https://doi.org/10.31857/S013216250019609-2> (In Russian)

Savelyeva M. A. The image of Russia in the media of the EAEU countries: Mediometric analysis. *RUDN Journal of Political Science*, 2020, vol. 22, no. 2, pp. 222–230. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-2-222-230> (In Russian)

Savelyeva M. A., Utekhova Z. D. Features of mutual perception of Russia and Kazakhstan. *Caspian region: politics, economics, culture*, 2021, no. 2(67), pp. 58–65. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2021-67-2-058-065> (In Russian)

Shestopal E. B. *Images of Russian power: From Yeltsin to Putin*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008. 416 p. (In Russian)

Shestopal E. B., Smulkina N. V. Perception factors of post-Soviet countries in modern society. *Polis. Political studies*, 2018, no. 1, pp. 26–44. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.03> (In Russian)

Tersikh M. V., Malenova E. D. The Image of the Region: Theoretical Aspect (Russian and Foreign Experience). *Political Linguistics*, 2015, no. 2, pp. 199–205. (In Russian)

The "culture of cancellation" in relation to Russia was discussed at the SPIEF. Available at: <https://rg.ru/2022/06/18/kulturu-otmeny-v-otnoshenii-rossii-obsudili-na-pmef.html> (accessed: 05.01.2023). (In Russian)

Vinogradova N. S. *Political and psychological analysis of the image of Russia in the Anglo-American media (research 2008–2009)*. PhD thesis. Moscow, 2010. 141 p. (In Russian)

Voronin V. G., Tselykh T. N. Territory marketing: theoretical approaches. *Problems of modern economics*, 2011, vol. 40, no. 4, pp. 236–238. (In Russian)

Yanglyaeva M. M., Yasova T. S. The role of mass media in the construction of regional identity: Media geographic approaches. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2019, vol. 8, no. 3, pp. 485–496. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(3\).485-496](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(3).485-496) (In Russian)

Zaburdaeva E. V. *Political campaign. Strategies and technologies*. Moscow: Aspekt press, 2017. 343 p. (In Russian)

Zaripov R. I., Popova T. G. Features of the metaphorical representation of the image of Russia in the Western media. *Political Linguistics*, 2017, no. 5, pp. 125–129. (In Russian)

Zhakupov R. K. Kazakhstani multilateral diplomacy within the framework of the SCO. *International scientific review*, 2019, no. LV, pp. 48–54. <https://doi.org/10.24411/2542-0798-2019-15503> (In Russian)

Received: June 14, 2023

Accepted: September 8, 2023

For citation: Chernichkin D. A., Krivenko A. I. Media image of Russia in Kazakh Telegram channels. *Political Expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 565–586. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.404> (In Russian)

**ПОЛИТИЗИРОВАННАЯ ЭТНИЧНОСТЬ
КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ
УКРЕПЛЕНИЮ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ***

В. А. Авксентьев

Южный научный центр Российской академии наук,
Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41

В статье анализируются феномен политизированной этничности на Северном Кавказе, его влияние на этнополитические процессы и предлагаются пути снижения рискогенного воздействия этого феномена на этнополитическую сферу региона. В статье обобщаются результаты серии исследований, проведенных на Северном Кавказе в 2018–2023 гг.: ивент-анализа этнополитической ситуации, анализа опыта позитивных практик, массового и экспертных опросов, контент-анализа средств массовой информации, сайтов национально-культурных объединений, блогосферы, контент-анализа нормативных документов, контент- и дискурс-анализа публикаций северокавказских ученых-историков. Показано, что основными факторами политизации этничности в северокавказском регионе являются «гиперэтничность» и институционализация этничности в виде «национальных республик», а также обусловленные этими феноменами этнотерриториальные проблемы и претензии и сложившаяся в регионе «парадигма памяти». Сделан вывод о необходимости укрепления общероссийской направленности региональной политики идентичности, и в этих целях требуется своеобразная «ревизия» нормативной базы в субъектах Федерации на Северном Кавказе. Поскольку на современном этапе отказаться от института республик невозможно и нецелесообразно, важно постепенно внедрять в общественное сознание принцип территориальности, а не титульной этничности как основы российских республик. Необходимо изменение гуманитарной повестки Северного Кавказа, которое может идти по двум направлениям: переориентация общественного сознания на проблемы модернизации региона и интеграция гуманитарного пространства «Большого Юга» — Северо-Кавказского и Южного федеральных округов. Переформатирование «парадигмы памяти» может идти путем расширения исторической панорамы за счет позитивно ориентированных конструкций исторического прошлого, а также изменения научных приоритетов гуманитарных исследований с акцентом на тематику, связанную с многовековым опытом выстраивания сожительства народов разных культур. Материалы и выводы, содержащиеся в статье, могут быть использованы при подготовке новой Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации.

Ключевые слова: этническая идентичность, общероссийская идентичность, политизированная этничность, политика идентичности, Северный Кавказ.

* Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» на 2023–2025 гг., ГЗ ЮНЦ РАН на 2023 г., № г. р. 123111700015-8.

ВВЕДЕНИЕ

Северный Кавказ, в течение четверти века после распада СССР воспринимавшийся как наиболее проблемный регион постсоветской России, в новейших доктринальных документах не трактуется как территория особо высокой концентрации рисков для российской государственности, его проблемы рассматриваются в контексте других региональных проблем страны¹. Руководство страны и Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) пришли к этому выводу еще в середине второго десятилетия XXI в., отметив, что «силовики» свою задачу выполнили². Акценты по стабилизации обстановки в регионе перемещаются в плоскость социально-экономических и гуманитарных преобразований. Одним из таких направлений является политика идентичности.

Идентичность превратилась в один из ключевых компонентов гуманитарной безопасности и в условиях развернувшейся гибридной войны стала одной из главных мишеней в информационном компоненте этой войны. Как и в предшествующие критические периоды истории России, ее полиэтничный характер трактуется геополитическими конкурентами как слабость и ресурс для деструктивного воздействия. В «недружественных странах» активизировалась деятельность, направленная на дестабилизацию этнополитических процессов в России, проводятся различные мероприятия, стимулирующие националистические и сепаратистские настроения. Подобная активность генерирует риски для безопасности России не столько в силу «качества» или популярности самих мероприятий, сколько в силу их многочисленности и создаваемого вокруг них информационного шума. Не случайно с разрастанием геополитического кризиса вокруг Украины политическое руководство России активизировало деятельность по укреплению общероссийской идентичности и поддержанию межэтнического и межконфессионального мира³.

Реально достигнутые позитивные результаты в стабилизации этнополитической обстановки на Северном Кавказе не должны быть переоценены. В регионе сохраняются факторы риска роста напряженности в межэтнических отношениях и потенциально возможен возврат негативного сценария этнополитического развития [Ачкасов, 2021, с. 45]. В этих условиях политика идентичности становится важным звеном в цепи мероприятий по предотвращению возврата ситуации в регионе к негативному сценарию. Сложившиеся на Северном Кавказе нормы, ценности, общественные институты, представления о прошлом, настоящем и будущем задают рамки формирования общероссийской идентичности

¹ См.: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 18.04.2023).

² Полпред: в борьбе с терроризмом на Северном Кавказе наступил перелом // РИА Новости, 10.03.2016. URL: <https://ria.ru/20160310/1387992899.html> (дата обращения: 29.04.2023).

³ Заседание Совета по межнациональным отношениям 19 мая 2023 года // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71165> (дата обращения: 21.05.2023).

и могут служить как институциональной основой для укрепления общероссийской идентичности, так и препятствием в этой деятельности. Одним из таких институциональных препятствий является политизированная этничность, играющая большую роль в модулировании всех этносоциальных и этнокультурных процессов в регионе. Цель настоящей статьи — выявить «узловые пункты» политизации этничности на Северном Кавказе и рассмотреть возможные пути «купирования» рискогенного характера этого феномена.

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОЛИТИЗИРОВАННОЙ ЭТНИЧНОСТИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Проблемы идентичности заняли прочное место как в научных исследованиях, так и в практической политике. В мировой литературе сформировалось самостоятельное направление социально-гуманитарных исследований *identity studies*, прежде всего в контексте понимания того, что глобализация меняет контуры политики идентичности до самых ее корней [Elliott, 2020, p. 16]. В зарубежных публикациях проблематика идентичности достаточно разнообразная, мейнстримом являются исследования в области гендерной идентичности [Костина, Бритвина, 2021], растет популярность работ по «цифровой идентичности» [Кондаков, Костылева, 2019]. Тем не менее стержневым направлением *identity studies* являются работы в области этнической/расовой/локальной идентичностей, их взаимодействия с надэтническими идентичностями. В отечественных исследованиях проблематика идентичности также вошла в число приоритетных [Идентичность..., 2017], спецификой отечественного подхода является почти полная концентрация исследований на этнической тематике. В масштабах всей страны и отдельных регионов проводятся социологические исследования [Дробижева, Рыжова, 2021], вопросы взаимодействия этнической и общероссийской идентичностей постоянно присутствуют в обсуждениях на научных конференциях и научно-общественных мероприятиях. В предметное поле *identity studies* в России вовлечены философы, историки, социологи, политологи, этнологи, литературоведы. Идентичность стала одной из ключевых категорий, определяющих ракурс изучения этносоциальных, этнополитических и этнокультурных процессов.

В этом предметном поле свое место нашла тема политизации этничности, превращения этнической идентичности в фактор политического процесса. В научной литературе прочно закрепился тезис, что этничность, этническая идентичность не являются источником социально-политической напряженности и конфликтов, в отличие от политизированной этничности, рассматриваемой большинством авторов как непосредственный фактор этнополитических конфликтов. Исследователи отмечают, что в одном ряду с политизацией этничности в том же терминологическом поле находятся сопряженные феномены — этнополитическая мобилизация, этнизация политики, политически мотивированная этнизация других сфер социальной жизни [Осколков, 2021, с. 136]. При этом важной особенностью политизации этничности является то, что этот процесс может породить серьезное этническое и национальное противостоя-

ние не только в переходном, переживающем кризис социуме, но и в условиях постиндустриального богатого общества и развитой либеральной демократии [Ачкасов и др., 2021, с. 85].

ПОЛИТИЗИРОВАННАЯ ЭТНИЧНОСТЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: СИТУАЦИЯ В ТРЕТЬЕМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI В.

Этничность всегда играла на Северном Кавказе заметную роль и в настоящее время остается важным социокультурным и политическим маркером. Каким образом феномен этничности, имеющий социокультурную природу, превращается в этом регионе в фактор и русло политического процесса? Этот вопрос явился ключевым в серии наших исследований, и в настоящей статье предпринимается попытка дать систематизированный и обобщенный ответ на этот вопрос. Эмпирическая база сформирована на основе результатов ивент-анализа этнополитической ситуации, проведенного в 2018–2023 гг., экспликации опыта позитивных практик, серии экспертных опросов, массового опроса учащейся молодежи (2021), контент-анализа «надэтнических» СМИ и сайтов национально-культурных объединений (2020–2021), блогов этнической направленности (2022), контент-анализа нормативных документов в субъектах Федерации на Северном Кавказе (2022), контент- и дискурс-анализа публикаций северокавказских ученых-историков за период с 2015 по 2022 г.⁴

Двумя ведущими факторами воспроизводства политизированной этничности и этнизации политики на Северном Кавказе являются «гиперэтнизация» всех сторон жизни в республиках региона и институционализация политизированной этничности в виде «национальных» республик. Остальные факторы политизации этничности основаны или вытекают из этих двух.

«Гиперэтнизация», «гиперэтничность» — это процесс и состояние социума, в которых этнические составляющие становятся определяющими в социальной и культурной политике, восприятии социальных проблем. Проведенные нами исследования показали, что этническая проблематика избыточно присутствует в публичном пространстве региона, при этом зачастую в тени общественного дискурса остаются насущные проблемы жизни региона: СКФО среди других федеральных округов занимает последние места по основным социально-экономическим показателям. Средства массовой коммуникации, независимо от их политической направленности (официальные или так называемые альтернативные) постоянно удерживают этническую проблематику в поле зрения общественности, а круглогодичное присутствие в ряде республик этнотравмирующих сюжетов способствует формированию негативной идентичности и ее политизации [Авксентьев, Аксюмов, Гриценко, 2021, с. 81–93]. Проведенный в 2021 г. массовый опрос учащейся молодежи показал, что сохраняется дисбаланс между ключевыми социокультурными идентичностями в сторону этниче-

⁴ В исследованиях принимали участие доктор философских наук Б. В. Аксюмов, доктор философских наук Г. Д. Гриценко, доктор философских наук С. Ю. Иванова, доктор социологических наук М. М. Шульга.

ской идентичности. Более того, при сравнении этих результатов с результатами аналогичного исследования в 2009 г. выяснилось, что за 12 лет, отделяющих первый опрос от второго, этот дисбаланс увеличился, что усиливает риски конфликта идентичностей и не позволяет сделать вывод, что ситуация «конкуренции идентичностей» в регионе преодолена [Авксентьев, Аксюмов, 2022, с. 84]. В этом плане наши выводы расходятся с результатами ряда исследований на Северном Кавказе, согласно которым в настоящее время в полиэтничной молодежной среде Северного Кавказа преобладает тенденция к социокультурной интеграции и стиранию этнокультурных различий под влиянием глобального и российского инфокоммуникационного пространства [Авдеев, Воробьев, 2023, с. 19].

«Гиперэтничность» как состояние этничности, не являясь непосредственным источником межэтнических конфликтов, формирует почву для нарастания этнического компонента в многофакторных конфликтах и в конечном итоге способствует политизации этничности в современном политически организованном обществе.

Второй важнейший фактор политизации этничности — институционализация этничности в виде «национальных» республик. Именно этот фактор определили в качестве важнейшего источника политизации этничности эксперты: большинство экспертов рассматривают политизированную этничность на Северном Кавказе как следствие сращивания этничности с регионализмом [Гриценко, 2022, с. 57]. *«Национальные» республики воспринимаются в регионе как бесспорная и неотчуждаемая форма институционализации этничности, атрибутивно придавая последней политическое измерение.* В 2021–2022 гг. с большим размахом были отпразднованы столетние юбилеи государственности четырех из шести республик Северного Кавказа, в двух юбилейные торжества пройдут в 2024 г. При этом исторически обоснованным является только юбилей Республики Дагестан, созданной в 1921 г. в статусе АССР. Остальные республики были образованы в негосударственном статусе (автономные области), их преобразование в АССР произошло позднее, а Карачаево-Черкесия оставалась в статусе автономной области в составе Ставропольского края до конца советского периода. Такие трансформации исторического восприятия нациестроительства в регионе обеспечивают жесткую фиксацию этничности и политического бытия в общественном сознании.

С институционализацией этничности в виде «национальных» республик тесно связан еще один важный фактор воспроизводства политизированной этничности — территориальные претензии от имени этнических групп, предъявляемые соседним республикам. Периодически возникающие проблемы в национально-территориальной конструкции региона крайне болезненно воспринимаются этническими активистами и общественным сознанием. Примером служит состоявшееся в Дагестане осенью 2022 г. обсуждение поправок в Конституцию республики, которые снимают с главы республики обязанность «сохранения единства и территориальной целостности». Эти поправки обусловлены необходимостью установления границ между регионами для внесения сведений в Единый государственный реестр недвижимости. Проведение такой работы на границах Чеченской

Республики и Республики Ингушетия привело к острому конфликту между двумя республиками в 2018 г. и кризису власти в Ингушетии, не завершившемуся по настоящее время. Лидеры мнений высказывали предположение, что снятие с главы Дагестана обязанности по обеспечению территориальной целостности республики будет угрожать ее целостности⁵, проблема получила широкий резонанс по всему Северному Кавказу. Этноактивисты выразили обеспокоенность, что такие поправки могут быть внесены в конституции других республик без широкого обсуждения и вообще без доведения до общественности.

Открытые и латентные территориальные конфликты и споры, заявленные и публично не заявленные претензии на Северном Кавказе стали прямым следствием политизации этничности и ее институционализации в виде «национальных» республик. Особую сложность этнотерриториальным конфликтам придает тот факт, что они являются принципиально неразрешимыми в условиях существующей национально-территориальной конструкции региона. При любом гипотетическом варианте выхода из конфликта это будет результат с «нулевой суммой» либо, в лучшем случае, выход по типу «взаимный проигрыш», в то время как разрешением конфликта может считаться его завершение по типу «взаимный выигрыш».

Примером такого застарелого конфликта является осетино-ингушский конфликт. Несмотря на регулярные заверения руководства двух республик о желании установить конструктивное взаимодействие между двумя регионами⁶, взаимные претензии и непонимание свидетельствуют о том, что конфликт далек не только от разрешения, но и от урегулирования. Полемика вокруг этого конфликта возобновилась с новой силой в контексте затянувшегося в Ингушетии республиканского политического кризиса. Попытки властей республики двигаться в сторону налаживания отношений с соседней республикой встречают противодействие со стороны оппозиционных сил. Полпред Президента РФ в СКФО Ю. Чайка предостерег власти Северной Осетии и Ингушетии от быстрых решений по разграничению границы между двумя республиками⁷. В Конституции Республики Ингушетия (ст. 11) зафиксированы территориальные претензии: «Возвращение политическими средствами незаконно отторгнутой у Ингушетии территории и сохранение территориальной целостности Республики Ингушетия — важнейшая задача государства»⁸.

⁵ Магомедов Р. Поправки на возмущение // Черновик. 28.10.2022. URL: <https://chernovik.net/index.php/news/popravki-na-vozmuschenie> (дата обращения 13.04.2023).

⁶ Спикеры парламентов Ингушетии и Северной Осетии договорились об укреплении добрососедских отношений // Ингушетия/ПалГлайче. 21.03.2023. URL: <https://gazetaingush.ru/news/spikery-parlamentov-ingushetii-i-severnoy-osetii-dogovorilis-ob-ukreplenii-dobrososedskih> (дата обращения: 30.05.2023).

⁷ Чайка предостерег власти Северной Осетии и Ингушетии от быстрых решений по границе между регионами // Основа. 18.12.2020. URL: <https://osnova.news/n/10044/> (дата обращения: 21.05.2021).

⁸ Конституция Республики Ингушетия (принята 27 февраля 1994 г.) (с изменениями и дополнениями). Статья 11 // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_ingush/chapter/9d78f2e21a0e8d6e5a75ac4e4a939832/ (дата обращения: 30.03.2023).

Следующий важнейший фактор воспроизводства политизированной этничности — сформировавшаяся в регионе «парадигма памяти», в которой прочно закрепилось место за этнотравмирующими сюжетами. Такие сюжеты формируют коллективную память через три основных публичных канала. Первый — мемориальный календарь, в котором представлены даты депортации ряда народов и их возвращения на этническую родину. Депортации имели место в четырех из шести республик Северного Кавказа; даты отмечаются на официальном и неофициальном уровне. В регионе приняты послания руководства республик соседним республикам в связи с памяtnыми датами, сообщения о чем присутствуют в средствах массовой коммуникации различной направленности. Поэтому этнотравмирующий мемориальный цикл охватывает публичное пространство в течение всего года. И хотя официальная информация в рамках мемориального цикла не имеет политической направленности и ориентирована на сохранение памяти о жертвах репрессий, сформировалось травматическое восприятие этнической действительности и постоянное переживание жертвы. Переживание травмы также связано с территориальными переделами в регионе, вопросом границ между республиками.

Второй публичный канал формирования этнотравмирующей памяти — коммеморативная деятельность некоммерческих этнически ориентированных организаций. В публичном пространстве переживание травм, инициируемое этими организациями, имеет более выраженную политическую направленность. Так, Союз репрессированных народов и Конгресс карачаевского народа вносили предложение депутатам от Карачаево-Черкесской, Кабардино-Балкарской, Чеченской Республик, Республики Ингушетия выступить с инициативой отмены праздников 23 февраля и 8 марта, так как это черные даты трагических событий для балкарского, ингушского и чеченского народов, а их праздничный смысл в контексте новейшей российской истории нивелировался⁹.

Третий важнейший канал — творчество научной интеллигенции, прежде всего представителей исторической науки. Гуманитарная интеллигенция в республиках Северного Кавказа — это часть истеблишмента, ее влияние на духовной климат в республиках существенно больше, чем их коллег в краях и областях. Взаимоисключающие трактовки прошлого, политизация проблем исторической памяти нередко приводят к эскалации этнополитической напряженности в регионе. Историческая память была важнейшим фактором крупного этнополитического конфликта конца второго десятилетия XXI в. — конфликта между кабардинцами и балкарцами в селении Кенделен в сентябре 2018 г. Не утихают «войны памяти», переходящие в «войны памятников», и в связи с Кавказской войной. До сих пор этнополитическое напряжение воспроизводится вокруг проблем «аланского наследия». *Эксперты отмечают, что использование прошлого Северного Кавказа в публичной сфере неизбежно приобретает политическое значение, а политики все чаще политики используют историю для реализации своих целей, навязывая*

⁹ Отмена празднования 23 февраля и 8 марта // Конгресс карачаевского народа. Официальный сайт. 07.03.2021. URL: <http://kkn09.ru/news/625-otmena-prazdnovaniya-23-fevralya-i-8-marta.html> (дата обращения: 16.03.2021).

определенные версии и интерпретации событий прошлого в качестве доминирующих представлений обществу, при этом историки прямо или косвенно вовлекаются в политические процессы [Кринко, 2018, 201].

ПУТИ ДЕПОЛИТИЗАЦИИ ЭТНИЧНОСТИ

Проведенные эмпирические исследования показали, что, несмотря на сохранение ситуации «конкуренции идентичностей», происходит некоторое снижение значимости ключевых макросоциальных идентичностей: общероссийской, этнической, конфессиональной, региональной, субрегиональной [Авксентьев, Аксюмов, 2022, с. 78]. Сам этот факт свидетельствует о стабилизации идентификационной сферы, что создает предпосылки для преодоления ситуации «гиперэтничности» или, по крайней мере, говорит о своевременности и реалистичности постановки такой задачи. В этом контексте необходимо укрепить общероссийскую направленность региональной политики идентичности, что должно найти отражение в доктринальных документах в субъектах Федерации на Северном Кавказе. Необходима своеобразная «ревизия» нормативной базы в субъектах Федерации на Северном Кавказе с целью усиления акцента на формировании общероссийской идентичности с учетом новых геополитических угроз и вызовов.

Еще одно направление деятельности — изменение гуманитарной повестки Северного Кавказа. В этом плане можно выделить два вектора. Первый — переориентация общественного сознания на проблемы модернизации региона. В течение всего второго десятилетия XXI в. неоднократно ставились вопросы о новом модернизационном проекте для Северного Кавказа, однако реальный прогресс в этом направлении скромный. Более того, идея модернизационного проекта для Северного Кавказа не является общепризнанной, и в научно-экспертном сообществе имеется немало ее оппонентов. Необходимость такого проекта не заявлена отчетливо и в доктринальных документах по региональному развитию. Так, «Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.» в качестве основных направлений социально-экономического развития северокавказских субъектов Российской Федерации рассматриваются туризм, предпринимательская деятельность, традиционные народные промыслы, использование логистических преимуществ региона. Также предусматривается содействие повышению мобильности трудовых ресурсов в целях снижения напряженности на локальных рынках труда¹⁰, т. е. трудоустройства за пределами региона. Все эти направления деятельности необходимы, но вряд ли смогут существенно повлиять на социально-политическую жизнь региона и его социокультурную модернизацию.

Более предметно вопросы модернизации присутствуют в новейшем документе по развитию региона — «Стратегии социально-экономического развития

¹⁰ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-п // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=332771&fld=134&dst=100008,0&rnd=0.1506562223535628#0059640688084714455> (дата обращения: 18.01.2023).

СКФО на период до 2030 г.»¹¹, в котором термин «модернизация» используется 43 раза. В большинстве случаев речь идет об инфраструктурной модернизации, что важно само по себе. Однако более конкретно должна ставиться задача создания крупных современных предприятий: именно такие производства смогут изменить духовный климат в регионе, сформировать запрос на качественное техническое образование, способствовать выводу занятости из «теневой» сферы, *заместить семейно-клановый подбор кадров на компетентностный*. О том, что реиндустриализация и ремодернизация региона возможны и реальны, свидетельствует опыт его советской реконструкции: к концу советского периода в каждой из северокавказских автономий сложилось развитое по меркам того времени индустриальное производство.

Поддержание модернизационного дискурса в доктринальных документах по Северному Кавказу очень важно, в условиях деиндустриализации и демодернизации выросло поколение, уже вступившее в активную жизнь. Несмотря на произошедшую деиндустриализацию этих регионов в постсоветский период, ориентация на возобновление инновационного развития северокавказских республик поддерживается средствами массовой информации и коммуникации различной политической ориентации. Модернизационный дискурс не вытеснен из информационной сферы тематикой, сопровождающей этнический и религиозный ренессансы постсоветского периода. Также важно отметить активный модернизационный дискурс в сфере образования: делается акцент на цифровые технологии в образовании и формирование компетенций для современного производства, поддерживается идеология синтеза науки и производства [Авксентьев, 2021, с. 16–17].

Второй вектор изменения гуманитарной повестки Северного Кавказа — формирование единого гуманитарного пространства «Большого Юга», включающего Северо-Кавказский и Южный федеральный округа. Разделение в 2010 г. единого Южного федерального округа на два привело к выраженной концентрации гуманитариев СКФО на этнической проблематике. В гуманитарной сфере ЮФО этническая составляющая также является значимой, но не избыточной.

Что касается институционализации этничности в виде «национальных» республик, на современном этапе отказаться от института республик невозможно и нецелесообразно. Однако важно постепенно внедрять в общественное сознание образ территориальности как принципа существования таких республик, как Дагестан и «двусоставных» республик — Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. *Кроме того, включение в состав Российской Федерации Республики Крым в 2014 г. и Донецкой и Луганской Народных Республик в 2022 г. утверждает территориальный принцип как равнозначный «национальному».*

Переформатирование «парадигмы памяти» возможно путем расширения устоявшихся рамок восприятия истории взаимодействия России и Северного Кавказа, в которой были как конструктивные, так и трагические страницы;

¹¹ Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительством РФ от 30 апреля 2022 г. № 1089-р // Правительство России. Официальный сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/140821/> (дата обращения: 10.05.2022).

важно расширить историческую панораму за счет позитивно ориентированных конструкций исторического прошлого, способных явным образом оптимизировать политику памяти в регионе (например, образ Дербента как одного из важных корней и истоков российской цивилизации, 1100-летие крещения Алании как 1100-летие христианства в России). Влияние гуманитарного сообщества на формирование российской идентичности неоднозначно. С одной стороны, большинство важнейших рубрик исторической памяти региона — Кавказская война, политика советской власти в постреволюционный период, депортации — трактуются чаще всего как исторические травмы. С другой — постепенно укрепляется консолидирующий тренд в осмыслении этих событий, отход от переживания травмы к объяснительным моделям истории взаимодействия России и Кавказа. В этом плане мы считаем излишне категоричным вывод экспертов, что «в настоящий момент можно наблюдать, как формируется северокавказская контристория, выросшая из советской идеологемы борьбы против колониального гнета царизма, но сменившая классовый подход на этнонациональный, опрокинутый в имперское и советское прошлое» [Цибенко, 2018, с. 214]. Перспективным представляется переформатирование научных приоритетов. Например, необходимо отдавать предпочтение тематикам, связанным с многовековым опытом выстраивания сожительства народов разных культур и вероисповеданий на Северном Кавказе, модернизацией региона в рамках Российской империи и Советского Союза, коллективной защитой Отечества в годы Великой Отечественной войны.

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политизированная этничность — глубоко укоренившееся в социально-политической жизни на Северном Кавказе явление, генерирующее напряжения и конфликты. Тенденции снижения политизации этничности не фиксируются. Основными факторами поддержания политизированной этничности и этнизации политики в регионе являются: «гиперэтнизация» всех сторон жизни в республиках региона, избыточность этничности в публичном пространстве Северного Кавказа; сохраняющаяся ситуация «конкуренции» общероссийской и этнической идентичностей; институционализация политизированной этничности в виде «национальных» республик и вытекающие из этнотерриториальной конструкции региона территориальные проблемы и претензии; постоянное присутствие этнотравмирующих сюжетов, способствующее формированию негативной идентичности и ее политизации. Вследствие этого политику идентичности, проводимую в регионе, нельзя признать достаточно результативной, несмотря на снижение в последние годы этнополитической напряженности.

С учетом глубины политизации этничности на современном этапе необходимо ориентироваться на паллиативные меры, реализация которых возможна в настоящее время: замещать этнический дискурс другими видами социального дискурса, в первую очередь направленными на решение экономических проблем, в частности активизировать модернизационный дискурс; постепенно внедрять в общественное сознание образ территориальности как принципа существования республик, активнее использовать в публичном пространстве

концепт российской нации; расширять региональные программы по укреплению российской гражданской идентичности и гражданского патриотизма; интегрировать культурное, образовательное, научное пространство Северо-Кавказского и Южного федеральных округов, что позволит республикам Северного Кавказа интенсивно взаимодействовать с русскоязычными субъектами РФ и создаст благоприятные условия для более глубокой интеграции в общероссийское политическое и социокультурное пространство.

Материалы и выводы, предложенные в данной статье, могут быть использованы при корректировке доктринальных документов на региональном уровне, а также при подготовке новой Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации.

Литература

Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Социокультурные основания идентичности студенческой молодежи Северного Кавказа: риски конфликтности межэтнических отношений // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19, № 1. С. 4–21. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.101>

Авксентьев В. А. Дискурс модернизации на Северном Кавказе как фактор деэтнизации политики и снижения межэтнической напряженности // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации / под ред. Н. А. Шибановой. Казань: Изд-во Казанского университета, 2021. С. 10–22.

Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. «Портфель идентичностей» молодежи юга России спустя 12 лет // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 76–87. <https://doi.org/10.31857/S013216250019645-2>

Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Гриценко Г. Д. Этничность в конфликтах на Северном Кавказе: тенденции третьего десятилетия XXI века // Конфликтология. 2021. Т. 16, № 2. С. 74–97. <https://doi.org/10.31312/2310-6085-2021-16-2-81-93>

Ачкасов В. А. Северный Кавказ: многофакторность этнополитической напряженности // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2021. № 1 С. 33–48.

Ачкасов В. А., Абалян А. И., Андреев А. А., Никифоров А. А. Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире: постсоветский контекст / отв. ред. В. А. Ачкасов, А. И. Абалян. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 640 с.

Гриценко Г. Д. Политизированная этничность в социальной жизни северокавказского общества: оценки экспертов // Политическое пространство и социальное время: стратегический вектор общественного развития в условиях полицентричного мира: сборник научных трудов XXXIX Международного харакского форума. Симферополь: Ариад, 2022. С. 53–59.

Дроблжева Л. М., Рыжова С. В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник Российской нации. 2021. № 1–2 (77–78). С. 39–52.

Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семенов. М.: Весь мир, 2017. 992 с.

Костина С. Н., Бритвина И. Б. Теоретические подходы и современные направления исследования феномена гендерной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. XXIV, № 3. С. 194–215. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.9>

Кондаков А. М., Костылева А. А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2019. Т. 16, № 3. С. 207–218. <https://doi.org/10.22363/2312-8631-2019-16-3-207-218>

Кринко Е. Ф. Прошлое под контролем: историческая политика на Северном Кавказе // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 3. С. 200–210.

Осколков П. В. Политизация этничности и смежные феномены (Контурсы терминологического поля) // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 8. С. 131–138. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-8-131-138>

Цибенко В. В. Такое разное прошлое: коммуникативный разрыв и другие вызовы для современного кавказоведения // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 3. С. 211–215. <https://doi.org/1023683/2500-3224-2018-3-211-215>

Elliott A. The rise of identity studies: An outline of some theoretical accounts // Routledge Handbook of Identity Studies / ed. by A. Elliott, 2nd ed. Abingdon: Routledge, 2020. P. 3–17.

Авксентьев Виктор Анатольевич — гл. науч. сотр., д-р филос. наук, проф. ;
avksentiev@rambler.ru

Статья поступила в редакцию: 5 июля 2023 г.;

рекомендована к печати: 8 сентября 2023 г.

Для цитирования: Авксентьев В. А. Политизированная этничность как институциональное препятствие укреплению общероссийской идентичности на Северном Кавказе // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19, № 4. С. 587–599. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.405>

POLITICIZED ETHNICITY AS AN INSTITUTIONAL OBSTACLE TO THE STRENGTHENING OF THE ALL-RUSSIAN IDENTITY IN THE NORTH CAUCASUS*

Viktor A. Avksentev

The Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
41, pr. Chekhova, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; avksentiev@rambler.ru

The article analyzes the phenomenon of politicized ethnicity in the North Caucasus, its influence on ethno-political processes and ways to reduce the risk-generating impact of this phenomenon on the ethno-political sphere of the region are proposed. The article summarizes the results of a series of studies conducted in the North Caucasus in 2018–2023: event analysis of the ethno-political situation, analysis of positive practices, mass and expert surveys, content analysis of the media, websites of national-cultural associations, blogosphere, content analysis of normative documents, content and discourse analysis of publications of North Caucasian historians. It is shown that the main factors in the politicization of ethnicity in the North Caucasus region are “hyperethnicity” and the institutionalization of ethnicity in the form of “national republics”, as well as the ethno-territorial problems and claims caused by these phenomena, and the “memory paradigm” that has developed in the region. It is concluded that it is necessary to strengthen the all-Russian vector of the regional identity policy, and for this purpose a “revision” of the legislative framework in the federal subjects in the North Caucasus is required. Since at the present stage it is impossible and impractical to abandon the institution of republics, it is important to gradually introduce into the public opinion the principle of territoriality, and not titular ethnicity, as the basis of the republics in Russian Federation. It is relevant to change the humanitarian agenda of the North Caucasus, which can go in two directions: the reorientation of public consciousness to the problems of modernization of the region and the integration of the humanitarian space of the “Big South” — the North Caucasus and Southern federal districts. The reformatting of the “memory paradigm” can be achieved by expanding the historical panorama through positively oriented constructions of the historical past, as well as changing the scientific priorities of humanitarian research with an emphasis on topics related to the centuries-old experience of living together of peoples of different cultures. The materials of the article can be used in the preparation of a new Strategy of the state national policy of the Russian Federation.

Keywords: ethnic identity, all-Russian identity, politicized ethnicity, identity politics, North Caucasus.

* The article was prepared as a part of the Program for Basic and Applied Research “Ethno-cultural Diversity of the Russian Society and the Strengthening of the All-Russian Identity” (2023-2025), SSC RAS state assignment for 2023, registration # 123111700015-8.

References

- Achkasov V.A. North Caucasus: multifactoral ethnopolitical tension. *Bulletin of Moscow University. Episode 12. Political Sciences*, 2021, no. 1, p. 33–48. (In Russian)
- Achkasov V.A., Abalian A.I., Andreev A.A., Nikiforov A.A. *Ethnopolitical Conflicts and Mobilization in the Modern World: Post-Soviet Context*. St. Petersburg: RKhGA Publ., 2021. 640 p. (In Russian)
- Avdeev E., Vorobev S. Sociocultural bases of the North Caucasus student youth identity: Risks of conflict in inter-ethnic relations. Political expertise: POLITEX, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 4–21. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.101> (In Russian)
- Avksentev V. The discourse of modernization in the North Caucasus as a factor in the de-ethnization of politics and the reduction of interethnic tension. *Managing regional conflicts in the context of digitalization of modern society: methodology and implementation practices*. Kazan: Kazanskiy universitet Publ., 2021, pp. 10–22. (In Russian)
- Avksentev V.A., Aksiumov B.V. “Identities Portfolio” of the Youth of the Southern Russia after 12 Years. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2022, no. 7, pp. 76–87. <https://doi.org/10.31857/S013216250019645-2> (In Russian)
- Avksentev V.A., Aksiumov B.V., Gritsenko G.D. Ethnicity in conflicts in the North Caucasus: Trends of the third decade of the 21st century. *Konfliktologiya*, 2021, vol. 16, no. 2, pp. 74–97. <https://doi.org/10.31312/2310-6085-2021-16-2-81-93> (In Russian)
- Drobizheva L., Ryzhova S. All-Russian identity in the sociological dimension. *Vestnik Rossiiskoi natsii*, 2021, no. 1–2 (77–78), pp. 39–52. (In Russian)
- Elliott A. The rise of identity studies: An outline of some theoretical accounts. *Routledge Handbook of Identity Studies*, ed. by A. Elliott, 2nd ed. Abingdon, Oxon: Routledge, 2020, pp. 3–17.
- Gritsenko G.D. Politicized ethnicity in the social life of the North Caucasian community: expert assessments. *Political space and social time: a strategic vector of social development in a polycentric world: a collection of scientific works of the XXXIX International Harak Forum*. Simferopol': Ariad Publ. house, 2022, pp. 53–59. (In Russian)
- Identity: the individual, society, and politics. An encyclopedia*, ed. by I. Semenko. Moscow: Ves' mir Publ., 2017. 992 p. (In Russian)
- Kondakov A., Kostyleva A. Digital identity, digital self-identification, digital profile: problem statement. *RUDN Journal of Informatization in Education*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 207–218. <https://doi.org/10.22363/2312-8631-2019-16-3-207-218> (In Russian)
- Kostina S., Britvina I. Theoretical approaches and modern trends for studying gender identity phenomenon. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2021, vol. XXIV, no. 3, pp. 194–215. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.9> (In Russian)
- Krinko E. F. The past is under control: the historical policy in the North Caucasus. *Novoe proshloe / The New Past*, 2018, no. 3, pp. 200–210. <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2018-3-200-210> (In Russian)
- Oskolkov P. Politicization of ethnicity and related phenomena (Contours of the terminological field). *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2021, vol. 65, no. 8, pp. 131–138. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-8-131-138> (In Russian)
- Tsybenko V. Such different past: communicative gap and other challenges for modern Caucasus. *Novoe proshloe / The New Past*, 2018, no. 3, pp. 211–215. <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2018-3-211-215> (In Russian)

Received: July 5, 2023

Accepted: September 8, 2023

For citation: Avksentev V.A. Politicized ethnicity as an institutional obstacle to the strengthening of the All-Russian identity in the North Caucasus. *Political Expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 587–599. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.405> (In Russian)

ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ И ЕЕ РЕШЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ*

О. И. Зазнаев

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Предупреждение и урегулирование этнических конфликтов является актуальной задачей на уровне как теории, так и политической практики. Для ее решения используются институциональные меры, в том числе конструируется форма правления. Цель статьи — определить, насколько изучена проблема взаимосвязи форм правления и этнических конфликтов, преимущественно в современной зарубежной политической науке. Автор исходит из идеи о том, что форма правления как институциональная конструкция влияет на возникновение, протекание и прекращение этнических конфликтов, но при этом ее следует рассматривать как одну из переменных наряду с избирательной системой и формой государственного устройства. В статье отмечается противоречивый характер теоретических положений сторонников разных подходов — консоциативного, централизованного и разделительного. Наиболее распространенная точка зрения — о том, что полиэтничному обществу больше подходит парламентская система — подвергается в науке критике. Автор подчеркивает важность сознательного проектирования форм правления, направленного на отказ от «чистых» президентской и парламентской систем и создание нетипичных институтов, которым уделяется некоторое внимание в статье. Для выявления взаимосвязи между формами правления и этническими конфликтами в последние годы проводятся эмпирические исследования с использованием статистических методов. Автор дает им оценку и знакомит читателя с результатами собственного исследования с использованием корреляционного и регрессионного анализа. Он приходит к выводу, что гипотеза о влиянии формы правления на этнические конфликты требует дальнейшей эмпирической проверки на большом массиве случаев за длительный период времени. В конце статьи дан анализ основных методологических проблем, с которыми сталкиваются исследователи при проведении сравнительного исследования этнических конфликтов и их связи с политическими институтами. Автор приходит к выводу о том, что проблема взаимосвязи форм правления и этнических конфликтов пока не решена в политической науке.

Ключевые слова: этнический конфликт, форма правления, президентская система, парламентская система, полупрезидентская система.

Этнические конфликты представляют опасность для целостности и стабильности многонационального государства. Их предупреждение и урегулирование является актуальной задачей на уровне как теории, так и политической практики. Для управления этническими конфликтами применяются различные меры, в числе которых значимость имеют институциональные. Можно с большой до-

* Статья подготовлена на основе доклада, сделанного автором 26 мая 2023 г. на пленарном заседании Всероссийской научной конференции с международным участием «Этнополитика в современном глобальном мире» на факультете политологии СПбГУ.

лей уверенности сказать, что при разных политических институтах различны и риски возникновения и эскалации этнических конфликтов: одни институты ведут к обострению этих конфликтов, другие способствуют их сглаживанию. Осознание этих рисков при той или иной комбинации политических институтов может стать основой для обоснования государственной политики, направленной на обеспечение этнического мира и согласия. Как справедливо отмечает Д. Горовиц, «общества, раздираемые этническими или религиозными конфликтами, нуждаются в каких-либо специальных институтах, которые помогли бы смягчить их проблемы» [Horowitz, 2021, p. ix].

Четыре ключевых политических института находятся в центре анализа политологов — избирательная система, форма политико-территориального устройства государства, форма государственного правления и этнические партии. Большинство исследователей ратует за пропорциональную избирательную систему, которая, по их мнению, способна обеспечить этническое представительство в парламенте и избежать тем самым конфликтов [Wolff, 2011]. По мнению значительной части ученых, федеративная форма организации власти способствует разрешению этнических конфликтов и препятствует дезинтеграции государства [Фарукшин, 2013]. Наконец, большинство исследователей отдают предпочтение парламентской системе — она считается наиболее подходящей для полиэтничного общества в силу своего коллегиального характера¹. Общим местом многих научных публикаций является утверждение о том, что этнические партии являются «катализаторами» этнических конфликтов [Горовиц, 2016; Сидоров, 2021] (к тому же такие партии запрещены в целом ряде стран).

Исследователи ранжировали политические институты с точки зрения значимости для преодоления этнических конфликтов. Наиболее важной считается избирательная система, далее следует форма государственного устройства. Форма правления оказывается лишь на третьем месте, поскольку она редко рассматривается как «ключевой фактор в конституционной структуре этнически разнообразных обществ» [Theuerkauf, 2013, p. 72].

Если исходить из позиций неоинституционализма, то можно прийти к выводу, что форма правления как институциональная конструкция влияет на возникновение, протекание и прекращение этнических конфликтов, но при этом ее следует рассматривать как одну из переменных в ряду политических институтов. Как было уже отмечено, не следует преувеличивать значимость формы правления в предупреждении и разрешении этнических конфликтов. Необходимо иметь в виду, что архитектура политических институтов — это не детерминанта этнических процессов, а лишь одно из условий. Сильное воздействие на этнические конфликты оказывают исторические, социальные и культурные факторы [Зазнаев, 2021б, с. 37].

Следует отметить слабый интерес и невнимание политологов к проблеме, которую можно обозначить как «формы правления и этнические конфликты» [Зазнаев, 2021а; Зазнаев, 2021б; Зазнаев, Сидоров, 2022]. Приходится конста-

¹ Обзор научных дискуссий и аргументацию сторонников парламентской системы см.: [Зазнаев, 2021б].

тировать, что в настоящее время эта проблема пока не решена в науке, хотя отдельные ее стороны рассматривались рядом авторов. На теоретическом уровне нет ясности в вопросе о роли формы правления в предупреждении и урегулировании этнических конфликтов. Не доказано эмпирически, влияет ли форма правления на усиление или затухание этнических конфликтов.

Имеющиеся теоретические положения о взаимосвязи между формами правления и этническими конфликтами носят противоречивый характер. Так, сторонники консоциативного подхода [Лейпхарт, 1997] полагают, что для полиэтнических обществ наиболее приемлема парламентская система, поскольку именно она создает механизмы коллегиального принятия решений. В президентской системе таких коллегиальных механизмов нет, за исключением случаев, когда создается коллегиальное президентство. Сторонники центристского подхода [Horowitz, 1985; Reilly, 2001; Sisk, 1996] отмечают, напротив, преимущества президентской системы, в частности стремление президента обеспечить групповое согласие и примирение. Сторонники разделительного подхода [Rothchild, Roeder, 2005] также «голосуют двумя руками» за президентскую систему, поскольку она в большей степени отвечает критерию разделения властей и их взаимного сдерживания [Зазнаев, Сидоров, 2022, с. 116–117].

В научной литературе идет дискуссия по вопросу о роли форм правления в преодолении конфликтности. Наиболее распространенная точка зрения: для этнически разнородных обществ лучше подходит парламентская, а не президентская система [Lijphart, 1991; 2007; Linz, 1990; Theuerkauf, 2013]. По мнению А. Лейпхарта, президентализм несовместим с принципом соучастия групп во власти, поскольку «президентские выборы влекут за собой выборы одного человека», что исключает пропорциональность и не способствует принятию решений на коллегиальной основе и компромиссам [Lijphart, 1990, p. 75–76]. Многие авторы не рекомендуют вводить президентскую или полупрезидентскую формы, особенно с большими полномочиями всенародно избранных президентов [Харитоновна, 2016, с. 54; McGarry, 2013, p. 93–97; Saideman et al., 2002, p. 110–111]. Д. Горовиц и его последователи полагают, что для этнически разнородных обществ лучше подходит не парламентская, а президентская система с избираемым населением президентом [Horowitz, 1991, p. 205], который может обеспечить участие групп во власти, в то время как при парламентской системе одна расовая или этническая группа путем «захвата» большинства в парламенте может полностью контролировать ситуацию. По мнению Д. Горовица, президентские выборы создают важную арену для группового примирения и согласия, зависящую во многом от применяемой избирательной формулы [Horowitz, 1991, p. 205].

Распространяются ли преимущества и недостатки президентской системы на полупрезидентскую систему? Свойственное полупрезидентской системе сосуществование президента с парламентом (большинство в котором может принадлежать оппозиционной партии) является альтернативой принципу президентской системы «победитель получает все» [Theuerkauf, 2013, p. 72], а значит, создаются условия для получения доли власти представителями разных этнических групп. При этом сосуществование может дать свои плоды в поли-

этническом обществе только тогда, когда выборы проходят на честной соревновательной основе, не дающей преимуществ каким-то этническим группам. Если же имеют место электоральные манипуляции, и одна этническая группа «захватывает» должность президента и большинство мест в парламенте, то такой мажоритаризм в итоге ведет к созданию режима этнического доминирования [Зазнаев, 2021б, с. 36].

Сознательное проектирование форм правления имеет важное значение, поскольку позволяет оптимизировать взаимоотношения между ветвями власти. Некоторые страны при конструировании форм правления отказываются от чистых президентской и парламентской системы и создают нетипичные институты [Зазнаев, Сидоров, 2020б], такие как, например, коллективное президентство (Швейцария, Босния и Герцеговина), которое устраняет «нулевой» характер президентских выборов и неколлегиальную природу исполнительной власти, свойственные классической президентской системе. Другие страны сформировали сильное президентство в условиях парламентской системы (Ливан), что позволило сочетать плюсы президентской и парламентской системы [Зазнаев, Сидоров, 2020б].

При проектировании необходимо помнить, что конструкция формы правления основывается на ценностях, идеалах и стереотипах, политической культуре. Игнорирование ментальной составляющей формы правления ведет к краху проекта. Здесь вспоминается девиз сицилийского князя по прозвищу Леопард, героя одноименного фильма Л. Висконти, роль которого блестяще сыграл Берт Ланкастер: «Перемены нужны, чтобы все было как прежде». Мы можем поменять все политические институты в стране N, охваченной внутренним конфликтом, руководствуясь благими намерениями обеспечить этнический мир и согласие, но все останется по-старому (в ситуации конфликта), поскольку люди будут вести себя как прежде в новых институциональных рамках.

«Новое слово» в этнополитологии — это проведение эмпирических исследований с использованием большого массива данных, в частности применение статистических методов [Зазнаев, Сидоров, 2020в]. При этом одни авторы не обнаружили существенной взаимосвязи между формами правления и этническими конфликтами. Другие выявили, что на степень вероятности возникновения этнических конфликтов более сильное влияние оказывают иные переменные (избирательная система, например). Любопытен вывод одного исследования: к этническому насилию ведет сочетание факторов (высокий уровень коррупции, президентализм, мажоритарная избирательная система и унитарная форма государства) [Theuerkauf, 2013]. Таким образом, эмпирические исследования показали со всей наглядностью многофакторную детерминацию этнических конфликтов.

Мы предприняли собственное исследование с использованием корреляционного и регрессионного анализа для определения того, насколько форма правления (парламентская, премьер-президентская, президентско-парламентская или президентская) объясняет уровень этнических конфликтов в большом массиве стран мира (165 случаев) в 2010 г. [Зазнаев, Сидоров, 2020а]. Нами были сформулированы три рабочие гипотезы: 1) о связи между уровнем президентализма

и уровнем этнических конфликтов (не подтвердилась); 2) о связи между свободой и уровнем президентализма (частично подтвердилась); 3) о связи между уровнем президентализма и уровнем этнических конфликтов в группе свободных и частично свободных стран по сравнению с группой несвободных стран (частично подтвердилась) [Зазнаев, Сидоров, 2020а, с. 3235–3236]. Результаты анализа показали, что в недемократических странах форма правления не оказывает влияния на интенсивность этнических конфликтов. В то же самое время в группе демократических стран можно говорить о слабой положительной корреляции между этими двумя переменными: в условиях демократического и полудемократического режимов парламентская система способствует снижению этнической конфликтности полиэтнического общества, а президентская система повышает риск этнических конфликтов [Зазнаев, Сидоров, 2020а, с. 3239–3240].

Анализ данных стран мира за один год не позволил прийти к однозначному выводу о том, что парламентская система способствует снижению этнических конфликтов, а президентская система, напротив, повышает риски этнических конфликтов. Гипотеза о влиянии формы правления на этнические конфликты и о характере такого влияния требует глубокой эмпирической проверки на большом массиве случаев за длительный период времени. На наш взгляд, при проведении новых исследований нужно расширить временные рамки и сосредоточиться на анализе сходных случаев этнических конфликтов на региональном уровне для создания релевантной теории. Кроме того, методологические ограничения применения статистических методов исследования связаны как с отсутствием баз данных, охватывающих достаточные хронологические рамки, так и с уникальностью каждого этнического конфликта [Зазнаев, Сидоров, 2022, с. 207–208].

При поиске ответа на вопрос о факторах и причинах возникновения этнических конфликтов возникают классические проблемы проведения сравнительного исследования. Чтобы объяснить «пружины» этнических конфликтов, необходимо проанализировать большое число случаев, сравнив их между собой. Только в этом случае возможно создание теории этнического конфликта, претендующей на всеобщность и универсальность. Однако реальный мир этнической политики диктует исследователям свои «правила». Этнические конфликты разнообразны, и попытка объяснить их единым набором факторов представляет сложную научную задачу. Не просто сравнивать этнические конфликты непосредственно друг с другом. Например, этнический конфликт в Бельгии характеризуется отсутствием насилия, в то время как в Каталонии мы наблюдали разгон полицией массовых акций протеста, а на Шри-Ланке этнический конфликт перерос даже в гражданскую войну. Существенно различаются исторический, географический, социально-экономический, религиозный и культурный контексты, в которых возникают и развиваются этнические конфликты.

При сравнительном исследовании этнических конфликтов и их связи с политическими институтами возникают методологические дилеммы [Зазнаев, 2010], которые необходимо решить исследователю.

1. Исследователи сталкиваются с дилеммой «сравнивать — не сравнивать» [Зазнаев, Сидоров, 2022, с. 194]. Нет сомнения в том, что сравнение — полез-

ный инструмент исследователя, но в политологии есть проблемы, решить которые можно, не прибегая к сравнительному анализу. При изучении этнических конфликтов есть соблазн отказаться от сравнения и попытаться построить теорию, опираясь на исследование одного случая. Но можно ли экстраполировать выводы по одному кейсу на все случаи?

2. Дилемма «мало случаев — много переменных» [Зазнаев, Сидоров, 2022, с. 194] заключается в том, что случаев схожих этнических конфликтов не хватает, а факторов (переменных), влияющих на конфликты, множество. С одной стороны, возникает необходимость увеличения числа случаев для того, чтобы полученные выводы были обоснованны. С другой стороны, нужно ограничить количество переменных в исследовании, выявив среди них наиболее значимые. Это непростая задача, поскольку у этнического конфликта много «родителей».

3. Дилемма «теоретическая сторона — эмпирическая сторона исследования» [Зазнаев, Сидоров, 2022, с. 195]. Исследователь может сделать акцент на теоретической стороне, т. е. на определении взаимосвязи между переменными. Тогда случаи отходят на задний план. Если же в фокусе внимания находятся случаи, то детально описываются политические феномены в странах, но при этом возникает вопрос, под какие широкие обобщения они попадают.

Эти методологические проблемы со всей очевидностью говорят о том, что исследователям необходимо выбирать стратегию исходя из фокуса исследования и предполагаемого результата. Большинство современных исследователей выбирают стратегию сужения исследовательского фокуса и сосредотачиваются на создании теорий среднего уровня. Решение методологических проблем сравнения этнических конфликтов лежит в плоскости выбора оптимального соотношения между количеством отобранных случаев и выбранными исследователем переменными.

Решение исследовательской проблемы «формы правления и этнические конфликты» упирается в трудности проведения сравнительного исследования. Дж. Сартори (G. Sartori) разделил всех исследователей («мыслителей») на три группы — несознательные, сознательные и сверхсознательные [Сартори, 2003, с. 67]. Если экстраполировать эту классификацию на интересующий нас исследовательский вопрос, то можно сказать, что для «несознательного исследователя» проблема «формы правления и этнические конфликты» является малозначащей и не подлежащей «обдумыванию» и решению. «Сознательный» мыслитель, который подготовлен более хорошо по сравнению с «несознательным», не только осознает наличие проблемы взаимосвязи между формой правления и этническими конфликтами, но и высказывается в пользу президентской или парламентской системы, основательно аргументируя свою позицию. «Сверхсознательный» исследователь понимает все плюсы и минусы каждой альтернативы в виде форм правления и при этом приходит к выводу, что лучшего решения не существует, и какой бы выбор он ни сделал, это будет выбор между плохим и очень плохим.

Итак, в современной политической науке проблема взаимосвязи между формами правления и этническими конфликтами не получила своего решения. Налицо противоречие между потребностью в осмыслении институциональных

факторов этнических конфликтов и неverified и слабо доказанными знаниями о том, какую роль в предотвращении и урегулировании конфликтов играют президентская, парламентская и полупрезидентская системы организации власти. Прежде всего в политологии остается неясным вопрос о том, какая из форм правления (президентская, парламентская, полупрезидентская, ассамблейно-независимая, смешанная) более благоприятна для полиэтничного общества. У исследователей не хватает теоретических аргументов в пользу той или иной формы правления, а имеющиеся мнения насчет уровня этнической конфликтности разных форм правления разнятся между собой. Не доказано эмпирически, влияет ли вообще форма правления на усиление или затухание этнических конфликтов, способствует ли та или иная ее форма предупреждению и урегулированию конфликтов или, напротив, ведет к обострению. Поэтому все исследования важной проблемы «формы правления и этнические конфликты» еще впереди.

Литература

Горовиц Д. Л. Распределение власти в полиэтничных обществах: три большие проблемы // Политическая наука. 2016. № 1. С. 210–223.

Зазнаев О. И. Дилеммы сравнительной политологии // Гуманитарные исследования на Урале и социальная практика: Материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во АМБ; ИИиА УрО РАН, 2010. С. 126–132.

Зазнаев О. И. Этнические аспекты форм государственного правления // Этнические аспекты политических институтов и процессов / под ред. О. И. Зазнаева, М. Х. Фарукшина. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021а. С. 115–147.

Зазнаев О. И. Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии // Полис. Политические исследования. 2021б. № 1. С. 25–42.

Зазнаев О. И., Сидоров В. В. Взаимосвязь форм государственного правления и этнических конфликтов: статистический анализ // Вопросы политологии. 2020а. Т. 10, № 11 (63). С. 3234–3243.

Зазнаев О. И., Сидоров В. В. Президентская или парламентская система: что препятствует этническому конфликту? // Политическая наука. 2020б. № 4. С. 290–308.

Зазнаев О. И., Сидоров В. В. Формы правления и этнические конфликты. Казань: Логос-Пресс, 2022. 232 с.

Зазнаев О. И., Сидоров В. В. Этнические конфликты и формы правления: критический обзор теоретических и эмпирических исследований // Евразия и глобальные социально-экономические изменения: VII Международный конгресс социологов тюркского мира: сборник научных трудов (Казань, 12–13 марта 2020 г.) Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020в. С. 65–70.

Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / пер. с англ. под ред. А. М. Салмина, Г. И. Каменской. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с.

Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии (I) // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 67–77.

Сидоров В. В. Этнические партии: демократический институт или причина этнических конфликтов? // Этнические аспекты политических институтов и процессов / под ред. О. И. Зазнаева, М. Х. Фарукшина. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2021. С. 170–194.

Фарукшин М. Х. Этничность и федерализм. Казань: Центр инновационных технологий, 2013. 348 с.

Харитоновна О. Г. Этнические войны и постконфликтная демократия // Политическая наука. 2016. № 1. С. 34–59.

Horowitz D. A Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society. Berkeley, Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1991. 304 p.

- Horowitz D.* Constitutional Processes and Democratic Commitment. New Haven; London: Yale University Press, 2021. 269 p.
- Horowitz D. L.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1985. 712 p.
- Lijphart A.* Constitutional Choices for New Democracies // *Journal of Democracy*. 1991. Vol. 2, no. 1. P. 72–84.
- Lijphart A.* The Southern European Examples of Democratization: Six Lessons for Latin America // *Government and Opposition*. 1990. Vol. 25, no. 1. P. 68–84.
- Lijphart A.* Thinking about Democracy: Power Sharing and Majority Rule in Theory and Practice. New York: Routledge, 2007. 305 p.
- Linz J.* The Perils of Presidentialism // *Journal of Democracy*. 1990. Vol. 1, no. 1. P. 51–69.
- McGarry J.* Is Presidentialism Necessarily Noncollegial? // *Ethnopolitics*. 2013. Vol. 12, no. 1. P. 93–97.
- Reilly B.* Democracy in Divided Societies. Electoral Engineering for Conflict Management. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 232 p.
- Rothchild D., Roeder P. G.* Dilemmas of State-Building in Divided Societies // *Sustainable Peace: Power and Democracy after Civil Wars* / ed. by P. G. Roeder, D. Rothchild. Ithaca: Cornell University Press, 2005. P. 1–25.
- Saideman S. M., Lanoue D. J., Campenni M., Stanton S.* Democratization, Political Institutions, and Ethnic Conflict: A Pooled Time-Series Analysis, 1985–1998 // *Comparative Political Studies*. 2002. Vol. 35, no. 1. P. 103–129.
- Sisk T.* Power Sharing and International Mediation in Ethnic Conflicts. Washington: United States Institute of Peace Press, 1996. 143 p.
- Theuerkauf U. G.* Presidentialism and the Risk of Ethnic Violence // *Ethnopolitics*. 2013. Vol. 12, no. 1. P. 72–81.
- Wolff S.* Managing Ethno-national Conflict: Towards an Analytical Framework // *Commonwealth and Comparative Politics*. 2011. Vol. 49, no. 2. P. 162–195.

Зазнаев Олег Иванович — д-р юрид. наук, проф.; oleg.zaznaev@kpfu.ru

Статья поступила в редакцию: 5 июля 2023 г.;

рекомендована к печати: 8 сентября 2023 г.

Для цитирования: *Зазнаев О. И.* Формы правления и этнические конфликты: проблема взаимосвязи и ее решение в политической науке // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. 2023. Т. 19, № 4. С. 600–609. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.406>

FORMS OF GOVERNMENT AND ETHNIC CONFLICTS: THE PROBLEM OF INTERCONNECTION AND ITS SOLUTION IN POLITICAL SCIENCE*

Oleg I. Zaznaev

Kazan Federal University,
18, ul. Kremlevskaya, Kazan, 420008, Russian Federation; oleg.zaznaev@kpfu.ru

Prevention and ethnic conflicts resolution is an urgent task both at the level of theory and political practice. To solve it, institutional measures are used, including the design of a form of government. The purpose of the article is to determine the state of study of the problem of the relationship between forms of government and ethnic conflicts, mainly in contemporary

* The article was prepared on the basis of a paper presented by the author on May 26, 2023 at the plenary session of the All-Russian Scientific Conference with international participation “Ethnopolitics in the Contemporary Global World” held at the Faculty of Political Science, St. Petersburg State University.

foreign political science. The author proceeds from the idea that the form of government as an institutional structure affects the emergence, flow, and termination of ethnic conflicts, but at the same time it should be considered as one of the variables along with the electoral system and form of government. The article notes the contradictory nature of the theoretical positions of supporters of different approaches — consociationalism centripetalism and power-dividing approach. The most common point of view that a parliamentary system is more suitable for a multi-ethnic society is criticized. The author emphasizes the importance of conscious design of forms of government, aimed at abandoning the “pure” presidential and parliamentary systems and the creation of atypical institutions, which are given some attention in the article. Empirical studies using statistical methods have been carried out in recent years to identify the relationship between forms of government and ethnic conflicts. The author evaluates them and introduces the reader to the results of his own research using correlation and regression analysis. He concludes that the hypothesis about the influence of the form of government on ethnic conflicts requires further empirical testing on a large array of cases over a long period of time. At the end of the article, an analysis is given of the main methodological problems that researchers face when conducting a comparative study of ethnic conflicts and their relationship with political institutions. The author concludes that the problem of the relationship between forms of government and ethnic conflicts has not yet been resolved in political science.

Keywords: ethnic conflict, form of government, presidential system, parliamentary system, semi-presidential system.

References

- Farukshin M. Kh. *Ethnicity and federalism*. Kazan: Tsentr innovatsionnyh tehnologii, 2013. 348 p. (In Russian)
- Horowitz D. *A Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society*. Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1991. 304 p.
- Horowitz D. *Constitutional Processes and Democratic Commitment*. New Haven; London: Yale University Press, 2021. 269 p.
- Horowitz D. L. Ethnic power sharing: Three big problems. *Political science (RU)*, 2016, no. 1, pp. 210–223. (In Russian)
- Horowitz D. L. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1985. 712 p.
- Kharitonova O. G. Ethnic wars and post-conflict democracy. *Political science (RU)*, 2016, no. 1, pp. 34–59. (In Russian)
- Lijphart A. Constitutional Choices for New Democracies. *Journal of Democracy*, 1991, vol. 2, no. 1, pp. 72–84.
- Lijphart A. *Democracy in plural societies. A comparative exploration*. Moscow: Aspekt-Press, 1997. 287 p. (In Russian)
- Lijphart A. The Southern European Examples of Democratization: Six Lessons for Latin America. *Government and Opposition*, 1990, vol. 25, no. 1, pp. 68–84.
- Lijphart A. *Thinking about Democracy: Power Sharing and Majority Rule in Theory and Practice*. New York: Routledge, 2007. 305 p.
- Linz J. The Perils of Presidentialism. *Journal of Democracy*, 1990, vol. 1, no. 1, pp. 51–69.
- McGarry J. Is Presidentialism Necessarily Noncollegial? *Ethnopolitics*, 2013, vol. 12, no. 1, pp. 93–97. <https://doi.org/10.1080/17449057.2013.746014>
- Reilly B. *Democracy in Divided Societies. Electoral Engineering for Conflict Management*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 232 p.
- Rothchild D., Roeder P. G. Dilemmas of State-Building in Divided Societies. *Sustainable Peace: Power and Democracy after Civil Wars*, ed. by P. G. Roeder, D. Rothchild. Ithaca, : Cornell University Press, 2005, pp. 1–25.

Saideman S. M., Lanoue D. J., Campenni M., Stanton S. Democratization, Political Institutions, and Ethnic Conflict: A Pooled Time-Series Analysis, 1985–1998. *Comparative Political Studies*, 2002, vol. 35, no. 1, pp. 103–129.

Sartori G. Concept misformation in comparative politics (I). *Polis. Political Studies*, 2003, no. 3, pp. 67–77. (In Russian)

Sidorov V. V. Ethnic parties: a democratic institution or the cause of ethnic conflicts? *Ethnic aspects of political institutions and processes*, ed. by O. I. Zaznaev, M. Kh. Farukshin. Moscow, Berlin: Direkt-Media Publ., 2021, pp. 170–194. (In Russian)

Sisk T. *Power Sharing and International Mediation in Ethnic Conflicts*. Washington: United States Institute of Peace Press, 1996. 143 p.

Theuerkauf U. G. Presidentialism and the Risk of Ethnic Violence. *Ethnopolitics*, 2013, vol. 12, no. 1, pp. 72–81. <https://doi.org/10.1080/17449057.2013.746007>

Wolff S. Managing Ethno-national Conflict: Towards an Analytical Framework. *Commonwealth and Comparative Politics*, 2011, vol. 49, no. 2, pp. 162–195. <http://dx.doi.org/10.1080/14662043.2011.564471>

Zaznaev O. I. Dilemmas of comparative political science. *Humanitarian research in the Urals and social practice: Materials of the All-Russian Federation scientific conference*. Ekaterinburg: AMB Publ., 2010, pp. 126–132. (In Russian)

Zaznaev O. I. Ethnic aspects of forms of government. *Ethnic aspects of political institutions and processes*, ed. by O. I. Zaznaev, M. Kh. Farukshin. Moscow, Berlin: Direkt-Media Publ., 2021, pp. 115–147. (In Russian)

Zaznaev O. I. Ethnic conflict and forms of government: Contemporary discussions. *Polis. Political Studies*, 2021, no. 1, pp. 25–40. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.01.03> (In Russian)

Zaznaev O. I., Sidorov V. V. Ethnic conflicts and forms of government: A critical review of theoretical and empirical research. *Evraziia i global'nye sotsial'no-ekonomicheskie izmeneniia*. Kazan: KFU Publishing House, 2020, pp. 65–70. (In Russian)

Zaznaev O. I., Sidorov V. V. Presidential or parliamentary system: What hinders an ethnic conflict? *Political science*, 2020, no. 4, pp. 290–308. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.14> (In Russian)

Zaznaev O. I., Sidorov V. V. The relationship between forms of government and ethnic conflicts: Statistical analysis. *Voprosy politologii*, 2020, vol. 10, no. 11 (63), pp. 3234–3243. <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.63.11.020> (In Russian)

Zaznaev O. I., Sidorov V. V. *Forms of government and ethnic conflicts*. Kazan: Logos-Press, 2022. 232 p. (In Russian)

Received: July 5, 2023

Accepted: September 8, 2023

For citation: Zaznaev O. I. Forms of government and ethnic conflicts: The problem of interconnection and its solution in political science. *Political Expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 600–609. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.406> (In Russian)

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

А. Ю. Полунов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматриваются состояние и основные направления эволюции общенационального гражданского самосознания в современной России. Подчеркивается, что данная форма идентичности опирается на достаточно прочные социальные основы. Среди них — повсеместное распространение государственного русского языка; стабильность в сфере межконфессиональных отношений; представления большинства граждан об отсутствии в стране почвы для серьезных межэтнических конфликтов. В то же время развитие общероссийского самосознания связано с целым рядом проблем. Оно понимается в первую очередь как лояльность по отношению к государству, ее более глубокие духовно-ценностные основы недостаточно проработаны. Часто чувство причастности к общероссийской общности переживается преимущественно на эмоциональном уровне, когнитивная составляющая выражена недостаточно четко. Это связано с целым рядом факторов, в частности — с отсутствием в России общепризнанного исторического нарратива, разделяемых всем социумом представлений о прошлом. Ключевые события отечественной истории, определившие ход развития страны, до сих пор вызывают различные, подчас противоположные оценки. Вместе с тем в обществе остро чувствуется запрос на укрепление общенационального единства, поиск объединяющих всех граждан России идейных принципов. Запрос этот выражается, в частности, в высокой оценке советского прошлого, прежде всего таких его аспектов, как наличие четко выраженных целей и ориентиров развития страны. Подобные настроения характерны для населения как государства в целом, так и отдельных его регионов. Отмечая, что идейная эволюция общества далеко не всегда доступна внешнему регулированию, автор в то же время подчеркивает, что государственные и общественные деятели, научное и экспертное сообщество должны внести посильный вклад в решение стоящих перед страной задач.

Ключевые слова: общероссийская гражданская идентичность, российская нация, исторический нарратив, духовно-ценностные основы, факторы консолидации, этнические конфликты.

Несмотря на широкое употребление понятий «общероссийская гражданская идентичность», «российская нация», «общероссийское единство» в выступлениях первых лиц государства и активное внедрение этих терминов в официальные документы, смысловое наполнение данных явлений до сих пор воспринимается неоднозначно, вызывает споры, в том числе и в экспертной среде. «В массовом сознании понятие общероссийской нации весьма расплывчато, оно не сформировалось», — отмечали эксперты в ходе опросов, проведенных Институтом социологии РАН в 2014–2016 гг. «Большинство людей понимает термин “общероссийская нация”, “гражданская” с юридической точки зре-

ния, как гражданскую принадлежность, и государство является скрепом всего многообразия» [Дробижева, 2017, с. 18]. «Россиянами вроде все себя считают, но большая часть, кроме каких-то шаблонных стереотипов, честно говоря, не всегда так себя называют». Вызывало сомнения и само наличие в современной России единого гражданско-политического самосознания, которое еще предстоит создать. «Я думаю, — отметил один из экспертов, — что российскую нацию надо растить на общих историях всех народов Российской Федерации, общих целях и задачах, совместных победах, национальных праздниках. Это дело очень многих лет» [Дробижева, 2017, с. 21].

Ответом на нечеткость понимания терминов, связанных с общероссийским гражданским единством, стало принятие мер по их разъяснению — в частности, включение словаря данных понятий в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., базовый документ, определяющий основные направления регулирования межэтнических отношений. В документе указывалось на тождественность понятия «российская нация» и содержащейся в Конституции формулировки «многонациональный народ Российской Федерации». Отмечалось, что данная общность включает в себя всех граждан России независимо от этнической, конфессиональной и иной принадлежности и базируется на гражданском самосознании, т. е. осмыслении россиянами своей принадлежности к единому политическому сообществу.

При толковании понятий «гражданское единство» и «общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание)» в Стратегии было подчеркнуто, что данные явления включают в себя такие компоненты, как признание суверенитета государства, его целостности, единства его правового пространства, а также необходимости активного участия граждан в судьбах страны¹. Безусловно, разъяснение ключевых терминов, связанных с действиями по обеспечению общероссийского единства, способствовало внесению большей ясности в деятельность государства и общественных структур, наметило более четкие ориентиры реализации государственной политики. Однако до сих пор в сфере осмысления российской гражданской идентичности, понимания его современного состояния остается немало проблем. Для осмысления их природы необходимо проанализировать основные социальные параметры, характеризующие эволюцию общероссийского самосознания, а главное — его содержательное наполнение.

Характеризуя первый из моментов, необходимо отметить, что у представлений о единстве россиян как целостной гражданско-политической общности есть достаточно прочные социальные основы. В сфере коммуникаций такой основой является факт практически повсеместного распространения государственного русского языка. Им владеют практически все граждане России, абсолютное

¹ Указ Президента Российской Федерации от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102488842> (дата обращения: 10.06.2023).

большинство активно использует его в повседневной жизни. По замечанию В. А. Тишкова, степень языкового единства населения нашей страны заметно выше, чем во многих других крупных государствах, настойчиво проводящих идею национальной целостности сообщества своих граждан [Тишков, 2005].

Важной предпосылкой для укрепления гражданского единства является также ситуация в области межконфессиональных отношений, тесно соприкасающихся со сферой межэтнического взаимодействия. Большинство людей, определяющих себя как верующих, относятся к приверженцам традиционных для России конфессий (в первую очередь православия и ислама), имеющих давний опыт взаимоотношений с государством и друг с другом. Население в целом положительно относится к традиционным конфессиям, прежде всего к Русской православной церкви (РПЦ). Об этом свидетельствуют данные многих социологических опросов. Согласно исследованию фонда «Общественное мнение» (ФОМ), в 2023 г. о доверии к ней заявило 63 % опрошенных. С высказываниями представителей РПЦ по общественно-политическим вопросам согласны 41 % респондентов. 48 % считают, что церковь оказывает положительное влияние на общественную жизнь страны [Мчедлова, 2018, с. 163, 167, 172–173]².

Важным фактором, позволяющим говорить о наличии в России общенационального гражданского единства, является представление большинства россиян об отсутствии в стране почвы для серьезных межэтнических конфликтов. Количество людей, считающих, что многонациональность России — скорее благо, нежели зло, увеличилось, согласно исследованиям ФОМ, за 2002–2021 гг. с 41 до 52 %. Число придерживающихся противоположной точки зрения уменьшилось с 34 до 22 %. Доля респондентов, не испытывающих неприязнь к другим людям по национальному признаку, выросла за рассматриваемый период с 65 до 87 %. Число тех, кто подобные чувства испытывает, сократилось с 32 до 11 %³. Подобные факты дают возможность сделать вывод о высоком уровне развития в России гражданской идентичности, и социологические материалы данный тезис в целом подтверждают. Согласно данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), проводимого НИУ «Высшая школа экономики» при участии Института социологии РАН, количество людей, ощущающих единство со всеми гражданами России, выросло с 65 % в 2005 г. до 79 % в 2018 г.

Опрос, проведенный в конце 2019 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) по поручению Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН России), зафиксировал гражданскую идентичность у еще большего количества респондентов (91 %) [Дробжишева, 2020, с. 43–45]. Все это свидетельствует о наличии достаточно прочных основ у общероссийского самосознания. Вместе с тем в этой сфере существуют и серьезные про-

² Опрос ФОМ на тему «Русская православная церковь. Как относятся россияне к РПЦ и что думают о ее влиянии на общественную жизнь страны». URL: <https://fom.ru/TSennosti/14862> (дата обращения: 10.06.2023).

³ Опрос ФОМ «Межнациональные отношения. Отношение к людям других национальностей». URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14616> (дата обращения: 10.06.2023).

блемы, и касаются они в первую очередь смыслового наполнения гражданской идентичности, ее содержательных аспектов.

Анализируя указанные проблемы, исследователи Института социологии РАН поставили задачу выяснить, какие факторы в представлении большинства россиян сплачивают их в единую политико-гражданскую общность, обуславливают наличие общероссийской целостности. На первом месте с заметным отрывом в ряду подобных факторов оказалось единство государства (66 %) и тесно связанное с ним представление об общей территории (54 %). Подобный акцент на политико-административных компонентах общероссийской идентичности побудил Л. М. Дробижеву определить ее как государственно-гражданскую. «Я россиянин... гражданин страны, я же живу на территории России», «государство люди видят объединяющим фактором потому, что они живут по законам этого государства», — таким образом эксперты в ходе опросов объяснили роль административных и правовых в обеспечении целостности общероссийского самосознания [Дробижева, 2018, с. 114–115; Дробижева, Рыжова, 2021, с. 46]. Подобная ситуация подтверждается и материалами региональных опросов. Так, проводивший исследование на территории Дагестана А. З. Адиев зафиксировал здесь преобладание этатистского представления о природе и источнике формирования российской нации [Адиев, 2021, с. 139–140].

Необходимость наличия единого государства как важнейшей основы общенациональной идентичности очевидна, но подобное самосознание должно базироваться и на более глубоких факторах культурного, ценностного характера. А вот их наличие для значительной части россиян неочевидно. Об общем прошлом как объединяющем начале упомянуло 47 % опрошенных, о культуре, символах, общенациональных праздниках — 32–37 %. Сравнительно слабо в составе идентичности выделен и деятельностный компонент. Ответственность за дела в стране как объединяющий фактор указало 32–33 % респондентов [Дробижева, 2018, с. 114–115].

Проведенный ВЦИОМ в 2023 г. опрос на тему «Гордость России» показал, что в сознании большинства россиян их сплачивает в единую общность сам факт принадлежности стране, государству («я здесь родился», «моя Родина», «моя страна»). Большую роль в ощущении национального единства играет также эмоциональная составляющая — восхищение природой страны, ее огромными пространствами. Переживание данных настроений заметно активизируется в связи со значительными событиями — такими, как защита Донбасса, воссоединение Крыма с Россией, строительство Крымского моста, выступления российских спортсменов, Олимпиада в Сочи, Чемпионат мира по футболу — 2018⁴. Вместе с тем на более глубоком уровне, связанном с идейно-духовными основами общероссийской идентичности, определяющими ее стабильное развитие, существуют серьезные проблемы.

Важнейшие из них связаны с недостаточной проработанностью такого важнейшего компонента общенационального самосознания, как единый истори-

⁴ Опрос ВЦИОМ «Гордость России». URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gordost-rossii> (дата обращения: 10.06.2023).

ческий нарратив. Это, в частности, проявляется в низком уровне знаний об историческом прошлом страны, прежде всего у молодого поколения⁵. Согласно проведенному ВЦИОМ в 2017 г. опросу, 47 % респондентов оценили свои знания по истории России как недостаточные. Некоторые исторические события, закономерности и процессы попросту выпали из сознания населения. Так, годы Русско-японской войны в ходе опроса назвали лишь 9 % респондентов, годы Гражданской войны — 7 %. Правильно указать, кого свергли большевики (Временное правительство), смогли лишь 11 %. При этом молодое поколение особенно ярко демонстрировало неуверенное знание отечественного прошлого, в особенности отстоящего от современности больше чем на несколько десятилетий. Так, имя первого и единственного Президента СССР правильно назвали 26 % вчерашних школьников. 95 % участников опроса в возрасте от 18 до 24 лет не знали, кто такой А. Ф. Керенский.

«Мы теряем молодежь, знание которой об истории своей страны все больше носит фрагментарный характер... — отметил в связи с этим руководитель Департамента политических исследований ВЦИОМ М. В. Мамонов. — Молодежь знает и помнит лишь то, что видела в фильмах и телепередачах... Молодежь видит яркую картинку, не понимая, что за ней кроется. Возможны самые неблагоприятные последствия этой ситуации. Незнание истории приводит к отсутствию политических ориентиров, в конечном счете — к вольному обращению с историческими фактами, историей своей страны»⁶.

Слабое знание истории, а в какой-то степени — недостаточный интерес к ней во многом определяется, на наш взгляд, существующим в обществе расколом по вопросу об отношении к важнейшим историческим событиям. За 30 лет постсоветского периода в этой сфере так и не было достигнуто единства. Так, проведенный к 100-летию Октябрьской революции опрос показал, что общество в плане оценке этого события разделилось практически пополам. На вопрос о том, выражала ли революция волю большинства народов, проживавших на территории Российской империи, 45 % опрошенных ответили утвердительно, 43 % — отрицательно. При ответе на другой вопрос 46 % сказали, что революция произошла в интересах большей части общества, а 46 % высказали противоположное мнение.

Последствия Октябрьской революции для страны в целом оцениваются скорее положительно (38 % — «она дала толчок социальному и экономическому развитию страны», 23 % — «она открыла новую эру в истории России»), причем об этом говорит не только старшее поколение, но и молодежь. При этом 92 % опрошенных считают новую революцию в России недопустимой. Поляризация заметна и при оценке конкретных исторических личностей. По

⁵ Отсутствие выверенного исторического нарратива затрудняет проведение последовательной политики в сфере отношения к национальному прошлому, или политики памяти [Политика памяти..., 2020].

⁶ Опрос ВЦИОМ «История страны: ставим “отлично”, в уме держим “неуд”». URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/istoriya-strany-stavim-otlichno-v-ume-derzhim-neud> (дата обращения: 10.06.2023).

оценкам аналитиков, в последние годы отмечается рост симпатий, с одной стороны, к таким деятелям революции, как В. И. Ленин, Ф. Э. Дзержинский, И. В. Сталин, с другой — к Николаю II, А. В. Колчаку⁷.

О недостаточной укорененности идейно-духовных основ общероссийской идентичности свидетельствует в некоторых случаях и слабое знание смысла национальных символов, а иногда и плохое знакомство с ними (неумение в правильном порядке перечислить цвета российского флага, процитировать первую строку гимна, объяснить значение праздника 12 июня)⁸. Недостаток объединяющих духовных начал, в первую очередь общего понимания истории, проявляется в последние годы в серии этнически окрашенных конфликтов, многие из которых связаны с вопросами исторической памяти. К числу таковых можно отнести столкновения 2018 г. между основными этническими общинами Кабардино-Балкарии по поводу празднования юбилея Канжальской битвы XVIII в. (победы кабардинцев над войсками крымского хана), дискуссии по поводу памятников Ермаку в Тобольске и русским воинам времен Кавказской войны в Адлере (2020). Ситуация настоятельно требует обсуждения вопроса об идеологическом обеспечении национального единства, запрос на которое явно существует в обществе⁹.

Формы проявления такого запроса многообразны, но одной из наиболее примечательных среди них является отношение россиян к советскому наследию, к тем его элементам, которых явно недостает современному обществу. Так, при ответе на вопрос, какие ассоциации у них связываются с Советским Союзом, 13% опрошенных в 2022 г. ответили: «единство, сплоченность, дружба народов и взаимопомощь». Обогнали этот ответ по популярности (ненамного) такие ассоциирующиеся с советским временем явления, как «стабильность», «молодость, беззаботное детство», «хорошее время» (15–16%). Примечательна разбивка эмоций и ощущений, связанных с СССР, по возрастным когортам. Представление о «дружбе народов» вошло в топ-3 ассоциаций людей до 34 лет, которые не застали советский период и, соответственно, не могли «приукрасить» существовавшую тогда ситуацию на основе светлых воспоминаний детства и юности.

⁷ Опрос ВЦИОМ «Октябрьская революция: 1917–2017». URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/oktyabrskaya-revolucziya-1917-2017> (дата обращения: 10.06.2023).

⁸ Опрос ВЦИОМ «Флаг, герб, гимн: незнание недопустимо». 22 августа 2019 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/flag-gimn-gerb-neznanie-nedopustimo> (дата обращения: 10.06.2023); Опрос ВЦИОМ «День России: праздник с короткой историей». 2015. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-rossii-prazdnik-s-korotkoj-istoriej> (дата обращения: 10.06.2023).

⁹ Запрос этот, в частности, выразился при определении целей и задач государства респондентами в ходе опроса ВЦИОМ в 2021 г. Так, 83% опрошенных заявили, что политика государства в первую очередь должна быть направлена на сохранение и укрепление традиций и традиционных ценностей. См.: Опрос ВЦИОМ «Государство и общество: цели, приоритеты, императивы». URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativy> (дата обращения: 10.06.2023).

На протяжении всего постсоветского периода большинство россиян продолжают сожалеть о распаде СССР, оценивают это событие негативно. В 2022 г. число таковых составило 58 % опрошенных. В число явлений, потерянных с распадом единого государства, опрошенные на первое место поставили «ощущение единства, сплоченности, дружбы»¹⁰. Таким образом, через положительную оценку важных аспектов советского прошлого современное российское общество сигнализирует о недостатке в наши дни объединяющих идейно-духовных начал, которые могли бы укрепить основы социальной солидарности.

Материалы общероссийских опросов по данной проблематике в целом подтверждаются данными региональных исследований. Так, при ответах на вопросы о советской эпохе студенты Северо-Кавказского федерального округа отметили привлекательность многих ценностей, доминировавших в то время (уважение к человеку труда, дружба народов, гарантированное государством всестороннее развитие человека). Следует при этом отметить, что молодежь высказала достаточно взвешенные суждения, поскольку была хорошо знакома и с теневыми сторонами советской эпохи — такими, как депортация репрессированных народов, произвольное проведение границ между республиками и др. [Ерохин, Авдеев, Воробьев, 2022, с. 96–97].

Подводя итог рассмотренным проблемам, необходимо отметить, что недостаточная проработанность, непроясненность содержательных аспектов общероссийской гражданской идентичности является в настоящее время серьезным препятствием к укреплению национального единства. Общероссийская идентичность выражается сейчас главным образом в форме лояльности государству, ярко выражена на эмоциональном уровне, сильно зависит от тех или иных событий в общественно-политической сфере. Когнитивная составляющая, во многом определяющая стабильное развитие общенациональной идентичности, выражена не столь явно. Во многом это связано, как было отмечено выше, с вопросами исторического самосознания, расколом общества при оценке ключевых событий прошлого. Современная ситуация настоятельно требует принятия мер по укреплению идейно-духовных основ общероссийского единства. Разумеется, многие процессы в этой сфере развиваются естественным путем, не всегда могут быть объектом конструирования, доступным для воздействия извне. Однако в той степени, в какой от них это зависит, государственные и общественные деятели, экспертное сообщество должны внести вклад в решение стоящих перед обществом задач.

Литература

Адиев А. З. Общероссийская идентичность в Дагестане (по данным опросов 2016–2019 гг.) // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 136–142. <https://doi.org/10.31857/S013216250011312-6>

¹⁰ Опрос ВЦИОМ «100 лет СССР: забыть нельзя вернуться?». URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja> (дата обращения: 10.06.2023).

Дробижина Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. Т. 26, № 1. С. 7–31.

Дробижина Л. М. Гражданская российская идентичность: динамика и потенциал консолидации полиэтнического общества // Этническое и религиозное многообразие в России / под ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 107–118.

Дробижина Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>

Дробижина Л. М., Рыжова С. В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник Российской нации. 2021. № 1–2. С. 39–52.

Ерохин А. М., Авдеев Е. А., Воробьев С. М. Национально-государственное наследие СССР в представлении молодежи Северного Кавказа // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18, № 1. С. 88–107. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.106>

Мчедлова М. М. Религиозная ситуация в России и ее регионах // Этническое и религиозное многообразие в России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 161–190.

Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2020. 632 с.

Тишков В. А. Отрицание России // Отечественные записки. 2005. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/1/otriczanie-rossii.html> (дата обращения: 10.06.2023).

Полунов Александр Юрьевич — д-р ист. наук, проф.; polunov@spa.msu.ru

Статья поступила в редакцию: 21 июня 2023 г.;

рекомендована к печати: 5 июля 2023 г.

Для цитирования: *Полунов А. Ю.* Содержательные аспекты общероссийской гражданской идентичности: проблемы и перспективы развития // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19, № 4. С. 610–618. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.407>

CONTENT ASPECTS OF ALL-RUSSIAN CIVIL IDENTITY: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Alexander Yu. Polunov

Lomonosov Moscow State University,

1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; polunov@spa.msu.ru

The article examines the current status and of the evolution of the national civic consciousness in modern Russia. Author asserts that this form of identity is based on fairly strong social foundations. Among them are the widespread usage of Russian language which unifies different ethnic groups, stability in the sphere of interfaith relations, and the notion inherent to the majority of citizens that there is no ground for serious inter-ethnic conflicts in the country. At the same time, the development of a national consciousness engenders a number of problems. This form of identity is understood primarily as loyalty to the state. Its deeper spiritual and value foundations have not been sufficiently developed. The feeling of belonging to the all-Russian community is being experienced often mainly at the emotional level, its cognitive component is not clearly expressed. This is due to a number of factors, in particular, the lack of a generally recognized historical narrative in Russia, shared by the entire society. The key events of national history that determined the course of the country's development still evoke various, sometimes opposing assessments. At the same time, there is an acute demand in society for strengthening national unity, the search for ideological principles that unite all citizens of Russia. This request is expressed, in particular, in a high assessment of the Soviet past, when the society had the clearly defined goals and guidelines for the country's development. Such sentiments are characteristic

of the population of Russia as whole and of its separate regions. Noting that the ideological evolution of society is far from always accessible to external regulation, the author at the same time emphasizes that state and public leaders, the academic and expert community should make a feasible contribution to solving the problems facing the country.

Keywords: all-Russian civic identity, Russian nation, historical narrative, spiritual and value foundations, consolidation factors, ethnic conflicts.

References

Adiev A. Z. Russian Identity in Dagestan (According to the Surveys of 2016–2019). *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2021, no. 4, pp. 136–142. <https://doi.org/10.31857/S013216250011312-6> (In Russian)

Drobizheva L. M. National Identity as a Means of Reducing Ethnic Negativism. *Mir Rossii*, 2017, vol. 26, no. 1, pp. 7–31. (In Russian)

Drobizheva L. M. Civil Russian identity: Dynamics and potential for consolidation of a multi-ethnic society. *Ethnic and religious diversity of Russia*. Moscow, IEA RAN Publ., 2018, pp. 107–118. (In Russian)

Drobizheva L. M. All-Russian National Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2020, no. 8, pp. 37–50. <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9> (In Russian)

Drobizheva L. M., Ryzhova S. V. All-Russian identity in the sociological dimension. *Vestnik Rossiiskoi natsii*, 2021, no. 1–2, pp. 39–52. (In Russian)

Erokhin A. M., Avdeev E. A., Vorob'ev S. M. The National Heritage of the Ussr in Young People's Views in the North Caucasus. *Political expertise: POLITEX*, 2022, vol. 18, no. 1, pp. 88–107. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.106> (In Russian)

Mchedlova M. M. Religious situation in Russia and its regions. *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie v Rossii*. Moscow, IEA RAN Publ., 2018, pp. 161–190. (In Russian)

The Politics of Memory in Modern Russia and the Countries of Eastern Europe. Actors, Institutions, Narratives. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta Publ., 2020. 632 p. (In Russian)

Tishkov V. A. Denial of Russia. *Otechestvennye zapiski*, 2005, no. 1. Available at: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/1/otriczanie-rossii.html> (accessed: 10.06.2023). (In Russian)

Received: July 5, 2023

Accepted: September 8, 2023

For citation: Polunov A. Yu. Content aspects of all-Russian civil identity: Problems and development prospects. *Political Expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 610–618. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.407> (In Russian)

СТРАТЕГИЯ ПОЛЬЩИЗНЫ В ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (на примере Белоруссии)*

Н. В. Полякова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Автор предпринимает попытку с опорой на работы современных отечественных и зарубежных исследователей дать системную характеристику стратегии польщизны, определить специфику ее использования в современном белорусском этноконфессиональном контексте, а также раскрыть роль этой стратегии в начале XXI в. Данная стратегия рассматривается как долгосрочная система не прямых действий, в первую очередь гуманитарного плана, которые призваны в формате комплексного продвижения «польскости» решать актуальные задачи «восточной политики» современного польского государства. Как отмечается, эти задачи подпитывались геополитическими устремлениями Польши в духе золотого века Речи Посполитой, т.е. представляли собой возрождение старых политических подходов и схем посредством их адаптации к новым геополитическим условиям. В статье прослеживается оформление концепта «польщизна», этимология и история данного понятия, выявляются целеполагающие идеологические характеристики и культурно-исторические предпосылки данной стратегии, а также рассмотрены основные направления и наиболее удачные практики ее реализации в этноконфессиональном контексте современной Белоруссии. Делается вывод, что в Белоруссии за 90-е годы XX — первые десятилетия XXI в. была сформирована пропольски ориентированная часть населения, которая стала опорой для манипулятивных действий уже в политическом плане, что наглядно показали события вокруг президентской кампании 2020 г. Утверждается, что обращение к специфическому опыту реализации данной политической стратегии полезно в современных условиях для оценки эффективности проекта Союзного государства России и Белоруссии, а также выработки Россией собственной стратегии применительно к данному региону.

Ключевые слова: стратегия польщизны, этноконфессиональный контекст, восточная политика Польши, Польша, Белоруссия.

В условиях современных вызовов как глобального, так и регионального характера интерес к государственным внешнеполитическим стратегиям и изучение их специфики приобретают особый смысловой эффект и масштаб. В контексте меняющегося мирового порядка многие государства заявляют о своих претензиях на изменение геополитического статуса. Польша — один из таких геополитических игроков, претендующих на новые роли в современных условиях: роль регионального лидера Центральной и Восточной Европы, а также проводника американских интересов в европейском сообществе. Особым об-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01309, <https://rscf.ru/project/24-28-01309/>.

разом эти претензии на региональное лидерство проявляются в ее отношениях с государствами, образовавшимися на постсоветском пространстве (в первую очередь с Украиной и Белоруссией), вступая в явное противоречие с геополитическими интересами России. По меткому определению известного польского писателя, публициста и политического обозревателя Ю. Мерошевского, «польско-российские отношения всегда были лишь функцией той ситуации, которая складывалась на этих территориях в данный исторический период» [Mieroszewski, 1997, s. 352].

В данном ключе обращение к одной из специфических внешнеполитических стратегий польского государства — так называемой польщизне — приобрело на современном этапе особое значение. Автор статьи видит свою задачу в том, чтобы раскрыть роль этой стратегии в новой реальности и определить, насколько успешной и востребованной она оказалась в начале XXI в. Для этого на примере белорусского кейса будут выявлены целеполагающие идеологические характеристики и культурно-исторические предпосылки данной стратегии, а также рассмотрены основные направления и наиболее удачные практики ее реализации.

Методология исследования строится на сочетании системного подхода, на базе которого будет осуществлен комплексный анализ стратегии польщизны, и компаративного подхода, позволяющего провести сравнительный анализ различных инструментов и тактических приемов реализации данной стратегии в конкретном социокультурном и этноконфессиональном контексте. В качестве эмпирического материала будут использованы данные официальных интернет-сайтов Республики Беларусь и Республики Польша.

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬШИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

После распада СССР и социалистического лагеря в Польше начался процесс формирования новой идентичности, в основу которой был заложена установка о принадлежности страны к западной европейской цивилизации и необходимости «возвращения Польши в Европу» [Fedorowicz, 2011, s. 39]. В этом контексте польская политика после 1991 г., как образно определила в своей книге, изданной в 2002 г., польский дипломат и журналист Иоанна Стшельчик, была одновременно и «бегством с Востока» (см.: [Strzelczyk, 2002]). При этом приоритетный западный вектор польской политики постепенно все более сосредотачивался на евроатлантизме, в рамках которого внешняя политика новой Польши базируется на помощи и покровительстве США, а также на проведении проамериканской политической линии в Европе: «...именно евроатлантический вектор стал наиболее значимым во внешней политике Польши, но при этом необходимо принимать во внимание и то обстоятельство, что выбор этого вектора был не одномоментным и формировался в контексте происходящих в мире перемен» [Польша в XX веке, 2012, с. 905].

Возвращение Польши в Европу, происходившее в первую очередь через вступление в НАТО (1999), а затем в ЕС (2004), не отменило, а, напротив, еще более актуализировало необходимость развития и восточного вектора полити-

ки польского государства, который приобрел на рубеже XX–XXI вв. новый ракурс: «Ситуация после 1991 г. была для Польши уникальной, поскольку ее соседями впервые стали независимые Белоруссия и Украина» [Беспалов, 2007, с. 53]. Именно в таком качестве традиционно понимается в польском контексте сам термин «восточная политика»: это политика Польши по отношению к своим соседям на Востоке, прежде всего России, Украине, Белоруссии. Как отмечает российский историк и политолог О. Б. Неменский, «в XVI в. все русские земли получили в польской культуре наименование “Востока” (“Wschód”)». “Восток” для поляков понятие, по сей день применимое только к России и нынешнему постсоветскому пространству» [Неменский, 2013, с. 34].

После 1991 г. восточный вектор польской внешней политики потребовал самостоятельного развития исходя из возникавших в этот период задач и потребностей государственного строительства: «Вопрос о границах и о польском национальном меньшинстве, а также острые исторические противоречия, публичное обсуждение которых долгое время было под запретом, создавали насущную базу для развития официальных контактов с Украиной, Литвой и Белоруссией» [Чернова, 2013, с. 18]. Активизация «восточной политики» современного польского государства проходила постепенно, в несколько этапов, параллельно с развитием и укреплением его взаимоотношений с ЕС и НАТО: на первоначальном этапе, с 1991 г. — в формате перехода от односторонних действий до институционализованного участия в стартовавшей в 2003–2004 гг. Европейской политике соседства (ЕПС) [Шумилин, 2020, с. 86–87]; далее, с 2008–2009 гг. — в формате инициативного лидерства по подготовке и реализации в рамках ЕПС проекта «Восточного партнерства» как официальной линии ЕС, который стал «наивысшим успехом “восточной политики” Польши в ЕС» [Мальгин, 2011, с. 16]. На современном этапе происходит усиление во внешнеполитическом дискурсе роли «прометеизма», ставшего идеологической основой польской «восточной политики» после прихода к власти в стране правых сил. При этом исследователи обращают особое внимание на роль братьев Качинских «в адаптации и актуализации “прометеического послания” в новых условиях» [Симонова, 2020, с. 97]. Российский ученый В. В. Волобуев таким образом характеризует специфику заложенного в этот период внешнеполитического курса Польши: «Внешиполитическая доктрина Качиньских официально носила название “исторической”, а ее восточное направление во многом воспроизводило ягеллонскую идею, включая восприятие России как имманентного врага» [Волобуев, 2022а, с. 92].

В польском внешнеполитическом дискурсе традиционно конкурировали две основные концепции, получившие оформление в начале XX в.: «пястовская» и «ягеллонская». В рамках второй из них рождается и оформляется уже в период Второй Речи Посполитой, как ее крайнее выражение, политико-идеологический проект Междуморья, который ныне активно продвигается в современной Польше (см.: [Чернова, 2016]). Таким образом, современная реинкарнация идей «прометеизма» и политического проекта Междуморья тесно связана с консервативно-националистическими идеями возрождения «старых политических подходов»: «Вместо новой “восточной политики” Варшава скорее продемонстрировала преемственность с внешнеполитическими доктринами Первой и Второй Речи Посполитой: ягеллонской идеей и «прометеизмом» Пилсудского... Они теперь не

включали в себя элемент прямой экспансии польского государства, но являлись новой, осовремененной версией старой мессианской идеей — своеобразным «прометеизмом 2.0» [Буневич, 2020, с. 115]. Российский историк Т. А. Симонова, характеризуя специфику обновленной версии польского «прометеизма», особо обращает внимание еще на один примечательный факт: «Современная практика «прометеизма» реализуется в формах гуманитарного воздействия на общество государств Восточной Европы...» [Симонова, 2020, с. 94].

В этих условиях «восточная политика» польского государства, с одной стороны, предстает по сути лишь как производная западного, в том числе североатлантического, вектора политики Польши, а с другой — явилась обновлением традиционного подхода, сложившегося во времена более ранних форм польской государственности — Первой и Второй Речи Посполитой, что нашло свое выражение в реализации стратегии польщизны.

ОФОРМЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ПОЛЬЩИЗНА»

История понятия «польщизна» насчитывает не одно столетие, а его этимология достаточно показательна. Подавляющее большинство славянских языков используют для самоназвания именно слово «язык»: например, польский язык (польск. *język polski*). Но у польского есть и другое название, чаще всего употребляемое в качестве правильного польского языка — «польщизна» (польск. *polszczyzna*): чистый, хороший, отличный, классический, безупречный, правильный польский язык (польск. *czysta, dobra, doskonała, klasyczna, nienaganna, poprawna polszczyzna*). Так, в «Большом словаре польского языка» под редакцией Петра Жмигродзки из Института польского языка Польской академии наук (польск. *Instytut Języka Polskiego PAN*) в качестве варианта его употребления приводится следующее выражение: «*mówić dobrą/polszczyzna*», т. е. говорить на чистом (хорошем) польском языке [*Wielki słownik języka polskiego...*]. В учебниках польского языка понятие *polszczyzna* приведено в пример в качестве абстрактного, отвлеченного существительного, образованного от прилагательного *polksi* (польский) с помощью суффикса *-yzn*, и трактуется там в двух значениях, как «польский язык; совокупность всего истинно польского» [Киклевич, Кожина, 2001, с. 75].

В словарях белорусского языка данное слово не найдено, но зато оно присутствует в современных словарях украинского языка. Согласно толковым украинским словарям, «польщизна» — исторический термин, означающий «польскую народность, язык, дух» (укр. «польські народність, мова, дух») [Великий тлумачний словник..., 2005, с. 1039]. И действительно, этим словом во времена Речи Посполитой на территориях нынешних Украины и Белоруссии обозначали политику доминирования «польскости» во всех областях общественной и культурной жизни, осуществляемую с помощью властных ресурсов государства, которые подкреплялись всей мощью католической церкви в лице польского костела.

Особым образом тема польщизны реактуализировалась уже после вхождения Польши в состав Российской империи. Это произошло на фоне и по результатам польского восстания 1863 г., когда российскими властями была поставлена цель искоренить польщизну — так тогда называли польское вли-

яние — в юго-западном и северо-западном крае, что нашло отражение и в русской политической публицистике, и даже в русской литературе. Так, например, в известном социальном романе XIX в. «В водовороте», который впервые был опубликован в 1871 г. в журнале «Беседа», А. Ф. Писемский, характеризуя идейные метания между оппозиционностью и патриотизмом одного из своих героев — князя Григорова, вводит в текст своего произведения следующее замечание: «Стоять же за польщизну, или, лучше сказать, за польскую шляхту и ксендзов, он считал постыдным для себя» [Писемский, 1959, с. 353]. В примечаниях к тексту произведения, приведенных в 1959 г. в девятитомном собрании сочинений писателя, понятие «польщизна» трактуется редактором издания как «совокупность всего подлинно польского» [Писемский, 1959, с. 461].

В целом политика польщизны имеет своей целью создание предпосылок для восприятия как исторических фактов, так и современной действительности сквозь призму исключительно польских ценностей и интересов. Но, как подчеркивают в своей статье российские исследователи Н. М. Сергеев и А. В. Фадеев, «необходимо отличать политику польщизны от полонизации или ополячивания, поскольку смысл польщизны состоит не в насильственном переделывании белорусов или украинцев в поляков (хотя подобный вариант также не исключается), а в изменении их культурно-цивилизационной принадлежности, т. е. в формировании у белорусского и украинского населения чуждого, а лучше враждебного отношения к России и Русскому миру» [Сергеев, Фадеев, 2020, с. 14].

В современных условиях данная стратегия представляет собой долгосрочную систему не прямых действий, в первую очередь гуманитарного плана, которые призваны в формате «ползучей польскости» решать актуальные задачи «восточной политики» нового польского государства. Эти задачи подпитываются геополитическими устремлениями в духе золотого века Речи Посполитой, в рамках которых упор делается на масштабном искажении сознания и культурных кодов, чтобы тем самым гибко «привязать» население территорий, входивших в прежние времена в зону политического влияния польского государства, к проекту Четвертой Речи Посполитой. Данный политико-идеологический проект начал проводиться в Польше с 2006 г. на государственном уровне: «Именно Я. Качиньский сделал лозунгом “Права и справедливости” построение “четвертой республики”...» [Волобуев, 2020б, с. 84]. По словам исследователей, представители правой партии «Право и справедливость», вернувшиеся во власть в 2015 г. и сохраняющие до сих пор свои позиции после парламентских (2019) и президентских выборов (2021), стратегически стремятся «разрушить прогнившее здание третьей Речи Посполитой и построить четвертую Речь Посполитую» [Лыкошина, 2017, с. 181].

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ ПОЛЬЩИЗНЫ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССИИ

Наиболее рельефно стратегия польщизны проявила себя в этноконфессиональном контексте современной Белоруссии, где была эффективной в первую очередь в западных регионах страны, которые ранее входили в зону так назы-

ваемых кресов восточных — восточных территорий (польск. kresow wschodnich) исторически более ранних форм польского государства: это Гродненская, Брестская, части Минской и Витебской областей. Неслучайно понятие «Малой Польщицны» используется для обозначения особого социокультурного пространства, которое, совпадая с границами «кресов восточных» на территории современной Белоруссии, остается в неотъемлемой частью польского национального сознания: «Польскость как таковая не существует без “кресов” и памяти о них. “Кресовость” (kresowość), как и сотни лет назад, остается конституирующим элементом польского культурного и политического мышления, определяет его ценности и геополитические ориентиры, остается его фантомной болью» [Гулевич, 2018].

Начиная с 90-х годов XX в. и до 2020 г. в рамках реализации данной стратегии на территории Белоруссии в комплексе использовались различные тактические приемы и практики: проведение активной диаспоральной политики, в том числе в формате расширения диаспоры за счет привлечения неофитов по культурно-конфессиональному критерию; разработка программы по выдаче «карт поляка» (польск. Karta Polaka), предоставляющих серьезные преференции их держателям; создание в гражданском поле пропольски ориентированных культурно-просветительских и общественных организаций; развитие студенческого обмена между вузами, а также научных и культурных контактов для продвижения «польскости»; оказание финансовой и медийной поддержки культурным и образовательным проектам, направленным на популяризацию среди белорусского населения польской версии трактовки истории, мемориализацию памяти о «польском периоде» белорусских земель, развитие «польскости» в области топонимики и туризма на территории Белоруссии, а также на расширение изучения и употребления польского языка. Большинство из этих направлений разрабатывались и реализовывались под эгидой комплексно взаимодействующих между собой организаций и институтов: неправительственных фондов (например, Фонд им. Стефана Батория, фонд «Semper Polonia» и др.); структурных подразделений католической церкви в Польше (например, Фонд Иоанна Павла II, фонд «Через границы» и др.); целого ряда польских государственных институтов (от польского Министерства иностранных дел до созданного в 2017 г. польского Национального агентства по академическим обменам (NAWA), которое предоставляет стипендии молодым полякам диаспор для получения высшего образования в польских вузах и совершенствования знания польского языка¹). В рамках данной статьи обратимся к наиболее эффективным, на взгляд автора, из этих практик, выполнявшим особо значимую роль в продвижении стратегии польщицны в этноконфессиональном пространстве современной Белоруссии.

В современном мире прагматика взаимодействия государства со своими диаспорами, в частности в геополитически важных соседних регионах, является многоаспектным фактором национальной безопасности страны-донора

¹ Program im. gen. Wł. Andersa. URL: <https://nawa.gov.pl/studenci/studenci-zagraniczni/programim-gen-andersa> (дата обращения: 26.06.2023).

и требует разработки специальной политики. Как утверждают эксперты в этой области, «современная модель управления диаспорами предполагает вовлечение соотечественников в реализацию политики национального развития государства происхождения» [Варламова и др., 2022, с. 269]. Но внешняя диаспоральная политика современной Польши в соседней Белоруссии имеет ряд специфических особенностей: она прицельно использовалась для достижения геополитических региональных целей и активно развивалась в формате расширения диаспоры, в том числе за счет привлечения в нее неофитов по культурным и конфессиональным критериям.

Согласно переписи населения Республики Беларусь 2019 г., польское меньшинство там насчитывает около 287 693 человек². «Третьей по численности национальностью в Белоруссии являются поляки, более трех четвертей которых проживает в Гродненской области и которые характеризовались в 2009 г. самым низким уровнем урбанизации (61,4%)», — так определяют демографы характер польской диаспоры, которая является вторым по величине меньшинством после русских и составляет на данный момент около 3,1 % от общей численности населения страны [Соколов, 2022, с. 83]. Вместе с тем официально фиксируется постоянное снижение численности польского населения в Белоруссии: если в 1999 г. поляками себя назвали 395,7 тыс. граждан страны, то согласно переписи 2009 г. — уже 294,5 тыс. человек. И этот процесс, по данным последней переписи 2019 г., продолжается, что является результатом как естественной убыли населения, так и изменения этнического самоопределения. Снижение численности польской диаспоры на территории Белоруссии вызывает серьезную озабоченность в самой Польше. Там полагают, что на самом деле польское население Белоруссии составляет более миллиона человек, часть из которых просто утратила свою «польскость», поэтому «инициативы Варшавы направлены прежде всего на возрождение польского духа, польской культуры и польского католицизма на белорусских землях» [Гулевич, 2010].

Большинство исследователей, оперируя этнографическими и историческими данными, рассматривают польское население Белоруссии как этнокультурную или этноконфессиональную группу с достаточно прозрачными границами, которые позволяют осуществлять переход в нее из других «полонофильских» групп населения страны: «...поляков на Беларуси нужно расценивать как автохтонную часть населения, которая при процессе становления национальной идентичности на современной белорусской территории выбрала именно “польский вариант” этнокультурной идентичности» [Ластовский, 2011, с. 122]. Как и любое нацменьшинство, польская диаспора поддерживает активные связи со своим «диаспоральным центром», но при этом в рамках своей геополитической стратегии Польша стремится посредством культурных и конфессиональных ме-

² Статистический бюллетень «Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Республике Беларусь». Минск, 2020. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/471/471b4693ab545e3c40d206338ff4ec9e.pdf?ysclid=liyuwx9yrz765773023> (дата обращения: 10.06.2023).

ханизмов не только планомерно контролировать сложившееся естественным путем диаспоральное сообщество, но и расширять его границы, «конструируя» поляков из автохтонного населения на территории нынешней Белоруссии.

Согласно исследованиям социологов, конфессиональная принадлежность белорусских поляков играет доминирующую, а возможно, и определяющую роль по отношению к этнической принадлежности (по формуле «поляк=католик») [Навуменка, 2002, с. 187]. Поэтому именно инфраструктура Римско-католической церкви в союзе с аффилированными с ней польскими культурно-просветительскими центрами, организациями и СМИ служит каналом конструирования польской идентичности. Католическая церковь в Белоруссии — это прежде всего польский костел, который начиная с 1990-х годов стал главным инструментом продвижения «польскости» в современном белорусском обществе: «С развитием структуры католической церкви в Беларуси, являющейся главной опорой польскости, последовал сильный процесс ее полонизации» [Fedorowicz, 2010, s. 243]. Только во второй половине 1990-х годов иерархи католической церкви несколько скорректировали прежде достаточно агрессивную церковную политику, отказавшись от тотального преобладания как этнических поляков в клире, так и от языкового господства польского в литургии. Но тем не менее целенаправленное продвижение польской культуры, языка, «польскости» во всех аспектах по-прежнему продолжается в католических приходах и в жизни белорусских католических общин. Особенно стоит отметить символичность распространения культа папы Иоанна Павла II (в миру — Кароля Войтылы), первого папы-поляка и главного идейного вдохновителя «качинизма» [Волобуев, 2022а, с. 90], который активно присутствует во всех белорусских костелах. Как отмечает российский исследователь В. Гулевич, «некоторые польские эксперты и политологи настоятельно советуют усилить религиозную составляющую польского присутствия на землях, как Западной Украины, так и Западной Белоруссии, призывая католический клир обращать больше внимания на политику, а не только духовное окормление своей паствы» [Гулевич, 2010].

Еще одним значимым направлением реализации стратегии польщизны в белорусском обществе стало принятие и развитие программы «Карта поляка», идеологом и инициатором которой была правая польская партия «Право и справедливость». В 2007 г. польский Сейм принял закон в отношении людей, имеющих польские корни, но проживающих за пределами Польши, согласно которому гражданам других государств (до 2019 г. только на постсоветском пространстве) начали выдавать так называемую карту поляка. Этот документ подтверждает «принадлежность ее обладателя к польскому народу» и дает целый пакет прав негражданского характера, а также льгот (долгосрочная виза, право на легальное трудоустройство и занятие предпринимательством на территории Польши, право на бесплатное образование и бесплатную экстренную медицинскую помощь, на бесплатное посещение музеев, транспортные льготы и т. д.)³. Впоследствии в закон о карте поляка несколько раз вносились поправки (2016, 2019, 2022 гг.),

³ Ustawa z dnia 7 września 2007 r. o Karcie Polaka (Dz.U. 2007 nr 180, poz. 1280). URL: <https://lexlege.pl/ustawa-o-karcie-polaka/> (дата обращения: 15.06.2023).

которые упрощали ее получение и расширяли права обладателей: например, на данный момент все они могут бесплатно получить вид на жительство в Польше, а еще через год — и польское гражданство, т. е. обладатель такой карты — это потенциальный гражданин Польши [Gońda, Lesińska, 2022, s. 8].

Официально была заявлена основная цель этой программы — поддержка языковых, культурных и даже этических ценностей, так как в преамбуле к закону говорится о необходимости «исполнить моральные обязательства по отношению к полякам на Востоке, которые в силу превратностей нашего Отечества утратили польское гражданство»⁴. Но помимо своей официально декларируемой цели, программа по выдаче карт поляка преследует также достаточно явно экономическую цель, а именно привлечение в Польшу трудовых мигрантов, которые культурно близки к жителям страны (это было обусловлено возросшей миграцией граждан Польши в другие страны ЕС и, как следствие, — недостатком трудовых ресурсов), и уже менее явно — политическую цель, выступая в качестве инструмента «мягкой силы» Польши на территории ее бывших «восточных кресов» [Gobert, 2012, p. 27]. Согласно польской официальной статистике, с 2008 по 2021 г. всего было выдано 350 017 таких карт, при этом именно гражданам Белоруссии их выдали больше всего — 161 861 получателей, на втором месте Украина — 146 628 получателей, на третьем — Литва и Россия (9663 и 9037 получателей соответственно) [Gońda, Lesińska, 2022, p. 10].

Для получения карты нужно, во-первых, подтвердить, что у заявителя есть польские корни по восходящей линии; во-вторых, какая-нибудь польская общественная организация должна предоставить справку, что в течение трех последних лет заявитель активно действовал во благо польского языка, культуры или польского национального меньшинства; и, в-третьих, нужно показать базовые навыки владения польским языком и знание основ польских традиций и обычаев. Но поскольку первый и второй пункты работают по принципу «либо первое, либо второе, либо оба сразу», то это создало условия для получения карт соискателями, которые не являются этническими поляками или не считают себя таковыми, но при этом рассчитывают воспользоваться всеми правами и льготами, предоставляемыми картой поляка (в первую очередь для получения бесплатной шенгенской визы). Тем не менее, несмотря на свои «болевые» точки, на которые обращают внимание критики внутри самой Польши, как справа, так и слева, данная программа является важным инструментом не только поддержания польской идентичности, но и расширения «польского мира» на «восточных территориях» за счет коренного населения — через систему приобщения к польской культуре и языку, а также через позицию политической лояльности польским интересам, поскольку документ может быть аннулирован при несоблюдении этой лояльности. Белорусские власти вынуждены были реагировать на эту ситуацию, внося через Конституционный суд некоторые ограничения прав для граждан, получивших карту поляка⁵.

⁴ Ibid.

⁵ Рашэнне Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь ад 7 красавіка 2011 г. № П-258/2011 «Аб пазіцыі Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь па Закону Рэспублікі Польшча «Аб Кар-

Особое место в стратегии польщизны занимает популяризация в белорусском обществе польской версии трактовки истории и мемориализация памяти о «польском периоде» белорусских земель, поскольку «восточная политика» Польши, традиционно отягощенная фантомами прошлого, в период прихода там к власти правых сил приобрела характер именно «исторической» политики. В условиях характерного для Белоруссии с начала 1990-х годов мозаичного сосуществования конкурирующих проектов политики памяти, которое приводило к гибриднему наслоению различных моделей национальной идентичности, пропольский нарратив получил там серьезное развитие внутри проекта белорусского национализма [Полякова, 2019, с. 205–206].

Данный нарратив идеологически, финансово и медийно активно подпитывался в рамках стратегии польщизны на различных уровнях (официальном и неофициальном) польской стороной. Польским министерством культуры и национального наследия был разработан целый ряд программ для защиты и продвижения мемориализации польской культуры, в том числе и на «восточных территориях»: например, программа «Национальные мемориальные объекты за рубежом», которая имеет целью «обеспечение достойного места упокоения наших погибших и убитых, а также забота и уход за местами захоронения, расположенными за пределами страны»⁶, а также программа «Защита польского культурного наследия за рубежом», которая реализуется под эгидой Национального института польского культурного наследия за рубежом POLONIKA (польск. Narodowy Instytut Dziedzictwa) с целью «улучшения состояния сохранения и укрепления охраны культурного наследия, находящегося за пределами польской республики, а также распространения знаний о нем»⁷. Реализация подобных программ и других проектов привела к тому, что в последние годы в Белоруссии можно было наблюдать активизацию практик коммеморации отдельных элементов истории Речи Посполитой и польского повстанческого движения на западных окраинах Российской империи: восстановление сакральных объектов римско-католической церкви, усадеб и замков польской шляхты и создание на их основе музейных комплексов (например, Мирский и Несвижский замки, а также усадьбы лидера польского восстания 1794 г. Тадеуша Костюшко и активного участника польского восстания 1863 г. Наполеона Орды в Брестской области); установка памятников и памятных знаков видным политическим фигурам того периода; мемориализация воинских и гражданских захоронений различных периодов польского присутствия и т. д. [Полякова, 2019, с. 208–209].

В целом подобная практика представлялась бы вполне нормальным в общекультурном смысле явлением, если бы проблема не заключалась в идейном наполнении и самом контексте подачи материала. Элементы белорусской

це паляка». URL: <http://www.kc.gov.by/be/document-24283?ysclid=lj1vqzzhda822475220> (дата обращения: 20.06.2023).

⁶ Miejsca pamięci narodowej za granicą. URL: <https://www.gov.pl/web/kultura/miejsca-pamieci-narodowej-za-granica4> (дата обращения: 17.06.2023).

⁷ Ochrona polskiego dziedzictwa kulturowego za granicą. URL: <https://www.gov.pl/web/kultura/ochrona-dziedzictwa-kulturowego-za-granica2> (accessed: 17.06.2023).

истории, связанные с Речью Посполитой, подавались в научном и публицистическом дискурсах, в учебных материалах по истории страны, в системе экскурсионного и информационного обслуживания туристов не критически, а исключительно в позитивно-ностальгическом ключе, в формате утраченного золотого века, вплоть до создания из польских деятелей в области культуры и политики национальных белорусских героев (например, культ магнатов Радзивиллов). Таким образом, начиная с 1990-х и вплоть до 2020 г., когда проблема приобрела уже угрожающий для национальной безопасности характер, идеология польщизны постепенно встраивалась в сам культурно-исторический комплекс белорусской национальной идентичности, заняв там чуть ли не центральное место: «...лишившись по итогам последних веков реального политического контроля над территориями на Востоке, Варшава все же пытается вернуть свое влияние над ними, используя для этого в том числе историко-культурный фактор» [Буневич, 2016, с. 26]. В таких условиях, как отмечают исследователи, все попытки белорусских официальных властей, предпочитавших многовекторный подход, купировать эту опасную для национального суверенитета тенденцию оказывались несвоевременными и малоэффективными [Сергеев, Фадеев, 2018, с. 109].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате достаточно успешного использования стратегии польщизны за 90-е годы XX — первые десятилетия XXI в. в Белоруссии была сформирована пропольски ориентированная, иногда даже вне привязки к этнической принадлежности, часть населения, которая во многом стала опорой и ядром актива для дальнейших манипулятивных действий уже в политическом плане. Это наглядно показали события вокруг президентской кампании 2020 г., где в подготовке и координации протестных акций, по мнению как самого руководства Республики Беларусь [Лукашенко..., 2020], так и многих исследователей [Циткилов, 2021, с. 30–31], отчетливо присутствовал «польский след».

Изучение специфического опыта реализации данной политической стратегии в белорусском контексте полезно в современных условиях для оценки эффективности проекта Союзного государства России и Белоруссии, а также определения проблемных зон интеграции и союзнического взаимодействия. Например, одной из самых проблемных зон остается историческая политика, поскольку политизация прошлого однозначно «способствует переводу исторических нарративов и национально-государственной идентичности в плоскость проблем международной и национальной безопасности» [Мушта, 2021, с. 88]. В перспективе обращение к современному опыту реализации польщизны в Белоруссии может способствовать выстраиванию Россией более гибкой комплексной стратегии в данном регионе, где ей традиционно приходится конкурировать с имеющими между собой достаточно тонкую грань проектами «мягкой» и «жесткой» силы других геополитических игроков.

Литература

Беспалов А. С. Польская восточная политика после 1989 г. // Россия и современный мир. 2007. № 2 (53). С. 52–69.

Буневич Д. «Восточная политика» Гедройца-Мерошевского или «прометеизм 2.0»? // Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020 / под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой. М.: Кучково поле, 2020. С. 107–115.

Буневич Д. С. Польская диаспора как инструмент «мягкой силы» Варшавы на Востоке // Конфликтология / NOTA VENE. 2016. № 1(6). С. 20–28.

Варламова Н. В., Васильева Т. А., Сорокина Е. А., Талапина Э. В., Чехарина В. И. Диаспоры и государства происхождения: позитивный опыт взаимодействия // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2022. № 2. С. 267–296.

Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / уклад. І голов. ред. В. Т. Бусел. К.; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. 1728 с.

Волобуев В. В. Качинизм как польская версия великодержавного консерватизма // Свободная мысль. 2022а. № 1. С. 89–104.

Волобуев В. В. Ярослав Качиньский и Дональд Туск — два лица польского консерватизма // Новая элита в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: политические портреты. Конец XX — начало XXI в. / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022б. С. 81–98.

Гулевич В. Диаспоральная политика Польши на «Восточных территориях» (Украина, Беларусь) // ИА «Россия и соотечественники». 2010. URL: <http://geopolitica.ru/Articles/933> (дата обращения: 15.06.2023).

Гулевич В. Польские «восточные территории» как идеологический конструкт // Международная жизнь. 2018. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19715?ysclid=lj2z0fw1qq689763722> (дата обращения: 10.06.2023).

Киклевич А. К., Кожина А. А. Польский язык. 2-е изд., стер. Минск: ТетраСистемс, 2001. 320 с.

Ластовский А. Л. Этнокультурная идентичность поляков в Беларуси // Социология. 2011. № 1. С. 121–129.

Лукашенко раскрыл польский заговор против Белоруссии // ИА «Регнум». 27 ноября 2020. URL: <https://regnum.ru/news/3127156?ysclid=livq2n4c5k825204889> (дата обращения: 03.06.2023).

Лыкошина Л. С. Политическая элита современной Польши // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 2. С. 169–186.

Мальгин А. В. Россия и Польша: сквозь призму «восточной политики» Евросоюза // Восточная Европа. Перспективы. 2011. № 2. С. 6–19.

Мушта А. А., Растимешина Т. В. Трансформации концепций национальной безопасности Беларуси и России и историческая политика: содержательные аспекты // ЭСГИ. 2021. № 3 (31). С. 87–99.

Навуменка Л. Этнічная ідэнтычнасць палякаў на Беларусі // Гістарычны альманах. 2002. № 6. С. 181–192.

Неменский О. Б. Русофобия как идеология // Вопросы национализма. 2013. № 1 (13). С. 26–65.

Писемский А. Ф. В водовороте // Писемский А. Ф. Собр. соч.: в 9 т. / [вступ. статья, подгот. текста и примеч. М. П. Еремина]. М.: Правда, 1959. Т. 6. 462 с.

Польша в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. 952 с.

Полякова Н. В. К вопросу о символических аспектах современной белорусской политики памяти национализм vs западнорусизм // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 205–212.

Сергеев Н. М., Фадеев А. В. Активизация внешней политики Польши в Республике Беларусь // Постсоветский материк. 2020. № 1 (25). С. 4–31.

Сергеев Н., Фадеев А. Этнокультурный и политический аспекты фальсификации истории в Республике Беларусь // Постсоветский материк. 2018. № 1 (17). С. 90–113.

Симонова Т. М. «Прометеизм» в польском сознании: теория и практика // Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020. М.: Кучково поле, 2020. С. 74–106.

Соколов А. С. Оценка достоверности результатов переписи населения 2019 года в Белоруссии на основе анализа изменений в этнолингвистическом составе населения // Демографическое обозрение. 2022. № 4. С. 61–103.

Чернова А. В. Роль Польши в восточной политике ЕС / под ред. А. В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2016. 176 с.

Чернова А. В. «Восточная политика» Польши: от концепции «УЛБ» до «Восточного партнерства» // Вестник МГИМО. 2013. № 6 (33). С. 15–24.

Циткилов П. Я. Общественная дестабилизация в Беларуси конца лета — осени 2020 г., ее внешнеполитические факторы // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 18–26.

Шумилин А. И. Европейская политика соседства: время потрясений // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 4. С. 86–92.

Goibert S. Karta Polaka: in the interest of “Polonia” or Poland? // Ethnicity. 2012. No. 6. P. 25–40.

Gońda M., Lesińska M. Ewolucja Karty Polaka jako instrument polityki państwa. 2022. URL: <https://www.migracje.uw.edu.pl/wp-content/uploads/2022/05/CMR-WP-Gonda-Lesinska-2022-1.pdf> (дата обращения: 08.06.2023).

Fedorowicz K. Polityka Polski wobec Rosji, Ukrainy i Białorusi w latach 1989–2010. Poznań: Adam Mickiewicz University Press, 2011. 343 s.

Mieroszewski J. Rosyjski «komplex polski» i obszar ULB // Mieroszewski J. Finał klasycznej Europy. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 1997. S. 352–378.

Strzelczyk J. Ucieczka ze wschodu: Rosja w polskiej polityce, 1989–1993. Warszawa: Rytm, 2002. 487 s.

Wielki słownik języka polskiego PAN. URL: https://wsjp.pl/haslo/do_druku/41296/polszczyzna (дата обращения: 17.06.2023).

Полякова Наталья Валерьевна — канд. филос. наук, доц.; belnata70@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 21 июня 2023 г.;

рекомендована к печати: 8 сентября 2023 г.

Для цитирования: Полякова Н. В. Стратегия польшизмы в этноконфессиональном контексте: социокультурные и политические аспекты (на примере Белоруссии) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19, № 4. С. 619–633.
<https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.408>

THE STRATEGY OF “POL’SHCHIZNA” IN THE ETHNO-CONFESSIONAL CONTEXT: SOCIOCULTURAL AND POLITICAL ASPECTS (ON THE EXAMPLE OF BELARUS)*

Natalia V. Poliakova

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 190034, Russian Federation; belnata70@yandex.ru

The author makes an attempt, based on the work of modern domestic and foreign researchers, to give a systematic description of the strategy of “pol’shchizna”, to determine the specifics of its use in the modern Belarusian ethno-confessional context, as well to reveal the role of this strategy at the beginning of the XXI century. This strategy is considered as a long-term system of indirect actions, primarily of a humanitarian plan, which are designed to solve the tasks of

* Work was supported by the Russian Science Foundation (grant No 24-28-01309), <https://rscf.ru/project/24-28-01309/>.

the “eastern policy” of the modern Polish state in the format of a comprehensive promotion of “Polishness”. The article traces the design of the concept of “pol’shchizna”, identifies the goal-setting ideological characteristics and cultural and historical prerequisites of this strategy, and also examines the main directions and the most successful practices of its implementation in the ethno-confessional context of modern Belarus. It is concluded that in Belarus in the 1990s — the first decades of the 21st century, a pro-Polish-oriented part of the population was formed, which in many ways became a support for further manipulative actions already in political terms, which was clearly shown by the events around the presidential campaign of 2020. It is argued that referring to the specific experience of implementing this political strategy is useful in modern conditions from the point of view of evaluating the effectiveness of the project of the Union State of Russia and Belarus, as well as developing Russia’s own strategy in relation to this region.

Keywords: strategy of *pol’shchizna*, ethno-confessional context, *eastern politics*, Poland, Belarus.

References

- Bespalov A. S. Polish Ostpolitik after 1989. *Rossia i sovremennyi mir*, 2007, vol. 2 (53), pp. 52–69. (In Russian)
- Bunevich D. “Eastern Politics” by Gedroits-Meroshevsky or “Prometheism 2.0”? *Poland in the struggle for Eastern Europe 1920–2020*. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2020, pp. 107–115. (In Russian)
- Bunevich D. S. Polish diaspora as an instrument of Warsaw’s “soft power” in the East. *Konfliktologiya / NOTA BENE*, 2016, no. 1 (6), pp. 20–28. (In Russian)
- Chernova A. V. *The role of Poland in the Eastern policy of the EU*. Moscow: Aspekt Press, 2016. 176 p. (In Russian)
- Chernova A. V. “Eastern Policy” of Poland: from the concept of “ULB” to the “Eastern Partnership”. *Vestnik MGIMO*, 2013, no. 6 (33), pp. 15–24.
- Fedorowicz K. *Polityka Polski wobec Rosji, Ukrainy i Białorusi w latach 1989–2010*. Poznan: Adam Mickiewicz University Press, 2011. 343 p.
- Goibert S. Karta Polaka: in the interest of “Polonia” or Poland? *Ethnicity*, 2012, no. 6, pp. 25–40.
- Gońda M., Lesińska M. *Ewolucja Karty Polaka jako instrument polityki państwa*. 2022. Available at: <https://www.migracje.uw.edu.pl/wp-content/uploads/2022/05/CMR-WP-Gonda-Lesinska-2022-1.pdf> (accessed: 08.06.2023).
- Gulevich V. Poland’s Diaspora Policy in the “Eastern Territories” (Ukraine, Belarus). *Rossia i sootchestvenniki*. 2010. Available at: <http://geopolitica.ru/Articles/933> (accessed: 15.06.2023). (In Russian)
- Gulevich V. Polish “Eastern Territories” as an Ideological Construct. *International Affairs*, 2018. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/19715?ysclid=lj2z0fw1qq689763722> (accessed: 10.06.2023). (In Russian)
- Kiklevich A. K., Kozhinova A. A. *Polish language*. Minsk: TetraSystems Publ., 2001. 320 p. (In Russian)
- Lastovskii A. L. Ethnocultural identity of Poles in Belarus. *Sotsiologiya*, 2011, no. 1, pp. 121–129. (In Russian)
- Lukashenko revealed the Polish conspiracy against Belarus. *Regnum*, 2020, November 27. Available at: <https://regnum.ru/news/3127156?ysclid=livq2n4c5k825204889> (accessed: 03.06.2023). (In Russian)
- Lykoshina L. S. The political elite of modern Poland. *Aktual’nye problemy Evropy*, 2017, no. 2, pp. 169–186. (In Russian)
- Mal’gin A. V. Russia and Poland: through the prism of the “Eastern policy” of the European Union. *Vostochnaia Evropa. Perspektivy*, 2011, no. 2, pp. 6–19. (In Russian)
- Mieroszewski J. Rosyjski “komplex polski” i obszar ULB. Mieroszewski J. *Finał klasycznej Europy*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 1997, pp. 352–378.

Mushta A. A., Rastimeshina T. V. Transformations of the National Security Concepts of Belarus and Russia and Historical Politics: Substantive Aspects. *ESGI*, 2021, no. 3 (31), pp. 87–99. (In Russian)

Navumenka L. Ethnic identity of Poles in Belarus. *Gistarychny al'manakh*, 2002, no. 6, pp. 181–192. (In Belarusian)

Nemenskii O. B. Russophobia as an ideology. *Voprosy natsionalizma*, 2013, no. 1 (13), pp. 26–65. (In Russian)

Pisemskii A. F. In a whirlpool. Pisemskii A. F. *Collected Works*, in 9 vols., vol. 6. Moscow: Pravda Publ., 1959. 462 p. (In Russian)

Poland in the 20th century: Essays on political history. Moscow: Indrik Publ., 2012. 952 p. (In Russian)

Poliakova N. V. On the question of the symbolic aspects of the modern Belarusian politics of memory nationalism vs Western Russianism. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2019, no. 52, pp. 205–212. (In Russian)

Sergeev N. M., Fadeev A. V. Activation of Poland's foreign policy in the Republic of Belarus. *Postsovetskii materik*, 2020, no. 1 (25), pp. 4–31. (In Russian)

Sergeev N. M., Fadeev A. V. Ethno-cultural and political aspects of the falsification of history in the Republic of Belarus. *Postsovetskii materik*, 2018, no. 1 (17), pp. 90–113. (In Russian)

Shumilin A. I. European Neighborhood Policy: A time of upheaval. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, 2020, no. 4, pp. 86–92. (In Russian)

Simonova T. M. "Prometheism" in the Polish Mind: Theory and Practice. *Poland in the struggle for Eastern Europe 1920–2020*. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2020, pp. 74–106. (In Russian)

Sokolov A. S. Assessing the reliability of the results of the 2019 population census in Belarus based on an analysis of changes in the ethnolinguistic composition of the population. *Demograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 4, pp. 61–103. (In Russian)

Strzelczyk J. *Uciezka ze wschodu: Rosja w polskiej polityce, 1989–1993*. Warsaw: Rytm, 2002. 487 p.

Tsitkilov P. I. Social destabilization in Belarus in late summer — autumn 2020, its foreign policy factors. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, 2021, no. 1, pp. 18–26. (In Russian)

Varlamova N. V., Vasil'eva T. A., Sorokina E. A., Talapina E. V., Chekharina V. I. Diasporas and States of origin: Positive experience of interaction. *RUDN Journal of Law*, 2022, no. 2, pp. 267–296. (In Russian)

Velikii tлумachnii slovník suchasnoï ukráíns'koï movi, ed. by V. T. Busel. Kyiv; Irpin: Perun Publ., 2005. 1728 p. (In Ukrainian)

Volobuev V. V. Jarosław Kaczyński and Donald Tusk — Two Faces of Polish Conservatism. *The new elite in the countries of Central and South-Eastern Europe: Political portraits. Late XX — early XXI century*, ed. by K. V. Nikiforov, Moscow: Institute of Slavic Studies RAS Publ.; St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ, 2022, pp. 81–98. (In Russian)

Volobuev V. V. Kachinism as a Polish version of great power Conservatism. *Svobodnaia mysl'*, 2022, no. 1, pp. 89–104. (In Russian)

Wielki słownik języka polskiego PAN. Available at: https://wsjp.pl/haslo/do_druku/41296/polszczyzna (accessed: 17.06.2023).

Received: June 21, 2023

Accepted: September 8, 2023

For citation: Poliakova N. V. The strategy of “pol'shchizna” in the ethno-confessional context: Sociocultural and political aspects (on the example of Belarus). *Political Expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 619–633. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.408> (In Russian)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ «КАТАСТРОФА» РОССИЙСКИХ ФИННО-УГРОВ: СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ ДРЕЙФА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Ю. П. Шабает

Коми научный центр Уральского отделения РАН,
Российская Федерация, 167982, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 24

Итоги переписи населения 2020–2021 гг. показали резкое и значительное снижение численности финно-угорских народов России. Например, численность карел сократилась на 46,7%, коми-пермяков — на 41%, мордвы — на 35% (в 1939 г. численность мордвы составляла 1375 тыс. чел, в 2021 — 484 тыс.). Масштабное сокращение численности финно-угров между переписями 2010 и 2021 гг. позволило некоторым местным этническим активистам говорить о «демографической катастрофе», «вымирании народов». Идея «вымирания» стала активно эксплуатироваться на рубеже 1980–1990-х годов и явилась основанием для формирования этнонациональных движений, программы которых строились на концепте «возрождения народов». В Коми был создан Комитет возрождения коми народа, в Мордовии возникло общество «Вельмена» («Возрождение»). Лидеры этнических и этнополитических организаций стремились выступать не только как культуртрегеры, но и как моральные цензоры, как для собственных этнических групп, так и для региональных сообществ в целом. Но их миссия провалилась, ибо этнические антрепренеры не только не смогли стать лидерами общественного мнения в регионах проживания финно-угров, но оказались неспособны к разработке действенных программ этнокультурного развития, что и выявили итоги переписи. Кроме того, перепись показала, что превращение финно-угорских этнических групп из аграрных в городские этносы приводит к очевидному усилению процессов индивидуальной интеграции в принимающие городские сообщества, в которых доминантной группой являются русские, а русский язык преобладает во всех сферах коммуникаций.

Ключевые слова: финно-угры, демография, идентичность, ассимиляция, этнополитика.

Постсоветские переписи во многом обоснованно подвергались критике специалистов и общественности. Эта критика касается как практики подготовки и проведения переписных кампаний, так и интерпретации их итогов. Перепись 2020–2021 г. не была безупречной: ее итоги оцениваются многими специалистами весьма критически, и на то есть основания. Тем не менее результаты последней переписи при всех издержках переписной кампании — единственный официальный источник информации, который с достаточно высокой долей достоверности характеризует динамику демографических изменений и этнокультурные процессы, происходящие в стране. Именно на анализе последних будет сосредоточено внимание в данной работе, при этом объектом анализа являются республики с финно-угорским населением, которые местные

власти и этнические активисты нарекли в начале 1990-х «финно-угорскими регионами», а предметом осмысления — не только трактовка данных переписи, но и рассмотрение демографических изменений в увязке с региональными социальными и этнополитическими процессами.

ФЕНОМЕН «ОТКАЗНИКОВ» И СОВЕТСКАЯ ПРАКТИКА ФИКСАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Стоит заметить, что многие эксперты, особенно в республиках, избегают ныне давать оценки последней переписи, поскольку ее результаты оказались во многом не такими, как ожидалось, и вызывают острые публичные дискуссии, не способствующие беспристрастной и неполитизированной оценке ее итогов. Кроме того, исследователей настораживает, что по результатам переписи оказалась очень велика доля тех, кто, по трактовке статистиков, «отказался указывать национальность», т. е. свою принадлежность к определенному культурно-языковому сообществу [Число россиян..., 2023].

Оценивая результаты переписи, характеризующие национальный (этнический) состав населения страны в целом и отдельных ее регионов в частности, вряд ли стоит драматизировать якобы наметившуюся тенденцию к отказу от указания этнической принадлежности. Конечно, если сравнивать число «отказников» с предыдущими переписями, то оно может выглядеть весьма значительным и трактоваться как свидетельство недостатков прошедшей переписной кампании: во время переписи 2002 г. «отказников» было 1,5 млн чел., в 2010 г. — 5,6 млн, в 2021 г. таковых оказалось 16,6 млн чел. [Всероссийская перепись...]. Но этот общий показатель заслуживает более детального рассмотрения, так как сама структура «группы отказников» говорит о многом.

Так, в этой группе значится 1 млн 150 тыс. чел., которые в графе национальность переписных листов указали гражданский определитель «россиянин», что во много раз больше, чем в 2010 г. Оценивать этот выбор как отказ от фиксации этнической принадлежности вряд ли корректно: люди просто указывают на то, что для них теперь существует единственно верная форма культурной идентичности, которая совпадает с политонимом. И данный показатель свидетельствует о том, что специфическое понимание термина «национальность», который стал широко применяться начиная с переписи населения 1926 г., утрачивает не только прежний смысл, но и свою общественную значимость. Впрочем, надо заметить, что политизация идеи национальности, трактуемой не как принадлежность к гражданскому сообществу, а исключительно как солидарность с культурно-языковыми группами, началась сразу же после большевистского переворота в октябре 1917 г., когда в структуре советского правительства появляется Народный комиссариат по делам национальностей. Следующим этапом политизации этничности стала практическая реализация политического лозунга большевиков о необходимости «размежевания народов» России, который являлся информационным выражением доктрины этнического национализма, взятой ими на вооружение. Согласно этой доктрине, этнические и административные границы в стране должны совпадать, а для каждой этнической группы

необходимо создать собственное национально-государственное образование, в рамках которого она объявлялась «коренным народом», а все остальные граждане — «некоренным населением». При этом «коренной народ» не только становился символическим собственником территории национально-государственного образования и потому позднее стал именоваться «социалистической нацией», но имел право на политические и иные преференции [Тишков, 1993]. На практике размежевание народов означало ломку старого административно-территориального деления страны, создание многочисленных и различающихся по статусу этнических автономий [Государство наций..., 2011]. Этот процесс в целом был завершён созданием в 1922 г. СССР, хотя формирование и изменение статусов новых этнических автономий (включая их ликвидацию или восстановление) продолжалось ещё три десятилетия.

Советский Союз стал уникальной этнической федерацией, где этнические и административные границы условно совмещались, но их установление не имело под собой научной основы, поскольку идея создания племенной карты страны была озвучена только в 1924 г., а реализована она была несколькими годами позже. И что ещё более важно — ни одна из этнических автономий не была создана в результате акта самоопределения, хотя принятая на съезде советов в ноябре 1917 г. «Декларация прав народов России» предоставляла всем этническим сообществам право на суверенитет, а идеолог большевизма и «основатель Советского государства» В.И. Ленин в своей статье по национальному вопросу, судя по его комментариям, считал удачным примером решения «национального вопроса» референдум о независимости Норвегии, проведенный в 1905 г. [Ленин, 1969, с. 292–293]. Но вместо самоопределения территорий и населявших их территориальных сообществ путем общенародных референдумов в Советской России использовали декларативную форму создания «социалистических наций», быстро сломав сверху прежнюю систему административно-территориального устройства страны. При этом идея нации и гражданина как равного партнера государства в государствах-нациях была успешно замещена идеей национальности, понимаемой как лояльность человека не сообществу граждан, а только лишь своей культурно-языковой группе.

Институционализация и политизация этничности сопровождалась ее огосударствлением [Губогло, 1995], суть которого сводилась к тому, что все граждане официально прикрепляются к определенной этнической группе, т. е. в государственных документах строго обязательно фиксируется принадлежность к определенной культурно-языковой группе. Первым шагом на этом пути было проведение всеобщей переписи населения 1926 г., когда стала учитываться этническая принадлежность граждан, именуемая национальностью (при этом переписываемые граждане не понимали, что означает эта категория), а окончательно эта практика закрепилась после введения в 1932 г. общегражданских паспортов, в которых графа «национальность» стала обязательной, как и в личных анкетах граждан.

Иными словами, большевики создали систему социального и политического маркирования граждан и территорий, которая, во-первых, нарушала принцип равенства субъектов, во-вторых, ломала идею конституционного равенства

граждан и приводила к очевидному противоречию между этничностью и гражданством.

Возвращаясь к итогам переписи, прежде всего надо заметить, что существенный рост тех, кто «отказался указать» свою этническую принадлежность во время переписи 2021 г., на наш взгляд, есть свидетельство того, что начался кризис прежнего восприятия этнической маркировки граждан. Именно таким образом можно классифицировать тот факт, что около 7 млн чел. просто отказались указывать свою этническую принадлежность (из 16,6 млн «отказников»). Можно предположить, что для них такая форма идентификации является уже неактуальной либо невозможной в силу сложного этнического состава родственного окружения и/или семейной родословной. Наконец, еще полмиллиона «отказников» предложили свои формы этнической идентификации, которые могли быть пародией на фиксацию этнической принадлежности, но могли быть личным творчеством, когда человек самостоятельно пытался фиксировать сложный характер своих связей с разными культурно-языковыми группами, или региональными маркерами, которые воспринимаются людьми как этнонимы, но официально таковыми не признаются, например, региональный определитель «сибиряк». Часть респондентов придумывала некие несуществующие этнонимы, *пародируя саму идею этнической маркировки граждан*, особенно в этом преуспели представители молодого поколения. Остальные несколько миллионов — это те, кто не открывал двери и чьи данные вносились в переписные листы из других официальных источников.

ЕСТЬ ЛИ ПРИЗНАКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ?

Обратимся к анализу демографических показателей, характеризующих численность этнических групп и характер языковой идентификации. И наверное, начнем с самых шокирующих из них. Если оценивать сугубо арифметические показатели, то они действительно удивляют: между переписями 2010 и 2021 гг., т. е. за одно десятилетие, численность карел сократилась на 46,7 %, коми-пермяков — на 41,0 %, мордвы — 34,9 %, удмуртов — 30,0 %, вепсов — 23,6 %, коми — 37,1 %, марийцев — 22,3 %. Это означает, что этническая маркированность республик с финно-угорским населением становится все менее обособленной.

И власти, и этнические активисты с начала 1990-х годов стали называть республики с финно-угорским населением «финно-угорскими республиками/регионами», нисколько не смущаясь тем, что этнический состав населения никак не позволял осуществлять «символическую приватизацию» этих регионов какой-либо одной этнической группой. Итоги всех переписей населения начиная с 1959 г. никак не позволяют определять их как «финно-угорские» (табл. 1). Эти республики являются полиэтничными по составу населения. Результаты последней переписи делают некорректными любые попытки акцентировать внимание не на поликультурности республик, а на демонстрации их символической принадлежности этнически привилегированный группе населения.

Таблица 1. Доля титульного населения в составе республик с финно-угорским населением по данным переписей населения, %

Регион	1939	1959	1979	1989	2002	2010	2021
Карелия	23,2	13,1	11,1	10,0	9,2	7,1	5,5
Коми	72,5	30,1	25,3	23,3	25,2	22,5	22,2
Марий Эл	47,2	43,1	43,5	43,3	42,9	41,8	40,1
Мордовия	34,1	35,7	34,3	32,5	31,9	29,3	38,7
Удмуртия	39,4	35,6	32,2	30,9	29,3	27,0	24,1

Данные об этническом составе надо рассматривать в контексте динамики численности населения указанных республик. Стоит заметить, что численность их населения на протяжении всего советского периода постоянно росла. Поэтому оценивать современную демографическую ситуацию в указанных регионах уместно, сравнивая показатели, зафиксированные переписью 2021 г., с показателями последней советской переписи 1989 г. За данный период наибольшее сокращение численности населения зафиксировано в двух из пяти республик с финно-угорским населением — Коми и Карелии. В первой за указанный период она сократилась на 41,5% (с 1261,0 до 747,3 тыс. чел.) во второй — на 32,6% (с 791,3 до 533,1 тыс. чел.). Сокращение численности населения связано со сложной социально-экономической ситуацией, которая имеет место в обеих республиках, неясными перспективами их развития и другими факторами, стимулирующими устойчивый отток жителей из данных регионов. Оценка социально-экономической ситуации и общественных настроений, складывающихся в молодежной среде Коми и Карелии, позволяет делать крайне пессимистические прогнозы по поводу возможностей улучшения ситуации в этих регионах [Молодежь..., 2022]. Еще в двух республиках, которые считаются аграрными регионами — Марий Эл и Мордовии, — сокращение населения тоже имело место, но оно не столь значительно: соответственно 10,3% (с 749,4 до 672,1 тыс. чел.) и 18,7% (с 964,1 до 783,5 тыс. чел.). В Удмуртии, считающейся урбанизированным и индустриально развитым регионом, отмечено наименьшее сокращение численности населения за период с 1989 по 2021 гг. — 9,7%. Существенный потенциал для массового оттока населения в другие регионы страны есть не только в Коми и Карелии, но и в Марий Эл и Мордовии, где самый высокий уровень бедности в ПФО, ибо пятая часть семей здесь имеет доход ниже уровня прожиточного минимума. Свои проблемы есть и в Удмуртии, а потому относить ее к вполне благополучным регионам тоже неверно [Молодежь..., 2022].

Но сравнивая итоги переписи 2021 г. и предыдущих переписей, важно заметить, что ни сокращение численности финно-угров, ни значительный отток населения из ряда «национальных республик» никак не сказался на этнических пропорциях населения, т. е. не привел к увеличению или сокращению доли титульных этнических групп. Единственным исключением является Республика Мордовия. Здесь еще во время предыдущей переписи 2010 г. 50 тыс. русских совершенно немотивированно сменили свою этническую принадлежность

и стали мордвинами, а между переписями 2010 и 2021 гг. доля титульного населения республики каким-то образом возросла почти на 10% (см. табл. 1), хотя демографические изменения, т. е. сокращение численности населения региона на 50 тыс. чел. в межпереписной период, никак не создавали условий для столь значительного роста доли мордвы в составе населения региона. При этом если в Коми в «отказниках» числятся 22,5% респондентов, то в Мордовии — лишь 4,2%. Никак не согласуется столь значительный рост доли мордвы и с зафиксированным характером этнокультурных процессов, общественными настроениями, имеющие место в Мордовии [Молодежь..., 2022], с общим сокращением численности мордвы. Все вышесказанное позволяет усомниться в достоверности данных, свидетельствующих о существенном росте доли титульной группы в этой поволжской республике. Но стоит заметить, что *изменение этнодемографических пропорций в субъектах Поволжского региона обычно политизируется* и вызывает острые публичные дискуссии с участием ученых, политиков и этнических активистов, а значит, фактор политического давления на работу органов статистики здесь может иметь серьезное значение.

Можно ли расценивать опубликованные итоги как свидетельство некой «этнодемографической катастрофы» или «вымирания финно-угорских народов», как их пытаются трактовать радикально настроенные представители этнических организаций и часть национальной интеллигенции?

Такого рода трактовки в региональном информационном пространстве имели место и после опубликования итогов переписи 2010 г., имеют место они и ныне. Но в отношении подобного восприятия *цифровых показателей* есть несколько возражений.

Во-первых, наши опросы студенческой молодежи, проведенные во всех «финно-угорских республиках» в 2017–2021 гг., показали, что этничность сохраняет свое значение для большинства молодых людей, но в основном как форма памяти о предках и как форма тождества со своим культурным наследием, хотя, безусловно, общероссийская гражданская (или политическая) идентичность сегодня для них более актуальна. Этничность не занимает первого места в ряду социальных идентичностей, но никуда не исчезает, и ее инструментальное значение остается высоким, поэтому среди молодежных блогеров в республиках появилась прослойка, которая именуется этноблогерами и занимается эксплуатацией этнической темы, а весьма значительная доля молодых респондентов, понимая опасность политизации этничности в республиках, считает вполне реальной угрозой межэтнических конфликтов.

Во-вторых, о «вымирании» можно говорить лишь тогда, когда перестают работать культурно-языковые механизмы интеграции внутри этнических сообществ. При этом уровень языковых компетенций здесь не является решающим. Но стоит подчеркнуть, что характер функционирования финно-угорских языков специфичен, ибо уже данные микропереписи населения 1994 г. показали, что в семье общались на русском языке 987 вепсов из каждой тысячи, 825 карел, 568 коми, 381 коми-пермяков, 363 марийца, 350 удмуртов [Финно-угорские регионы..., 1999, с. 10]. В последние десятилетия предприняты серьезные усилия по развитию языкового образования в республиках, создана основательная учебная

и учебно-методическая база для преподавания региональных языков, предпринимаются активные попытки расширить сферы их функционирования, но уровень языковых компетенций и характер языкового проведения остается прежним. В том, что языковая ситуация практически не меняется, в определенной мере повинны местные языковеды (в подавляющем большинстве сами являющиеся финно-уграми), которым поручено совершенствовать языковое образование и языковую политику. Они не смогли начать масштабные конструктивно-прикладные исследования, направленные на понимание того, как расширить социальные функции языков, повысить их престиж, а главное — как мотивировать молодежь изучать язык своих предков. Лингвисты в национальных республиках преимущественно занимаются не социолингвистикой, а описанием глаголов, предлогов, причастий, а потому не были готовы решать указанные сложные проблемы и единственно возможной формой совершенствования языковых практик считали пуризм, т.е. практику изгнания из уральских языков русизмов и интернационализмов. Возникший новояз только навредил развитию языков. При этом диалектные формы языков уральцев продолжают успешно функционировать в районах их компактного проживания. *Но наиболее значимо то, что само отношение к языку как к одному из важнейших этнических определителей не изменилось, о чем свидетельствуют итоги переписи (табл. 2).*

Таблица 2. Доля населения, чья этническая принадлежность совпадает с этническим языком по итогам переписи населения 2021 г.

Народ	Численность, тыс. чел.	Этнический язык, названный как родной, %
Мордва	479,0	55,3
Марийцы	417,3	74,8
Удмурты	383,9	69,2
Коми	142,4	66,4
Карелы	32,2	26,1

Здесь стоит сделать некоторые уточнения. Конечно, доля тех, кто признает свой этнический язык родным, по сравнению с итогами советских переписей 1959 и 1989 г. сократилась, но не очень значительно и отнюдь не катастрофически. Так, среди марийцев в 1959 г. 95,1 % называли своим родным марийский язык, а в 1989 г. таких было 80,8 %, среди коми соответственно — 89,3 % и 70,4 % [Лаллукка, 1997, с. 224]. Сегодня этнические языки превратились в своеобразные культурные символы, а потому многие из тех, кто называет родным языком тот язык, который «совпадает с национальностью», часто не знают или плохо знают его, но полагают, что их солидарность с этнической группой должна подкрепляться символическим маркированием этнического языка как родного.

Чем обусловлены весьма ощутимые изменения в численности российских финно-угров? Во-первых, очевидно, что процессы культурной унификации

Таблица 3. Доля горожан среди крупнейших финно-угорских народов по результатам переписей, %

Народ	1970	2002	2010	2021
Марийцы	19,3	49,4	42,6	44,0
Мордва	33,4	49,4	51,0	51,3
Карелы	43,7	55,9	57,9	59,3
Коми	35,7	47,5	48,1	39,4
Коми-пермяки	22,2	38,9	36,8	30,8
Удмурты	31,4	46,6	44,6	34,7

и гражданской интеграции в последние десятилетия усилились и не могли не сказаться на изменении культурных ориентаций (включая и смену этнической идентичности). Во-вторых, за полстолетия произошло изменение социальной структуры финно-угорских народов: они из сельских этнических сообществ фактически превратились в городские этносы. В городах сельские мигранты переходят на русский язык во всех сферах общения, поскольку воспринимают его как язык горожан, а во втором или в третьем поколении происходит и смена этнического самосознания. Большинство городов в России формировались преимущественно как поселения, где русские и русский язык абсолютно доминировали, хотя население городов не было моноэтническим. Согласно классической теории ассимиляции, которую начали разрабатывать в 1920-е, а окончательно обосновали в 1960-е годы представители Чикагской социологической школы, ассимиляция мигрантов в принимающее сообщество *рассматривалась как естественный процесс односторонней индивидуальной интеграции* [Park, 1928]. В ходе этого процесса сельские мигранты воспринимали городской образ жизни, который они ассоциировали с русским населением и русским языком, являвшимся языком всего городского населения страны. Здесь же они вступали в многочисленные межэтнические браки, доля которых у финно-угров со второй половины XX в. стабильно увеличивалась [Лаллукка, 1997, с. 250–276]. Как результат сначала у финно-угров происходил рост доли городского населения, а затем она стала снижаться благодаря процессам унификации и ассимиляции, на что указывают и результаты переписи населения 2021 г. (табл. 3). Политизировать этот процесс вряд ли уместно.

ПЕРЕПИСЬ И ИДЕЙНЫЙ КРАХ ЭТНИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ ФИННО-УГРОВ

Однако приходится признать, что идеология этнического национализма глубоко укоренилась в сознании интеллектуалов и этнических активистов в республиках, свидетельством чему являются их публичные заявления и действия.

Наглядным примером тому является объяснительная модель «вымирания» народов, которая стала важным инструментом политического давления на власть в арсенале этнических организаций на рубеже 1980–1990-х годов и главным доводом в пользу создания этнонациональных организаций финно-угров

и самодийцев, ибо их заявленной целью была необходимость «возрождения» этих народов (но не менее очевидно проявилось впоследствии и стремление к политическому лидерству и использованию названных организаций для получения политических и иных дивидендов их лидерами и активистами). Так, на I съезде народа коми, прошедшем в 1990 г., был создан исполнительный орган, который получил показательное название Комитет возрождения коми народа (позднее переименован в «Коми войтыр» — «Коми общество»), на I Всероссийском съезде финно-угорских народов в мае 1992 г. делегаты обсуждали проект Декларации о национальном возрождении финно-угорских народов, находящейся под юрисдикцией Российской Федерации. Идея возрождения марийцев активно муссировалась во время проведения съезда народа мари осенью 1992 г., на котором была учреждена Всемарийская организация «Марий ушем» («Союз мари»). На Всеудмуртском съезде в 1992 г. была создана Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш» («Удмуртский совет»), а для финансового обеспечения деятельности ассоциации было решено образовать «Фонд возрождения удмуртского народа». В Мордовии в 1989 г. был создан общественный центр «Вельмена» («Возрождение») и т. д. *Активисты этнических организаций, если следовать этимологии вышеназванного термина, сначала символически «похоронили» свои этнические сообщества, а потом собрались «возродить» здравствующие и вполне самодостаточные народы численностью в сотни тысяч человек.*

Идея вымирания финно-угров активно муссировалась и многими западными экспертами, а европейские политические институты прямо пытались вмешиваться в практику государственной национальной политики Российской Федерации.

Еще в 1998 г. положение финно-угорских народов стало предметом политического демарша западных политиков, ибо идея «вымирания» данных народов была озвучена в специальной резолюции ПАСЕ, а в 2005 г. эта же организация инициировала проведение специального исследования и поручила курировать его евродепутату из Эстонии Катрин Сакс. Несмотря на то что бывший министр по делам народонаселения привлекла российских «экспертов», опубликованный в 2006 г. специальный доклад изобилует грубейшими ошибками этнографического плана и был предельно тенденциозен. Но ее идеи были подхвачены «экспертами» на местах, которые на деньги западных спонсоров и при поддержке региональных властей активно их пропагандировали. В противовес заказным выводам Сакс серьезные западные исследователи, анализируя еще позднесоветские практики этнополитики и результаты переписей, когда они еще не превратились в объект политических спекуляций и не заняли столь значимое место во внутренней политике национальных республик, заявляли, что тезис о направленной политике русификации меньшинств в России не находит научного подтверждения [Anderson, Silver, 1984].

Тем не менее очевидно, что в культурном облике финно-угров происходят существенные изменения, о чем сказано выше, которые весьма однобоко учитываются этническими активистами и связанными с ними местными исследователями, так и не научившимися оценивать социальные изменения с безус-

ловным учетом приоритета личного выбора граждан и их культурных прав. Что же касается идеологии этнонациональных активистов так называемого финно-угорского движения, то, несмотря на дежурные заверения о приверженности межнациональному миру и согласию, она все еще базируется на советской идее разделенных сообществ, выстроенных в форме символической пирамиды, на вершине которой находится «коренной народ». Лидеры этнонациональной организации «Удмурт кенеш», к примеру, давно требуют преференций для удмуртов как для «коренного этноса» [Кардинская, 2006], в том числе добиваются обязательного изучения удмуртского языка всеми школьниками республики. Квинтэссенцией этих требований стал акт саможжения 19 сентября 2019 г. удмуртского исследователя и этнического активиста, 79-летнего Альберта Разина, который в своем предсмертном послании к парламенту требовал, чтобы удмуртский в обязательном порядке изучали все дети республики, начиная с детского сада.

Речь здесь, конечно, должна идти не только о личной трагедии Альберта Разина, твердо отстаивавшего свои убеждения, но и о политической трагедии движений финно-угров, ибо многие их документы строятся на очевидном противопоставлении этничности гражданству, и эта идейная оппозиция существует много лет и активно работает против практики гражданской интеграции и построения российской гражданской нации. Тому же Разину в 1990-е годы было поручено руководить Институтом человека, созданном в Удмуртском университете, хотя и тогда, и позже он не понимал принципов построения гражданского общества, судя по его публикациям [Разин, 1993].

ЧЕМ ОБУСЛОВЛЕНО ЛОЯЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ К РАДИКАЛЬНЫМ ЭТНИЧЕСКИМ ИДЕЯМ И ИХ НОСИТЕЛЯМ?

На наш взгляд, *местные политические элиты, заявляя на словах о своей приверженности делу сохранения межнационального мира в регионах, а также равенству прав граждан и идее гражданского единения, в своей законотворческой, а более — практической деятельности руководствуются не идеями гражданского строительства, а фактически являются сторонниками принципов ленинской национальной политики, о которых сказано выше.* Про российскую нацию и про гражданскую солидарность они не говорят даже в преддверии Дня национального единства, ибо до сих пор не усвоили базовые идеи «Стратегии государственной национальной политики» и не понимают значения самого термина «нация».

Более того, базовый принцип Основного Закона Российской Федерации, гарантирующий равенство прав всех граждан страны, подвергается сомнению и в законодательстве, и в практических действиях региональных политиков. Конституции Карелии, Коми и Удмуртии содержат сомнительные тезисы, подчеркивающие наличие этнических границ внутри республиканских социумов, а из обновленного текста основного Закона Коми в начале 2000-х годов вообще было исключено положение о многонациональном характере регионального сообщества, отрицание которого есть грубая политическая ошибка [Шабаев,

2019]. И такого рода ошибки — не единичное явление. К примеру, в Карелии не только в Конституции подчеркивается особая миссия титульной этнической группы, но постановлением Правительства РК от 24.01.2018 утверждена государственная программа Республики Карелия «Этносоциальное и этнокультурное развитие территорий традиционного проживания коренных народов», которая выделяет из республиканского социума три этнические группы и наделяет их официальным статусом «коренных народов», что означает отрицание конституционной нормы о равенстве прав граждан РФ.

Публично не подтвержденная и часто не осознанная местными лидерами приверженность ленинской национальной политике, которую демонстрируют некоторые региональные политические менеджеры, проявляется в стремлении местных политиков продолжать практику созидания «коммунистических культов», которые на деле вырождаются в опасный *этнический фаворитизм*.

Так, в Карелии в 2007 г. соорудили памятник бывшему первому секретарю Карельского обкома КПСС И.Сенькину, которого предлагают считать выдающимся сыном карельского народа. В Коми пошли еще дальше: здесь стали формировать целый культ главного коммуниста республики Ивана Морозова, возглавлявшего Коми обком КПСС в 1965–1987 гг. По мнению местных мифотворцев, этот «выдающийся сын коми народа» внес огромный вклад в развитие республики, хотя в советские годы в ведении региональных властей были только сельское хозяйство и местная промышленность, которые и в годы руководства Морозова (а равно и Сенькина) находились в неудовлетворительном состоянии, что во многом и предопределило современный аграрный кризис, который переживают две названные республики ныне. Однако в Коми это не мешало региональным властям за казенный счет переименовывать улицы, вешать мемориальные доски, издавать книги в память о Морозове. На родине местного «вождя», в деревне Межадор, был создан мемориальный музей, а в столице республики возвели «морозовскую избу» (якобы точную копию его дома в родной деревне), в которой тоже создали постоянно действующий музей. Творили культ при разных губернаторах, но вполне последовательно, и его вершиной стала установка уже в 2021 г. помпезной бронзовой статуи «героя», на которую с недоумением взирают современные сыктывкарцы (которых никто не спросил о необходимости водружения статуи). Но и этим дело не ограничивалось, поскольку ныне учрежден знак ордена Ивана Павловича Морозова (видимо, по аналогии с «Орденом Ленина»), которым уже награждаются коми-земельцы. (Знак учрежден Законом Республики Коми от 29 октября 2020 года № 67-РЗ; описание переутверждено Указом Главы Республики Коми от 4 июля 2022 г. № 68.) Морозовский культ вызывает много вопросов. Главный из них состоит в том, *почему региональные элиты не хотят создавать образ общего прошлого и общих героев*. Почему, к примеру, в столице Коми до сих пор нет памятника покорителям Сибири, ибо хорошо известно (не этническим радикалам и их покровителям), что в составе отряда Ермака, с похода которого началось присоединение Сибири к Российскому централизованному государству, было много представителей разных народов, включая значительное число коми-зырян, которые вместе с казанскими татарами, кодскими хантами, якутами

два века покоряли сибирские земли и превращали Россию в великую евроазиатскую державу или почему нет монумента в память о единении Коми земли с древнерусскими княжествами? Не потому ли, что в некоторых пьесах местных драматургов и христианизация, и вхождение земель коми в состав централизованного Российского государства называется исторической ошибкой народа (коми литераторы не одиноки в своих «исторических изысканиях»)?

К сожалению, региональная этнокультурная политика долгие годы носила декларативный и символический характер, поскольку строилась с опорой на эмоциональные мнения и оценки этнических активистов, деятелей культуры и этнически ориентированных общественников. Именно они нередко рекрутировались в экспертные советы, создаваемые при республиканских властных институтах, а *потому те структуры, которые должны были быть объектами региональной государственной национальной политики, превратились в субъектов этой политики* (сомнительные, юридически и политически неверные положения в текстах основных законов республик, к примеру, были прямо заимствовались из резолюций этнических съездов). *В подобной ситуации превратить этнокультурные процессы в реально управляемые, а практику этнокультурного строительства — в форму продуманной социальной инженерии не представлялось возможным, и последствия этой политики нашли отражение в итоговых результатах переписи 2020–2021 гг.*

Литература

Всероссийская перепись населения 2020 года. Т.5: Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 11.05.2021).

Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р. Суни и Т. Мартина. М.: РОССПЭН, 2011. 376 с.

Губогло М. Н. Три линии национальной политики в посткоммунистической России // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 110–124.

Кардинская С. В. Этничность в идеологических конструкциях удмуртских СМИ // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 54–60.

Лаллукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб.: Европейский дом, 1997. 391 с.

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд.: в 55 т. Т. 25. М.: Политиздат, 1969. С. 259–319.

Молодежь в политическом и культурном пространстве республик с финно-угорским населением: позиции, настроения, риски / Ю. П. Шабаев, В. Н. Бирин, Н. П. Миронова и др. М.: РГГУ, 2022. 387 с.

Разин А. Удмуртский этнос: проблема формирования патриотизма и интернационализма // Финно-угорские народы и Россия. Таллинн: Институт Яана Тыниссона, 1993. С. 98–104.

Тишков В. А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М.: Наука, 1993. С. 9–34.

Финно-угорские регионы России. Статистический сборник. Сыктывкар: Комистат, 1999. 98 с.

Число россиян, не указавших в переписи национальность, за 10 лет выросло в три раза. Замглавы Росстата Сергей Окладников связал это в том числе с особенностью заполнения электронных листов. Москва, 15 февраля 2023 г. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17056029> (дата обращения: 11.05.2021).

Шабаев Ю. П. Управление культурным многообразием России: опыт национальных республик. М.: РГГУ, 2019. 171 с.

Anderson B. B., Silver B. D. Equality, efficiency and Politics in Soviet Bilingual Education Policy, 1934–1980 // *The American Political Science Review*. 1984. Vol. 78, no. 4. P. 1019–1039.

Park R. E. Human migration and the marginal man // *The American Journal of Sociology*. 1928. N 33(6). P. 881–893.

Шабает Юрий Петрович — д-р ист. наук, ст. науч. сотр.; yupshabaev@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 5 июля 2023 г.;

рекомендована к печати: 8 сентября 2023 г.

Для цитирования: Шабает Ю. П. Демографическая «катастрофа» российских финно-угров: социальная и политическая мотивированность дрейфа идентичностей // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2023. Т. 19, № 4. С. 634–647.

<https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.409>

DEMOGRAPHIC “CATASTROPHE” OF THE RUSSIAN FINNO-UGRIC PEOPLES: SOCIAL AND POLITICAL MOTIVATION FOR THE DRIFT OF IDENTITIES

Yuri P. Shabaev

Komi Science Center of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences,
24, Kommunisticheskaia ul., Syktyvkar, 167982, Russian Federation; yupshabaev@mail.ru

The results of the 2021 population census showed a sharp and significant decrease in the number of Finno-Ugric peoples in Russia. For example, the number of Karelians decreased by 46.7%, Komi-Permyaks — by 41%, Mordovians — by 35% (in 1939, the number of Mordovians was 1375 thousand people, in 2021 — 484 thousand). Between the 2002 and 2010 censuses there was also a large-scale decline in the number of Finno-Ugric peoples, which allowed some local ethnic activists to talk about a “demographic catastrophe”, “extinction of peoples”. The idea of “extinction” began to be actively exploited at the turn of the 1980s and 1990s and became the basis for the formation of ethno-national movements, the programs of which were built on the concept of “the revival of peoples”. In Komi, the Committee for the Revival of the Komi People was created, in Mordovia, the society “Velmena” (“Revival”) arose. The leaders of ethnic and ethno-political organizations strove to act not only as culturetragers, but also as moral censors not only for their own ethnic groups, but also for regional communities as a whole. But their mission failed, because ethnic entrepreneurs not only failed to become leaders of public opinion in the regions inhabited by the Finno-Ugric peoples, but turned out to be incapable of developing effective programs for ethno-cultural development, which was shown by the results of the census. In addition, the census showed that the transformation of the Finno-Ugric ethnic groups from agrarian to urban ethnic groups leads to an obvious strengthening of the processes of individual integration into the host urban communities, in which the Russians are the dominant group, and the Russian language dominates in all spheres of communication.

Keywords: Finno-Ugrians, demography, identity, assimilation, ethnopolitics.

References

All-Russian Population Census 2020, vol. 5: National composition and language proficiency. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (accessed: 11.05.2021). (In Russian)

Anderson B. B., Silver B. D. Equality, efficiency and Politics in Soviet Bilingual Education Policy, 1934–1980. *The American Political Science Review*, 1984, vol. 78, no. 4, pp. 1019–1039.

Finno-Ugric regions of Russia. Statistical compendium. Syktyvkar: Komistat Publ., 1999. 98 p. (In Russian)

Guboglo M. N. Three Lines of National Policy in Post-Communist Russia. *Etnographicheskoe obozrenie*, 1995, no. 5, pp. 110–124. (In Russian)

Kardinskaja S. V. Ethnicity in the ideological constructions of the Udmurt media. *Sotsiologicheskije issledovanija*, 2006, no. 6, pp. 54–60. (In Russian)

Lallukka S. *Eastern Finnish peoples of Russia. Analysis of ethno-demographic processes*. St. Petersburg: Evropeiskii Dom Publ., 1997. 391 p. (In Russian)

Lenin V. I. On the right of nations to self-determination. Lenin V. I. *Complete works*, 5th ed., in 55 vols., vol. 25. Moscow: Politizdat Publ., 1969, pp. 259–319. (In Russian)

Park R. E. Human migration and the marginal man. *The American Journal of Sociology*, 1928, no. 33(6), pp. 881–893. (In Russian)

Razin A. Udmurt ethnos: the problem of the formation of patriotism and internationalism. *Finno-Ugric peoples and Russia*. Tallinn: Institut Jana Tynissona Publ., 1993, pp. 98–104. (In Russian)

Shabaev Yu. P., Birin V. N., Mironova N. P. et. al. *Youth in the political and cultural space of the republics with the Finno-Ugric population: positions, moods, risks*. Moscow: RGGU Publ., 2022. 387 p. (In Russian)

Shabaev Yu. P. *Management of cultural diversity in Russia: Experience of national republics*. Moscow: RGGU Publ., 2019. 171 p. (In Russian)

Tishkov V. A. Nationalities and nationalism in the post-Soviet space (historical aspect). *Ethnicity and power in multi-ethnic states*. Moscow: Nauka Publ., 1993, pp. 9–34. (In Russian)

The number of Russians who did not indicate their nationality in the census has tripled in 10 years. Deputy head of Rosstat Sergey Okladnikov connected this, among other things, with the peculiarity of filling out electronic sheets. Moscow, 2023, February 15. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/17056029> (accessed: 11.05.2023). (In Russian)

The State of Nations: Empire and Nation- Building in the Era of Lenin and Stalin, ed. by R. Suni, T. Martin. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. 376 p. (In Russian)

Received: July 5, 2023

Accepted: September 8, 2023

For citation: Shabaev Yu. P. Demographic “catastrophe” of the Russian Finno-Ugric peoples: Social and political motivation for the drift of identities. *Political Expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 634–647. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.409> (In Russian)

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЯХ: ОБЗОР СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Н. В. Гришин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Статья является первым обзором научной литературы в области изучения политики идентичности агломераций. Выявлены основные достижения, тенденции, тематика, проблемы и перспективы развития исследований политики идентичности в городских агломерациях. Обзор охватывает отечественные и зарубежные публикации? начиная с первых работ в данной области исследования на рубеже XX–XXI веков. Охарактеризованы последствия применения множества терминов для обозначения агломераций в англоязычной науке. Выявлены особенности формирования и развития исследовательской повестки дня в области изучения политики идентичности в агломерациях. Охарактеризованы попытки выявления идентичности жителей с агломерациями в эмпирических исследованиях европейских ученых. Изложены мнения ведущих ученых о влиянии на степень выраженности идентичности с агломерациями таких факторов, как величина агломерации и степень централизации агломерации. Охарактеризовано методологическое влияние подхода «город — регион» на особенности рассмотрения конфликтов между идентичностью агломераций и городской и региональной идентичностями. Приведены основные результаты исследований европейскими учеными различий в степени идентичности с агломерацией между жителями отдельных территориальных зон, прежде всего представителями ядра и периферии агломерации. Систематизированы результаты исследований роли органов публичной власти и бизнеса в процессах конструирования идентичности агломераций. Поскольку почти все крупные научные публикации в данной области создаются специалистами в сфере регионалистики и городских исследований, но не специалистами в изучении проблематики идентичности, возникающие теоретические проблемы политики идентичности остаются без должного внимания.

Ключевые слова: политика идентичности, идентичность в агломерациях, идентичность с агломерациями, городские агломерации, конструирование идентичности.

ВВЕДЕНИЕ

В рамках изучения вопросов территориальной идентичности на рубеже XX–XXI вв. возникает новая локальная область исследований — изучение идентичности городских агломераций. Рост и распространение агломераций в мире

* Исследование выполнено в СПбГУ при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00933 «Политика идентичности в российских агломерациях в контексте международного опыта».

принципиально меняет территориальное устройство современного общества, в частности — организацию городов и регионов. Высокая степень развития исследований городской и региональной идентичности в современной науке [Попова, 2020] сделала возникновение научного интереса к вопросам идентичности агломераций почти неизбежным. Новая исследовательская область находится на стыке таких научных направлений, как городские исследования, регионалистика, политика идентичности, брендинг территорий, политическая география.

К настоящему времени написаны десятки статей, посвященных идентичности агломераций и идентичности с агломерацией. Сформировались исследовательская повестка дня, международное взаимодействие исследовательских коллективов. Настоящим прорывом в истории данной исследовательской области стал выход в 2018 г. специального номера “The Citizens in City-Regions” влиятельного международного журнала “Journal of Urban Affairs”, во всех статьях которого затрагивались проблемы идентичности агломераций. В 2023–2024 гг. на базе Санкт-Петербургского государственного университета под руководством профессора О. В. Поповой реализуется один из первых в мировой науке исследовательских проектов в данной исследовательской области — «Политика идентичности в российских агломерациях в контексте международного опыта». Можно констатировать, что для этой новой области исследований характерны такие явные проблемы, как недостаток рефлексии полученных научных достижений, отсутствие обзорных работ.

Данная статья является первым обзором современной российской и зарубежной научной литературы в области изучения политики идентичности в городских агломерациях. Задачей статьи является выявление основных проблем, достижений и перспектив в области изучения идентичности агломераций в современной науке.

ПРОБЛЕМА ТЕРМИНА

Специфическая и острая проблема связана с наименованием агломераций в англоязычной науке. Общепринятый в России термин «агломерация», введенный в отечественную науку в 1959 г. П. И. Дубровиным [Колясников, 2015, с. 13], в западных странах не востребован и не имеет прямых аналогов. Примеры использования термина “agglomeration” в англоязычной литературе по идентичности агломераций единичны [Riedel, 2010]. На статус единого термина могли бы претендовать “urban area” или “urban agglomeration”, но большинство известных авторов их игнорируют. Вместо этого существуют несколько понятий, которые не являются синонимичными: они соответствуют либо разным типам агломераций, либо фокусируют внимание на разных аспектах. Таким образом, изучение идентичности агломераций, едва возникнув как локальная область исследований, в англоязычной науке сразу оказалось расколотым в зависимости от разных типов агломераций. Характерно, что даже в статьях специального выпуска “The Citizens in City-Regions” журнала “Journal of Urban Affairs” 2018 г. авторы обозначают агломерации разными терминами.

В отношении моноцентрических агломераций наиболее часто используются термины “metropolitan area”, “metropolitan region”, иногда “metro” [Byrd, 1999]. При этом в американской традиции термин “metropolitan” не применяется по отношению к самым масштабным агломерациям: понятие “metropolitan statistical area” (метрополитенский статистический ареал) имеет ограничение по уровню генерализации, и применительно к самым крупным агломерациям, охватывающим несколько штатов, используется термин “combined statistical area” (комбинированная статистическая область). Они отличаются не только уровнем генерализации (комбинированная статистическая область включает несколько метрополитенских статистических ареалов), но и плотностью связей, которая сильнее на уровне метрополий. Использование терминов, производных от слова «метрополия», этимологически подразумевает наличие высокой степени централизации относительно ядра (столицы агломерации). Следовательно, данные термины используют авторы, исследующие политику идентичности в агломерациях именно такого типа, при этом вопросы идентичности агломерации в этих исследованиях в той или иной степени соотносятся с идентичностью метрополии — главного города. Помимо данного ограничения, применение термина “metropolitan identity” связано дополнительными неудобствами, поскольку в науке у него есть еще несколько совершенно иных значений: во-первых, при исследованиях идентичности в системе взаимоотношений бывших колониальных стран с метрополиями [Tan, 2015]; во-вторых, как синоним городской идентичности (для крупных городов) [Acke, Bekers, Castilleja, 2019].

В отношении полицентрических агломераций обычно используют термины “polycentric urban region” [Goess, de Jong, Meijers, 2016], “polinucleated area”. Встречается и гибридный термин “polynucleated metropolitan region” [Dieleman, Faludi, 1998]. Применение данных терминов предполагает особые смысловые акценты: с их помощью авторы подчеркивают, что речь идет об идентичности, которая возникает на новом территориальном уровне, а вовсе не является результатом «экспансии» идентичности главного города (ядра агломерации). Немецкий исследователь Анна Будинген, рассуждая об агломерации Рура, называет ее не «городским ареалом», а просто «ареалом» (“area”), подчеркивая, что не стоит рассматривать этот объект в аспекте только городской проблематики [Budinger et al., 2022, p. 46].

В европейской науке агломерации часто рассматриваются в рамках научной дискуссии о переформатировании регионов и появлении «регионов нового типа». Агломерации часто называются соответствующим образом, и для наименования идентичности агломераций многие авторы используют выражение «идентичность новых регионов». Ряд авторов, в их числе британские исследователи Айан Деас и Бенито Джордано, применяя давно известный для обозначения крупных моноцентрических агломераций термин «город-регион» (city-region) [Михайленко, Золотарев, 2022, с. 579], в начале XXI в. запустили в научный оборот термин «идентичность города-региона» [Deas, Giordano, 2003]. Вероятно, в Европе это наиболее популярный термин в публикациях по идентичности агломераций. Придерживающиеся этого подхода шведские ученые Андерс Линдстрем

и Линце Шаап также употребляют термин “city-regionalism” [Lidström, Schaap, 2018, p.289]. Более того, А. Линдстрем использует еще один собственный неологизм — «межмуниципальные (intermunicipal) ориентации».

Многообразие терминов, применяемых в англоязычной науке для обозначения агломераций и идентичности агломераций, этим не ограничивается. Например, финские ученые, в их числе Кай Циммербауэр и Ансси Паази, активно использовали термин «амальгамации» — объединения (amalgamations) [Zimmerbauer, Paasi, 2013, p. 33] муниципалитетов, тема самым выводя за скобки наличие какого-то ядра. Отсутствие единого термина, безусловно, препятствует обмену идеями и достижениями в новом направлении исследований.

Другая проблема связана с неоднозначностью применения самого термина «идентичность». Под этим понятием объединены научные публикации, посвященные совершенно разным предметам: либо идентичности агломерации как системе представлений об агломерации, ее сущностных характеристиках, общем и отличительном, либо идентичности с агломерацией как психологическому конструкту, отражающему приверженность граждан своей агломерации. Например, термин “metropolitan identity” в разных научных работах используется либо в первом, либо во втором значении; при этом авторы не пытаются эти толкования разделить или пояснить свою позицию.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ИДЕНТИЧНОСТЬ С АГЛОМЕРАЦИЕЙ?

Один из ключевых вопросов, который встал перед новым направлением исследований, заключался в том, есть ли вообще у жителей агломераций идентичность с агломерациями. Немецкий ученый Вольфганг Кнапп в 1998 г. на примере агломерации Рейна-Пура [Knapp, 1998] и итальянский урбанист Франческо Сбетти в 2010-х годах [Sbetti, 2014] на примере агломерации Италии отмечали, что идентичность агломераций в этих случаях отсутствовала и ее только требуется построить. В публикациях 2020-х годов также встречаются скептические оценки по вопросу о наличии у жителей агломераций соответствующей идентичности [Häkli, Kallio, Ruokolainen, 2020, p.882]. На современном этапе большинство авторов дают положительный ответ на вопрос о существовании идентичности агломераций, подкрепляя его результатами эмпирических исследований.

Нидерландский ученый Кеес Терлоу в исследовании 2009 г. выявил идентичности агломераций Оствестфален-Липпе и Болленстреек [Terlouw, 2009, p.469], при этом подчеркнул, что носителем идентичности может выступать не сообщество как таковое, а отдельные и даже единичные его представители, связанные с соответствующими видами профессиональной и экономической деятельности. Предложив концепцию «тонкой идентичности», К. Терлоу среди всех современных исследователей наиболее далеко продвинулся в изучении теоретических вопросов и теоретического обоснования возможности существования идентичности агломераций. Для «тонкого» типа идентичности, ориентированного не на прошлое, а на будущее, не на культуру, а на экономические интересы, свойственен индивидуальный характер. В связи с этим

у разных представителей одной территориально компактной группы возникает множественность идентичностей: отдельные ее представители могут идентифицировать себя с агломерациями разных уровней генерализации, как было выявлено автором на примере агломерации Оствестфален-Липпе в немецкой земле Северный Рейн-Вестфалия.

Шведский ученый А. Линдстрем в 2010 г., используя вторичные данные (результаты массовых опросов в шведских агломерациях в 2002–2003 гг.), пришел к выводу о существовании у части жителей «межмуниципальных ориентаций» [Lidström, 2010, p. 2094].

Испанские ученые Ж. Вальбе, Ж. Магре и М. Томас в 2013 г. провели массовый опрос жителей агломерации Барселоны, по результатам которого идентичность агломерации была отделена от национальной, региональной (каталонской) и местной идентичности: с Испанией себя идентифицировали 48 % респондентов, с Каталонией — 78 %, с агломерацией Барселоны — 70 %, с муниципалитетом — 76 % [Vallbé, Magre, Tomàs, 2018, p. 21].

В 2010-е годы ученые перешли к обсуждению вопроса, от каких факторов зависит степень выраженности идентичности агломерации в сознании ее жителей. Были выявлены два ключевых фактора: величина агломерации и степень централизации агломерации.

А. Линдстрем в 2010 г. первым установил, что чем крупнее агломерация, тем сильнее выражена ее идентичность [Lidström, 2010, p. 2096]. Спустя несколько лет Никлас Эклунд (тоже на примере Швеции) подтвердил, что чем крупнее город-регион, тем сильнее у его населения выражена поддержка консолидации агломерации [Eklund, 2018, p. 123]. Эту же закономерность на примере польских агломераций подтвердили Марта Лаковска и Лукаш Микула [Lackowska, Mikuła, 2018, p. 55]. В 2018 г. А. Линдстрем и Л. Шаап утверждали, что «степень идентичности агломераций... сильнее в более крупных агломерациях, и это актуально для всех стран» [Lidström, Schaap, 2018, p. 9].

Децентрализованная модель агломерации способствует развитию идентичности агломерации. Впервые о том, что чем менее централизованной является агломерация, тем сильнее у ее жителей выражена идентичность агломерации, в 2010 г. заявил швейцарский исследователь Даниель Кюблер [Kübler, 2005, p. 72]. Польские исследователи М. Лаковска и Л. Микула позже заметили, что в полицентрическом городе-регионе степень идентичности агломерации выше, чем в моноцентрическом [Lackowska, Mikuła, 2018, p. 56]. В 2018 г. А. Линдстрем и Л. Шаап сформулировали общую закономерность: «...степень идентичности агломераций... сильнее в более фрагментированных городах-регионах» [Lidström, Schaap, 2018, p. 9].

ИДЕНТИЧНОСТЬ АГЛОМЕРАЦИИ ОТНОСИТЕЛЬНО РЕГИОНАЛЬНОЙ И МЕСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Исследователи пытаются соотнести идентичность агломераций с территориальными идентичностями других уровней генерализации, прежде всего — определить ее отношение с региональной и местной идентичностью.

Ж. Вальбе, Ж. Магре и М. Томас попытались встроить идентичность агломерации Барселоны в иерархию уровней территориальной идентичности, выделив для нее новый уровень между региональной и местной идентичностью [Vallbé, Magre, Tomàs, 2018], однако такой подход не является популярным. Большинство исследователей склонны видеть конфликт между идентичностью агломераций и другими типами территориальной идентичности [Riedel, 2010, p. 163], прежде всего с региональной идентичностью. Такой взгляд присутствует, когда речь идет не только о межрегиональных, но и о внутрирегиональных агломерациях.

Нидерландские исследователи Хенк ван Хутум и Арно Лагендейк в одной из первых публикаций по идентичности агломераций в 2001 г. предложили ее трактовку как разновидности региональной идентичности [Houtum, Lagendijk, 2001, p. 751]. Такой подход характерен для большинства представителей регионалистики, которые для обозначения агломераций используют термины, основанные на понятии «регион» — “polycentric urban region” или “city-region”. Исследователи этой группы разделяют мнение, что современные агломерации — это регионы нового типа, развитие которых приводит к деинституционализации традиционных регионов, разрушению старой региональной идентичности и реконструированию на основе агломераций нового типа субнациональной идентичности [Zimmerbauer, Suutari, Saartenoja, 2012, p. 1071]. При таком взгляде агломерации скорее приходят на смену традиционным регионам, идентичность агломераций вытесняет старую региональную идентичность [Harrison, Hoyle, 2017]. В отдельных случаях идентичность агломераций выходит на первый план даже по сравнению с национальной идентичностью [Keating, 2013, p. 29]. К. Терлоу отмечает, что агломерации в условиях глобализации создают более значимый уровень идентичности, чем национальная идентичность; в случае с такими гигантскими агломерациями, как Рандстад, речь идет о вытеснении национальной (государственной) идентичности [Terlou, 2009, p. 459].

Внимание ученых привлекает также противоречие между идентичностью агломераций и местной идентичностью. В условиях моноцентрических агломераций происходит «экспансия» идентичности главного города, при которой идентичность его жителей может существенно не меняться, в то время как жители периферии могут противопоставлять местную идентичность и идентичность агломераций. По результатам эмпирического исследования в восьми европейских агломерациях швейцарский ученый Михаэль Штребел в 2022 г. установил, что жители муниципалитетов, обладающих сильной местной идентичностью, более скептически относятся к делам агломерации [Strebel, 2022, p. 1099].

РАЗЛИЧИЯ В СТЕПЕНИ ВЫРАЖЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ АГЛОМЕРАЦИИ МЕЖДУ ЖИТЕЛЯМИ ЯДРА И ПЕРИФЕРИИ АГЛОМЕРАЦИИ

Большинство исследователей идентичности агломераций обращают внимание на различия в степени выраженности идентичности агломераций между жителями составляющих ее территорий, прежде всего между жителями главного города (ядра) и периферии, и пытаются найти этому объяснения. Вероятно,

высокая степень внимания к этому вопросу отличает исследования идентичности агломераций от исследований иных форм территориальной идентичности (региональной, городской, местной).

Видимо, первым зафиксировал различия в степени интереса к общим делам и политическим интересам агломераций между жителями разных территориальных частей в 2005 г. швейцарский исследователь Д. Кюблер [Kübler, 2005]. В 2013 г. А. Линдстрем выявил территориальные различия в степени выраженности идентичности агломераций в эмпирических исследованиях агломераций Гетеборга и Умео [Lidström, 2013, p. 291]. В 2018 г. Ж. Вальбе, Ж. Магре и М. Томас при изучении идентичности агломерации Барселоны обнаружили, что наибольший уровень выраженности идентичности агломерации указывают жители ядра (муниципалитета Барселоны), а не жители периферии: чем меньше размер муниципалитета, тем сильнее у жителей выражена местная идентичность и тем слабее они себя идентифицируют с агломерацией [Vallbe, Magre, Tomas, 2018, p. 21]. Эмпирические исследования Никласа Энклунда [Eklund, 2018], Майкла Оуэнса и Джейн Самнер [Owens, Sumner, 2018, p. 109] также подтверждают, что наибольший интерес к делам агломерации и поддержку централизованной модели управления агломерациями проявляют жители ядра.

Некоторые исследователи говорят не просто о различиях, но о конфликтах между идентичностью агломерации и локальными идентичностями присоединяемых территорий. А. Пааси и К. Циммербауэр в начале 2010-х годов сформулировали идею «идентичности местного сопротивления»: этот феномен возникает в ситуациях, когда при формировании агломераций местная идентичность усиливается и используется заинтересованными лицами для противопоставления новому объединению [Zimmerbauer, Paasi, 2013, p. 35]. Если образование агломераций сопровождается сокращением органов управления присоединяемых малых муниципалитетов (что происходит во многих случаях), оказавшиеся в проигрыше представители местной элиты могут разыгрывать карту местной идентичности в качестве ресурса для сопротивления процессу.

Роза де Паоли обращается к историческому примеру: еще при создании агломерации Реджо-ди-Калабрия в 1927 г., когда были присоединены 14 муниципалитетов, выяснилось, что некоторые муниципалитеты против такого объединения, поскольку присоединение к большому городу может означать и потерю собственной идентичности [De Paoli, 2016, p. 115]. В своей последней монографии 2023 г. К. Терлоу отмечает на примере развития агломераций Амстердама и Рура, что местная идентичность препятствовала становлению идентичности этих агломераций [Terlouw, 2023, p. 45].

В 2018 г. А. Линдстрем и Л. Шаап попытались сформулировать общетеоретические выводы по вопросу о том, существуют ли устойчивые закономерности в приверженности идентичности агломераций между жителями различных территориальных зон агломераций, особенно между жителями ядра и периферии в моноцентрических агломерациях. Используя вторичные данные, они пришли к выводу, что общие для всех случаев закономерности и объяснения вывести затруднительно, хотя в конкретных кейсах такие различия выражены достаточно явно. Они указывают на то, что в кейсах Швеции, Польши и Швей-

царии [Kübler, 2018] идентичность агломерации и степень заинтересованности в общих для агломерации вопросах сильнее у жителей периферии, у жителей ядра — слабее. Между тем результаты эмпирических исследований в Барселоне [Vallbe, Magre, Tomas, 2018, p. 25] и Штутгарте [Walter-Rogg, 2018, p. 141] оказались противоположными. А. Линдстрем и Л. Шаап предположили, что детерминирующими факторами являются не принадлежность к периферии или ядру, а другие переменные: уровень дохода, уровень образования, уровень политического активизма, уровень мобильности. В частности, они утверждают, что более образованные, более политически активные (участвующие в политических партиях, НКО) и более мобильные граждане склонны преодолевать локальную идентичность и поддерживают идентичность агломерации [Lidström, Schaap, 2018, p. 11]. Таким образом, от территориального распределения этих социальных групп зависят различия в степени выраженности идентичности агломераций.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ АГЛОМЕРАЦИЙ

Одна из наиболее популярных тем в исследованиях идентичности агломераций — ее конструирование [Гришин, 2020, с. 232]. Преобладает идея о том, что идентичность современных агломераций развивается не столько естественным и спонтанным образом, сколько является результатом целенаправленного планомерного конструирования. В этом состоит важное отличие формирования идентичности агломераций от традиционных путей формирования идентичности старых городов и регионов, о чем прямо говорят К. Терлоу и Р. де Паоли. Идентичность агломераций в понимании современных исследователей — это прежде всего сконструированная идентичность.

Современные исследователи определяют круг субъектов, на которые ложится основная нагрузка по формированию идентичности агломераций. К. Терлоу подчеркивает, что для становления «тонких идентичностей», существующих в условиях агломераций, роль административного фактора, органов власти и бизнес-элит более важна, чем это было для традиционной региональной идентичности.

Многие ученые и эксперты настаивают на необходимости активных действий органов власти по формированию идентичности агломераций. Такая установка основана на представлении о том, что агломерации развиваются слишком быстро, идентичность не успевает сложиться за счет старых традиционных способов, и это создает практические проблемы для благополучия самих агломераций. Автор одной из первых заметных статей по идентичности агломераций, немецкий исследователь В. Кнапп в 1998 г., рассматривая агломерацию Рейна-Рура, обратил внимание на отсутствие «общей идентичности» и призвал региональные власти к активным действиям по построению идентичности [Knapp, 1998, p. 380]. Нидерландские исследователи Х. ван Хутум и А. Лагендейк в 2000 г. называли идентичность агломераций «решающим фактором» их развития и представили свое видение стратегий ее формирования [Houtum, Lagendijk, 2001, p. 757]. Индийский ученый Амиита Бавискар в публикации 2003 г. подчеркивал необхо-

димось усилий властей по формированию единой идентичности агломерации Дели [Baviskar, 2003, p. 95]. Важность действий органов власти в этом направлении в 2020 г. отмечали эксперты Института Брукингса [Clark et al., 2020].

Как правило, в конструировании идентичности агломераций решающая роль отводится органам публичной власти. Однако К. Терлоу изучил необычный кейс: при образования агломерации на острове Гуре-Оверфлакке в Голландии против ее создания выступали граждане и органы власти; основную работу по созданию агломерации взяло на себя бизнес-сообщество. В частности, оно обеспечило продвижение и распространение новой идентичности посредством островного маркетинга, удалось спроектировать новую и привлекательную идентичность для внешнего мира, которую впоследствии восприняло и население [Terlouw, 2018].

Опыт деятельности органов власти по формированию идентичности агломераций изучен достаточно хорошо. В. Кнапп в 1998 г. полагал создание кооперативных структур сотрудничества (конференций по развитию, консультаций, координационных советов и т. д.) наиболее эффективными мерами [Кнапп, 1998]. Примером таких структур в 2003 г. В. Кнапп и П. Шмитт называли Региональную палату Большого Лондона, Регистрационное бюро агломерации Рандстад и т. д. [Кнапп, Schmitt, 2003, p. 17].

Румынский исследователь Ирина Албастрою (Марунтелу) в 2010 г. изучила проекты формирования бренда и идентичности агломераций Хельсинки и Порту; в первом случае был изучен опыт принадлежавшей городу маркетинговой компании “Helsinki Region Marketing Ltd”, во втором — оценена эффективность городских проектов органа управления агломерацией [Albastroiu, 2010].

Принятие в Италии «закона Дельрио» и программы развития агломераций в 2014 г. было осмыслено научным сообществом. Франческо Сбетти обратил внимание на то, что в реформе территориального управления в Италии одним из трех основных вопросов для развития агломераций был вопрос идентичности: агломерация (метрополитенский ареал) должна сначала обрести собственную идентичность, приняв и поняв свои новые границы и естественным образом воспользовавшись вытекающими из этого возможностями. Одним из важных шагов в этом направлении было признано соединение мест и территорий, столкнувшихся с медленными процессами понимания неизбежных событий городской, социальной и административной трансформации [Sbetti, 2014]. Роза де Паоли подчеркивает особую роль государственных органов и административного фактора в развитии идентичности итальянских агломераций по сравнению с другими европейскими странами, в частности дает высокую оценку государственной программе “Città Metropolitane” в 2014–2020 гг. [De Paoli, 2016].

Среди других интересных исследований деятельности государственных органов по развитию идентичности агломерации выделяются следующие. Исследование финским ученым Мартином Бартелом уникального опыта по созданию идентичности транснациональной (на границе Польши и Германии) агломерации Щецина, совместными усилиями мэрии города Щецин и немецкими муниципалитетами [Barthel, 2021]. Исследование экспертами Организации экономического сотрудничества и развития проектной деятельности по созданию

идентичности агломерации координационными органами управления агломерации — на примере агломерации Нюрнберга [OECD, 2013]. В 2020 г. эксперты Института Брукингса опубликовали большое исследование выявленных ими на основе нескольких кейсов стратегий формирования идентичности ведущих агломераций; по мнению авторов, идентичность ведущих в мире агломераций конструируется в тесной связи с процессом создания их бренда [Clark et al., 2020]. Изучение городских проектов и стратегий развития для формирования идентичности агломерации Белграда [Stupar, 2004].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важнейшими результатами развития изучения политики идентичности в городских агломерациях можно назвать не только полученные знания о некоторых закономерностях и тенденциях, но и формирование международного сообщества специалистов. Ясны и специфические проблемы, с которыми столкнулась наука в новой исследовательской области.

Одной из любопытных особенностей развития этой новой области является доминирование публикаций представителей европейской науки, ограниченный интерес, проявляемый к теме учеными из России, Индии, Латинской Америки и практически полное отсутствие работ американских ученых.

Хотя область исследования находится на стыке разных научных направлений, она пока не стала междисциплинарной. Ущерб от свойственной современной науке специализации и дифференциации проявляется в путанице с ключевыми понятиями, недостаточном научном взаимодействии в проведении исследований отдельных аспектов объекта. Проблемы идентичности агломераций рассматриваются с точек зрения различных отдельных научных направлений. Полученные результаты локализованы по таким направлениям, как регионалистика, городские исследования и брендинг территорий. Показательным является очень слабое взаимное влияние исследований идентичности агломераций и брендинга агломераций.

Поскольку проблемой идентичности агломераций занимаются преимущественно специалисты по регионалистике и городским исследованиям, это соответствующим образом влияет на формирование исследовательской повестки дня. Специалисты в области изучения политики идентичности почти не проявляют к ней интереса. Такая ситуация вызывает очевидные недостатки: идентичность агломераций рассматривается через призму проблем агломераций и территориального управления, при этом многие возникшие теоретические вопросы идентичности остаются без должного внимания. Исследовательский проект, в рамках которого подготовлен настоящий обзор, может внести вклад в исправление возникших диспропорций и развитие новой области исследователей.

Литература

Гришин Н. В. Государственная политика идентичности: новая ставка в политической борьбе? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. Т. 55. С. 231–239. <https://doi.org/10.17223/1998863X/55/23>

Колясников В. А. Развитие понятия «городская агломерация» // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2015. № 2. С. 10–15.

Михайленко Е. Б., Золотарев Ф. Е. Феномен города-региона: проблемы теоретических интерпретаций // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 4. С. 572–588. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-4-572-588>

Попова О. В. О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // *Политическая наука*. 2020. № 4. С. 86–110. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>

Acke D., Bekers E., Castilleja D. Literary, Filmic, and Intermedial Constructions of Metropolitan: the City Portrait as a Creative and Analytical Concept // *Journal for Literary and Intermedial Crossings*. 2019. No. 4. P. a1–a16.

Albastroiu I. Creating identities and promoting the image of the metropolitan areas // *Cactus Tourism Journal*. 2010. Vol. 1, no. 1. P. 23–31.

Barthel M. Capricious pathways — a comparative analysis of local identity building in border regions: a case study of Polands Western and Eastern border // *Belgeo. Revue belge de géographie*. 2021. No. 4. P. 115–121. <https://doi.org/10.4000/belgeo.38736>

Baviskar A. Between violence and desire: space, power, and identity in the making of metropolitan Delhi // *International Social Science Journal*. 2003. Vol. 55, no. 175. P. 89–98. <https://doi.org/10.1111/1468-2451.5501009>

Budinger A., Schmitt H., Ze M., Karulska O., Wenning T. The “Mountains of the Ruhr” as Places of Identity // *AESOP Annual Congress proceedings*. 2022. Vol. 34, no. 2. P. 44–50.

Byrd M. Urbanism, metropolitan development, and identity politics: Social psychological considerations of left-wing mainline organizing in metropolitan Nashville // *Journal for the scientific study of religion*. 1999. Vol. 38, no. 1. P. 146–159. <https://doi.org/10.2307/1387590>

Clark G., Gootman M., Bouchet M., Moonen T. The global identity of cities. Brookings Institute, 2020. 54 p.

De Paoli R. With the metropolitan city: Identity needs and strategic opportunities within // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2016. No. 223. P. 113–118.

Deas I., Giordano B. Regions, City-Regions, Identity and Institution Building: Contemporary Experiences of the Scalar Turn in Italy and England // *Journal of Urban Affairs*. 2003. Vol. 25, no. 2. P. 225–246. <https://doi.org/10.1111/1467-9906.t01-1-00007>

Dieleman F., Faludi A. Polynucleated metropolitan regions in Northwest Europe // *European Planning Studies*. 1998. Vol. 6, no. 4. P. 365–377. <https://doi.org/10.1080/09654319808720468>

Eklund N. Citizens' views on governance in two Swedish city-regions // *Journal of Urban Affairs*. 2018. Vol. 40, no. 1. P. 117–129. <https://doi.org/10.1111/juaf.12317>

Goess S., de Jong M., Meijers E. City branding in polycentric urban regions: Identification, profiling and transformation in the Randstad and Rhine-Ruhr // *European Planning Studies*. 2016. Vol. 24, no. 11. P. 2036–2056.

Häkli J., Kallio K., Ruokolainen O. A Missing Citizen? Issue Based Citizenship in City-Regional Planning // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2020. Vol. 44, no. 5. P. 876–893.

Harrison J., Hoyle M. Megaregions: Globalization's new urban form? Cheltenham: Elgar, 2017. 288 p.

Houtum H., Legendijk A. Contextualising Regional Identity and Imagination in the Construction of Polycentric Urban Regions: The Cases of the Ruhr Area and the Basque Country // *Urban Studies*. 2001. Vol. 38, no. 4. P. 747–767.

Keating M. Rescaling the European state: the making of territory and the rise of the meso. Oxford: Oxford University Press, 2013. 233 p.

Knapp W. The Rhine-Ruhr area in transformation: Towards a European metropolitan region? // *European Planning Studies*. 1998. Vol. 6, no. 4. P. 379–393. <https://doi.org/10.1080/09654319808720469>

Knapp W., Schmitt P. Re-structuring Competitive Metropolitan Regions in North-west Europe: on Territory and Governance // *European Journal of Spatial Development*. 2003. Vol. 1, no. 6. P. 1–42. <https://doi.org/10.5281/zenodo.5126714>

Kübler D. Citizenship in the fragmented metropolis: An individual-level analysis from Switzerland // *Journal of Urban Affairs*. 2018. Vol. 40, no. 1. P. 63–81. <https://doi.org/10.1111/juaf.12276>

Kübler D. La métropole et le citoyen. Les agglomérations urbaines en Suisse vues par leurs habitants. Lausanne: PPUR Press, 2005. 166 p.

Lackowska M., Mikuła L. How metropolitan can you go? Citizenship in Polish city-regions // *Journal of Urban Affairs*. 2018. Vol. 40, no. 1. P. 47–62. <https://doi.org/10.1111/juaf.12260>

Lidström A., Schaap L. The citizen in city-regions: Patterns and variations // *Journal of Urban Affairs*. 2018. Vol. 40, no. 1. P. 1–12. <https://doi.org/10.1080/07352166.2017.1355668>

Lidström A. Citizens' intermunicipal political orientations: Evidence from Swedish city-regions // *Urban Studies*. 2010. Vol. 47, no. 10. P. 2093–2109. <https://doi.org/10.1177/0042098009357960>

Lidström A. Citizens in the city-regions. Political orientations across municipal borders // *Urban Affairs Review*. 2013. Vol. 49, no. 2. P. 282–306. <https://doi.org/10.1177/1078087412457549>

OECD. "Germany: Nuremberg Metropolitan Region" // *Rural-Urban Partnerships: An Integrated Approach to Economic Development*. Paris: OECD Publishing, 2013. P. 217–233. <https://doi.org/10.1787/9789264204812-14-en>

Owens M. L., Sumner J. L. Regional or parochial? Support for cross-community sharing within cityregions // *Journal of Urban Affairs*. 2018. Vol. 40, no. 1. P. 98–116. <https://doi.org/10.1111/juaf.12279>

Riedel R. Silesia Agglomeration — Identity in Transition // *Polish Political Science Yearbook*. 2010. Vol. 39, no. 1. P. 158–190. <https://doi.org/10.15804/ppsy2010009>

Sbetti F. Dieci anni di legge sul governo del territorio // *Diritto della regione* 2014. URL: <http://www.urbanisticainformazioni.it/2004-2014-dieci-anni-di-legge-sul-governo-del-territorio-347.html> (дата обращения: 10.07.2023).

Strebel M. A. Who supports metropolitan integration? Citizens' perceptions of city-regional governance in Western Europe // *West European Politics*. 2022. Vol. 45, no. 5. P. 1081–1106. <https://doi.org/10.1080/01402382.2021.1929688>.

Stupar A. (Re)creating the Urban Identity: The Belgrade Metropolitan Region at the Crossroads of the European Integration Flows. Geneva: 40th ISoCaRP Congress, 2004. 11 p.

Tan L. Metropolitan Identities and Twentieth-Century Decolonization. Palgrave Macmillan, 2015. 213 p.

Terlouw K. Political Geography of Cities and Regions: Changing Legitimacy and Identity. Routledge, 2023. 188 p.

Terlouw K. Regional identities: quested and questioned // *Handbook on the Geographies of Regions and Territories* / ed. by A. Passi, J. Harrison, M. Jones. Cheltenham: Edward Elgar, 2018, pp. 256–267.

Terlouw K. Rescaling Regional Identities: Communicating Thick and Thin Regional Identities // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2009. Vol. 9, no. 3. P. 452–464. <https://doi.org/10.1111/j.1754-9469.2009.01064.x>

Vallbé J., Magre J., Tomàs M. Being metropolitan: The effects of individual and contextual factors on shaping metropolitan identity // *Journal of Urban Affairs*. 2018. Vol. 40, no. 1. P. 13–30. <https://doi.org/10.1111/juaf.12243>

Walter-Rogg M. What about metropolitan citizenship? Attitudinal attachment of residents to their city-region // *Journal of Urban Affairs*. 2018. Vol. 40, no. 1. P. 130–148. <https://doi.org/10.1080/07352166.2017.1355664>

Zimmerbauer K., Paasi A. When old and new regionalism collide. De-institutionalization of regions and resistance identity in municipality amalgamations // *Journal of Rural Studies*. 2013. Vol. 30. P. 31–40. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2012.11.004>

Zimmerbauer K., Suutari T., Saartenoja A. Resistance to the deinstitutionalization of a region: Borders, identity and activism in a municipality merger // *Geoforum*. 2012. Vol. 43, no. 6. P. 1065–1075.

Гришин Николай Владимирович — д-р полит. наук, проф.; nvgrishin@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 18 июля 2023 г.;

рекомендована к печати: 8 сентября 2023 г.

Для цитирования: Гришин Н. В. Политика идентичности в городских агломерациях: обзор современной научной литературы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19, № 4. С. 648–662. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.410>

IDENTITY POLITICS IN URBAN AGGLOMERATIONS: A REVIEW OF MODERN SCIENTIFIC LITERATURE*

Nikolai V. Grishin

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; nvgrishin@mail.ru

This article is the first review of scientific literature in the field of studying the identity politics in agglomerations. The main achievements, trends, topics, problems and prospects for the development of research field are identified. The review covers scientific publications in Russian and foreign science, starting from the first works in this field of study at the turn of the 20th–21st centuries. The consequences of the use of many terms to designate agglomerations in English-speaking science are characterized. The features of the formation and development of the research agenda in the field of studying the identity policy of agglomerations are revealed. Attempts to reveal the identity of residents with agglomerations in empirical studies of European scientists are characterized. The opinions of leading scientists on the influence on the degree of identity with agglomerations of such factors as the size of the agglomeration and the degree of centralization of the agglomeration are presented. The methodological influence of the “city-region” approach on the peculiarities of considering conflicts between the identity of agglomerations and both urban and regional identities is characterized. The main results of research by European scientists on differences in the degree of identity with the agglomeration between the inhabitants of certain territorial zones, primarily the metropolitan core and periphery, are presented. The results of studies of the role of government and business actors in the constructing the identity of agglomerations are systematized. Since almost all major scientific publications in this field are produced by specialists in the field of regional studies and urban studies, but not by specialists in the study of identity issues, the emerging theoretical problems of identity politics are left without due attention.

Keywords: identity politics, agglomeration identity, urban agglomerations, metropolitan area, metropolitan identity, identity construction.

References

- Acke D., Bekers E., Castilleja D. Literary, Filmic, and Intermedial Constructions of Metropolitan: The City Portrait as a Creative and Analytical Concept. *Journal for Literary and Intermedial Crossings*, 2019, no. 4, pp. a1–a16.
- Albastroiu I. Creating identities and promoting the image of the metropolitan areas. *Cactus Tourism Journal*, 2010, vol. 1, no. 1, pp. 23–31.
- Barthel M. Capricious pathways — a comparative analysis of local identity building in border regions: A case study of Polands Western and Eastern border. *Belgeo. Revue belge de géographie*, 2021, no. 4, pp. 115–121. <https://doi.org/10.4000/belgeo.38736>
- Baviskar A. Between violence and desire: Space, power, and identity in the making of metropolitan Delhi. *International Social Science Journal*, 2003, vol. 55, no. 175, pp. 89–98. <https://doi.org/10.1111/1468-2451.5501009>

* The study was carried out at the St. Petersburg State University with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the research project no. 23-28-00933 “Identity Politics in Russian Agglomerations in the Context of International Experience”.

Budinger A., Schmitt H., Ze M., Karulska O., Wenning T. The “Mountains of the Ruhr” as Places of Identity. *AESOP Annual Congress proceedings*, 2022, vol. 34, no. 2, pp. 44–50.

Byrd M. Urbanism, metropolitan development, and identity politics: Social psychological considerations of left-wing mainline organizing in metropolitan Nashville. *Journal for the scientific study of religion*, 1999, vol. 38, no. 1, pp. 146–159. <https://doi.org/10.2307/1387590>

Clark G., Gootman M., Bouchet M., Moonen T. *The global identity of cities*. Brookings Institute, 2020. 54 p.

De Paoli R. With the metropolitan city: Identity needs and strategic opportunities within. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2016, no. 223, pp. 113–118.

Deas I., Giordano B. Regions, City-Regions, Identity and Institution Building: Contemporary Experiences of the Scalar Turn in Italy and England. *Journal of Urban Affairs*, 2003, vol. 25, no. 2, pp. 225–246. <https://doi.org/10.1111/1467-9906.t01-1-00007>

Dieleman F., Faludi A. Polynucleated metropolitan regions in Northwest Europe. *European Planning Studies*, 1998, vol. 6, no. 4, pp. 365–377. <https://doi.org/10.1080/09654319808720468>

Eklund N. Citizens' views on governance in two Swedish city-regions. *Journal of Urban Affairs*, 2018, vol. 40, no. 1, pp. 117–129. <https://doi.org/10.1111/juaf.12317>

Goess S., de Jong M., Meijers E. City branding in polycentric urban regions: Identification, profiling and transformation in the Randstad and Rhine-Ruhr. *European Planning Studies*, 2016, vol. 24, no. 11, pp. 2036–2056.

Grishin N. State policy of identity: A new bet in the political struggle? *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2020, vol. 55, pp. 231–239. <https://doi.org/10.17223/1998863X/55/23> (In Russian)

Häkli J., Kallio K., Ruokolainen O. A Missing Citizen? Issue Based Citizenship in City-Regional Planning. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2020, vol. 44, no. 5, pp. 876–893.

Harrison J., Hoyler M. *Megaregions: Globalization's new urban form?* Cheltenham: Elgar, 2017. 288 p.

Houtum H., Legendijk A. Contextualising Regional Identity and Imagination in the Construction of Polycentric Urban Regions: The Cases of the Ruhr Area and the Basque Country. *Urban Studies*, 2001, vol. 38, no. 4, pp. 747–767.

Keating M. *Rescaling the European state: The making of territory and the rise of the meso*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 233 p.

Knapp W. The Rhine-Ruhr area in transformation: Towards a European metropolitan region? *European Planning Studies*, 1998, vol. 6, no. 4, pp. 379–393. <https://doi.org/10.1080/09654319808720469>

Knapp W., Schmitt P. Re-structuring Competitive Metropolitan Regions in North-west Europe: on Territory and Governance. *European Journal of Spatial Development*, 2003, vol. 1, no. 6, pp. 1–42. <https://doi.org/10.5281/zenodo.5126714>

Kolyasnikov V. A. Development of the concept of “urban agglomeration”. *Akademicheskij Vestnik UralNIiproekt RAASN*, 2015, no. 2, pp. 10–15. (In Russian)

Kübler D. Citizenship in the fragmented metropolis: An individual-level analysis from Switzerland. *Journal of Urban Affairs*, 2018, vol. 40, no. 1, pp. 63–81. <https://doi.org/10.1111/juaf.12276>

Kübler D. *La métropole et le cityen. Les agglomerations urbaines en Suisse vues par leurs habitants*. Lausanne: PPUR Press, 2005. 166 p.

Lackowska M., Mięka L. How metropolitan can you go? Citizenship in Polish city-regions. *Journal of Urban Affairs*, 2018, vol. 40, no. 1, pp. 47–62. <https://doi.org/10.1111/juaf.12260>

Lidström A. Citizens in the city-regions. Political orientations across municipal borders. *Urban Affairs Review*, 2013, vol. 49, no. 2, pp. 282–306. <https://doi.org/10.1177/1078087412457549>

Lidström A. Citizens' intermunicipal political orientations: Evidence from Swedish city-regions. *Urban Studies*, 2010, vol. 47, no. 10, pp. 2093–2109. <https://doi.org/10.1177/0042098009357960>

Lidström A., Schaap L. The citizen in city-regions: Patterns and variations. *Journal of Urban Affairs*, 2018, vol. 40, no. 1, pp. 1–12. <https://doi.org/10.1080/07352166.2017.1355668>

Mikhailenko E. B., Zolotarev F. E. The Phenomenon of the City-Region: Problems of Theoretical Interpretations. *Ars Administrandi (The Art of Management)*, 2022, vol. 14, no. 4, pp. 572–588. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-4-572-588> (In Russian)

OECD. "Germany: Nuremberg Metropolitan Region". *Rural-Urban Partnerships: An Integrated Approach to Economic Development*. Paris: OECD Publishing, 2013, pp. 217–233. <https://doi.org/10.1787/9789264204812-14-en>

Owens M. L., Sumner J. L. Regional or parochial? Support for cross-community sharing within cityregions. *Journal of Urban Affairs*, 2018, vol. 40, no. 1, pp. 98–116. <https://doi.org/10.1111/juaf.12279>

Popova O. On unresolved problems in the theory of state identity policy in Russian political science. *Political Science*, 2020, no. 4, pp. 86–110. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.05> (In Russian)

Riedel R. Silesia Agglomeration — Identity in Transition. *Polish Political Science Yearbook*, 2010, vol. 39, no. 1, pp. 158–190. <https://doi.org/10.15804/ppsy2010009>

Sbetti F. Dieci anni di legge sul governo del territorio. *Diritto della regione*, 2014. Available at: <http://www.urbanisticainformazioni.it/2004-2014-dieci-anni-di-legge-sul-governo-del-territorio-347.html> (accessed: 10.07.2023).

Strebel M. A. Who supports metropolitan integration? Citizens' perceptions of city-regional governance in Western Europe. *West European Politics*, 2022, vol. 45, no. 5, pp. 1081–1106. <https://doi.org/10.1080/01402382.2021.1929688>

Stupar A. *(Re)creating the Urban Identity: The Belgrade Metropolitan Region at the Crossroads of the European Integration Flows*. Geneva: 40th ISoCaRP Congress, 2004. 11 p.

Tan L. *Metropolitan Identities and Twentieth-Century Decolonization*. Palgrave Macmillan, 2015. 213 p.

Terlouw K. *Political Geography of Cities and Regions: Changing Legitimacy and Identity*. Routledge, 2023. 188 p.

Terlouw K. Regional identities: Quested and questioned. *Handbook on the Geographies of Regions and Territories*, ed. by A. Paasi, J. Harrison, M. Jones. Cheltenham: Edward Elgar, 2018, pp. 256–267.

Terlouw K. Rescaling Regional Identities: Communicating Thick and Thin Regional Identities. *Studies in Ethnicity and Nationalism*, 2009, vol. 9, no. 3, pp. 452–464. <https://doi.org/10.1111/j.1754-9469.2009.01064.x>

Vallbé J., Magre J., Tomàs M. Being metropolitan: The effects of individual and contextual factors on shaping metropolitan identity. *Journal of Urban Affairs*, 2018, vol. 40, no. 1, pp. 13–30. <https://doi.org/10.1111/juaf.12243>

Walter-Rogg M. What about metropolitan citizenship? Attitudinal attachment of residents to their city-region. *Journal of Urban Affairs*, 2018, vol. 40, no. 1, pp. 130–148. <https://doi.org/10.1080/07352166.2017.1355664>

Zimmerbauer K., Paasi A. When old and new regionalism collide. De-institutionalization of regions and resistance identity in municipality amalgamations. *Journal of Rural Studies*, 2013, vol. 30, pp. 31–40. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2012.11.004>

Zimmerbauer K., Suutari T., Saartenoja A. Resistance to the deinstitutionalization of a region: Borders, identity and activism in a municipality merger. *Geoforum*, 2012, vol. 43, no. 6, pp. 1065–1075.

Received: July 17, 2023

Accepted: September 8, 2023

For citation: Grishin N. V. Identity politics in urban agglomerations: A review of modern scientific literature. *Political Expertise: POLITEX*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 648–662. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.410> (In Russian)

CORRIGENDUM

Калашникова С. К. Региональная политика идентичности: образ Санкт-Петербурга в дискурсе лидеров региона // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2020. Т. 16, № 4. С. 505–517. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.406>

C. 508

О. В. Малиновой

следует читать О. Ю. Малиновой

C. 508

[Малинова, Пуртова, 2018]

следует читать [Малинова, 2018]

C. 514

Малинова О. Ю., Пуртова В. С. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В. В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. 2018. № 3. С. 53–84.

следует читать

Малинова О. Ю. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В. В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. 2018. № 3. С. 53–84.

C. 517

Malinova O. lu., Purtova V. S. Justification of the Policy of the 2000s in the Discourse of V. V. Putin and the Formation of the Myth of the “Dashing Nineties”. *Politicheskaja nauka*, 2018, no. 3, pp. 53–84. (In Russian)

следует читать

Malinova O. lu. Justification of the Policy of the 2000s in the Discourse of V. V. Putin and the Formation of the Myth of the “Dashing Nineties”. *Politicheskaja nauka*, 2018, no. 3, pp. 53–84. (In Russian)

Kalashnikova S. K. Regional identity politics: The image of St. Petersburg in the discourse of regional leaders. *Political Expertise: POLITEX*, 2020, vol. 16, no. 4, pp. 505–517. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.406> (In Russian)

P. 508

О. В. Малиновой

has to be read О. Ю. Малиновой

P. 508

[Малинова, Пуртова, 2018]

has to be read [Малинова, 2018]

P. 514

Малинова О. Ю., Пуртова В. С. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В. В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. 2018. № 3. С. 53–84.

has to be read

Малинова О. Ю. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В. В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. 2018. № 3. С. 53–84.

P. 517

Malinova O. lu., Purtova V. S. Justification of the Policy of the 2000s in the Discourse of V. V. Putin and the Formation of the Myth of the “Dashing Nineties”. *Politicheskaja nauka*, 2018, no. 3, pp. 53–84. (In Russian)

has to be read

Malinova O. lu. Justification of the Policy of the 2000s in the Discourse of V. V. Putin and the Formation of the Myth of the “Dashing Nineties”. *Politicheskaja nauka*, 2018, no. 3, pp. 53–84. (In Russian)

Contents

Political institutions, processes and technologies

<i>Sokolov A. V., Frolov A. A., Isaeva E. A., Grebenko E. D.</i> Student associations and communities: Formats and results of activities (on the example consortium of universities “Upper Volga — the territory of innovation”).....	524
<i>Kurochkin A. V., Morozova S. S., Emelyanov S. V.</i> The Russian system of civil education in the conditions of digital transformations and new geopolitical challenges	539
<i>Ignatjeva O. A., Khomyakov D. O.</i> Discourse analysis of modern practices of strategies to justify the technological sovereignty of Russia	548
<i>Chernichkin D. A., Krivenko A. I.</i> Media image of Russia in Kazakh Telegram channels	565

Ethnopolitical processes

<i>Avksentev V. A.</i> Politicized ethnicity as an institutional obstacle to the strengthening of the All-Russian identity in the North Caucasus	587
<i>Zaznaev O. I.</i> Forms of government and ethnic conflicts: The problem of interconnection and its solution in political science.....	600
<i>Polunov A. Yu.</i> Content aspects of all-Russian civil identity: Problems and development prospects.....	610
<i>Poliakova N. V.</i> The strategy of “pol’shchizna” in the ethno-confessional context: Sociocultural and political aspects (on the example of Belarus).....	619
<i>Shabaev Yu. P.</i> Demographic “catastrophe” of the Russian Finno-Ugric peoples: Social and political motivation for the drift of identities	634

Book review

<i>Grishin N. V.</i> Identity politics in urban agglomerations: A review of modern scientific literature.....	648
Corrigendum	663

**На журнал «Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС»
можно подписаться по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс 71934**

Главный редактор *А. В. Курочкин*, д-р полит. наук, проф.
Редактор *Е. Е. Жирнова*
Корректор *А. С. Фомина*
Компьютерная верстка *Е. М. Воронковой*

Дата выхода в свет 28.03.2024. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Усл.-печ. л. 11,8. Тираж — 35 экз. Заказ № . Цена свободная.
Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.
Издательство СПбГУ. С.-Петербург, 6-я линия В.О., д. 11.
Тел./факс: +7 (812) 328-44-22. publishing@spbu.ru
Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5

Книги Издательства СПбГУ можно приобрести на сайте publishing.spbu.ru,
а также в Доме университетской книги, Менделеевская линия, д. 5;
тел.: +7 (812) 329-24-71;
часы работы: 10.00–20.00 пн. — сб.
Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов.